

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2013

№ 3 (23)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.

Журнал входит в "Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук", Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ»**

Демешкина Т.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русского языка, декан филологического факультета (председатель); Айзикова И.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего литературоведения, издательского дела и редактирования (зам. председателя); Ершов Ю.М., канд. филол. наук, доц., зав. каф. телерадиожурналистики, декан факультета журналистики (зам. председателя); Катунин Д.А., канд. филол. наук, доц. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии (отв. секретарь); Каминский П.П., канд. филол. наук, доц. каф. теории и практики журналистики (зам. отв. секретаря); Дронова Л.П., д-р филол. наук, проф. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; Иванцова Е.В., д-р филол. наук, проф. каф. русского языка; Кручевская Г.В., канд. филол. наук, доц., зав. каф. теории и практики журналистики; Резанова З.И., д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; Рыбальченко Т.Л., канд. филол. наук, доц. каф. истории русской литературы XX века; Суханов В.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. истории русской литературы XX века; Янушкевич А.С., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русской и зарубежной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Блинова О.И. Мотивационная триада как комплексная категориальная единица метаязыка и текста.....	5
Лебедева Н.Б., Корюкина Е.А. Наивный автор как письменно-речевая личность: жанроведческий аспект	11
Пушкарёва И.А. О семантико-стилистическом воплощении образа города в газетном тексте краеведческого характера (тема «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий»)	24
Резанова З.И. Конфликтная ситуация в языковом сознании носителей русского языка (по данным ассоциативного эксперимента)	34
Седова Н.А. Концепт «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ» в рекламных текстах и способы его репрезентации	43

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Жилякова Э.М., Хохлова Н.А. Концепт охоты в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова	52
Киселев В.С., Васильева Т.А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (статья первая)	63
Рыбальченко Т.Л. Библейский текст в тексте романа Ф. Горенштейна «Псалом»	80

ЖУРНАЛИСТИКА

Вершинин В.А. Возможности адаптации метода эксперимента к моделированию прессы региона	98
Мясников Ю.Н., Мясников И.Ю. Матричное комплексное проектирование газет и журналов как специализированная методика управления проектами	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е. Международный симпозиум «Книжность этноконфессиональных культур прошлого и настоящего: методология, методика и практика исследования (Томск, ТГУ, 14–15 июня 2012 г.)	116
Блинова О.И., Демешкина Т.А. Международная научная конференция «Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в. (Томск, ТГУ, 24–26 октября 2012 г.)	121

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? [Рец. А.Г. Антипова]	126
Поплавская И.А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в. [Рец. Ю.В. Шатина]	131

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	135
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	136

CONTENTS

LINGUISTICS

Blinova O.I. Motivational triad as a complex categorical unit of metalanguage and text	5
Lebedeva N.B., Koryukina Ye.A. Naive author as writing personality: genre-study aspect	11
Pushkareva I.A. On semantic and stylistic realization of city image in city text of local history character (theme "Dostoevsky in Kuznetsk" in city newspaper "Kuznetsky Rabochy")	24
Rezanova Z.I. Conflict in linguistic consciousness of Russian language speakers (by association experiment)	34
Sedova N.A. Concept "PART-WHOLE" in advertising texts and ways of its representation	43

LITERATURE STUDIES

Zhilyakova E.M., Khokhlova N.A. Concept of hunting in <i>the Notes of Rifle Hunter of Orenburg Province</i> by S.T. Aksakov	52
Kiselev V.S., Vasilieva T.A. Evolution of image of Ukraine in imperial literature of the first quarter of 19th century: regionalism, ethnography, politicization (Article I)	63
Rybalchenko T.L. Bible text in <i>Psalm</i> by F. Gorenstein	80

JOURNALISM

Vershinin V.A. Adapting method of experiment in regional periodicals design	98
Myasnikov Yu.N., Myasnikov I.Yu. Matrix-based complex modeling of periodicals as focused project management technique	107

SCIENTIFIC LIFE

Bakhtina O.N., Dootchak Ye.Ye. International Symposium "Booklore of past and present confessional cultures: methodology, methods and practices of research (Tomsk, Tomsk State University, June 14–15, 2012)	116
Blinova O.I., Demeshkina T.A. International Academic Conference "Topical problems of motivology in 21st century linguistics (Tomsk, Tomsk State University, October 24–26, 2012)	121

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Mishankina N.A. Metaphor in science: a paradox or a norm? [Rev. by A.G. Antipov]	126
Poplavskaya I.A. Types of interaction of poetry and prose in Russian literature of the first third of 19th century [Rev. by Yu.V. Shatin]	131

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	135
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	136

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1.374
DOI 10.17223/19986645/23/1

О.И. Блинова

МОТИВАЦИОННАЯ ТРИАДА КАК КОМПЛЕКСНАЯ КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА МЕТАЯЗЫКА И ТЕКСТА

В статье впервые рассматривается комплексная категориальная единица мотивологии, объединяющая в единое целое три её термина-понятия: мотивированность слова, мотивационно связанные слова и внутреннюю форму слова, которые исследовались как самостоятельные компоненты мотивологической терминосистемы, в то время как они взаимосвязаны. Первая часть статьи посвящена представлению каждого из составляющих мотивационной триады, которые характеризуются в двух аспектах: онтологическом и функциональном, вторая часть – структуре мотивационной триады и взаимосвязи её компонентов.

Ключевые слова: мотивированность, мотивационно связанные слова, внутренняя форма слова, мотивационная триада, значимые сегменты звуковой оболочки слова.

Мотивология как один из разделов лексикологии (в широком смысле этого слова) изучает явление мотивации слов в различных аспектах: методологическом, онтологическом, динамическом, сопоставительном, лексикографическом и др. [1]. Известно, что одним из показателей науки является возникновение новых терминов, отражающих те или иные новые явления, стороны, связи и т.д. уже существующих терминов-понятий. К рассмотрению такого термина – мотивационная триада – и приглашаются читатели настоящей статьи.

Мотивационная триада включает три ведущих, ключевых термина мотивологии: мотивированность слова, мотивационно связанные слова (МСС) и внутреннюю форму слова (ВФС), каждый из которых получил достаточно полную интерпретацию в мотивологии. Именно это позволило обнаружить органичную, неразрывную связь и обусловленность вышеназванных терминов, предоставив возможность объединить их в единое категориальное терминологическое обозначение.

Но прежде обратимся к каждому составляющему мотивационной триады.

1. Мотивированность слова. В мотивологии под мотивированностью слова понимается структурно-семантическое свойство слова, позволяющего осознать взаимообусловленность его значения (семемы) и звучания (лексемы) на основе соотносительности с языковой или неязыковой действительностью. Так, мотивированность слова *осинник* осознаётся за счет его соотносительности с другими словами языка, представляющими роль его мотиваторов – лексических (РЯБина) и структурных (ельНИК, березНИК, кедровНИК). Нередко факт осознания мотивированности лексических единиц носителем языка отражают метатексты. Некоторые примеры: *Ходила [за грибами], вот у меня сейчас мать-и-мачеха, подорожник лежит, потом тысячелистник, белый он, знаете же, он тыщу болезней сымает, кипятком зальёшь,*

постоит, пей от всех болезней. // Тысячелистник вон там травка растёт. Её ещё ранник зовут и порезная трава. На раны накладывают. // Он [указывает] называется парильник и ранник эта трава-то. Он ранний. Весной-то выходит – ранник называется [2. Т. 2. С. 156–157]. Карька – чёрный, карий конь. Сивка – сивый, такой как вроде серый. Чалка – так вроде и не рыжий с розова какой-то. Рыжка – рыжий конь [3. Т. 1. С. 198]. // Есть крестовки таки. Лисы, у ей поло-са проходит по бугру, типа креста. Сама ценна чернубурка, красива така шкурка у неё. Были лисы серебрянки, таки серебристы [Т. 2. С. 166].

В иерархии свойств слова мотивированность занимает ведущее место, предопределяя зависимость от неё таких свойств лексических единиц, как изоморфность, идиоматичность, метафоричность, образность, интенсивность, экспрессивность, оценочность, синонимичность, антонимичность (подробно см.: [1. С. 34–40]).

С мотивированностью связаны все виды лингвокультурологических характеристик метафорических единиц: олицетворение, антропоморфизм, артефактоморфизм, зооморфизм, фитоморфизм, фомоморфизм, натуроморфизм мифоморфизм, локоморфизм [4. С. 12–14].

Разнообразны типы мотивированности слова, которые выделяются в зависимости:

- от способа мотивировки: языкового (относительная мотивированность) или неязыкового (абсолютная мотивированность);
- средства мотивировки (фонетическая, или звуковая: шум, гул, бом; морфологическая: подосиновик, земляной, красить; семантическая: лиса ‘мех лисы’; морфо-семантическая: горицвет, горихвостка, толстусум);
- признака мотивировки (лексическая: СНЕГирь, КОРОлева, структурная: бруснИКА, керосИН, тумАН);
- степени мотивировки (полная: МОР/ЯК, РЫЖ/ИК, частичная: СТЕКЛярус).

2. Мотивированность как свойство слова обладает такими особыми средствами выражения, как **мотивационно связанные слова** и **внутренняя форма слова**.

Реализация МСС осуществляется в безграничном множестве текстов в рамках всех существующих форм языка и их стилевых разновидностей [1. С. 57–71; 120–148]: в литературном языке, городском просторечии, местных диалектах и т.д., в коммуникативной сфере языка, экспрессивной, эстетической, в художественной прозе и поэзии. Несколько примеров: Зимники – это проезжая дорога зимой, а летом на ней не проедешь, надо водой ехать, летней дорогой – это летник (Среднее Приобье). Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя; / То, как зверь она завоеет, / То заплачет, как дитя, / То по кровле обветшалой / Вдруг соломой зашумит, / То, как путник запозда-лей, / К нам в окошко застучит (А. Пушкин. «Зимний вечер»).

Мотивационно связанные слова выполняют в текстах большое количество функций. В коммуникативной сфере языка насчитывается 16 функций (текстообразующая, системообразующая, метаязыковая, характеризующая, апеллятивная, ритмизация текста и др. [1. С. 147]), в эстетической сфере языка – 6 функций (создания образности текста, звуковых и зримых образов, вы-

ражения ключевых слов, стержневых средств поэтического текста [1. С. 148]. К ним примыкают стилистические приёмы:

- оживления внутренней формы слова (*Вот знойный горит горит цвет, / Осоки блистанье стальное <...> Окуджава*);
- плеоназма (*Еле солнечное солнце / Сновидением во сне / Входит в сумеречный сумрак, / Тонет в белой белизне. С. Кирсанов*);
- тавтологии (*Но хоть криком кричи, / Но хоть рыком рычи. / В моём теле ворочаются мечи. Е. Евтушенко*);
- градации (*Подует ветер! / Сосен тёмный ряд / Вдруг зашумит, / Застонет, занеможет. Н. Рубцов*);
- оксюморона (*И сам он, римский иерарх, в своей / непогрешимости греховной. Ф. Тютчев*);
- антитезы (*Надеждой не делись, / Оставь без лишней ноши, / Хорошей не кажись, / Останься нехорошей. В. Фёдоров*);
- обрамления, или кольца (*В винном облаке луна. – Кто здесь? / Будь товарищем, красotka, пей! / А по городу весёлый слух: / Где-то двое потонули в вине. М. Цветаева*);
- анафоры (*Зашумит ли клеверное поле, / Заскрипят ли сосны на ветру, / Я замру, прислушаюсь и вспомню, / Что и я когда-нибудь умру. Е. Евтушенко*);
- аллитерации (*Ревёт ли зверь в лесу глухом, / Трубит ли рог, гремит ли гром, / <...> На всякий звук / свой отклик в воздухе пустом / Родишь ты вдруг. А. Пушкин*);
- ассонанса (*Я вольный ветер, я вечно вею, / Волную волны. Ласкаю ивы. / В ветвях вдыхаю, вдохнув, немею, / Лелею травы, лелею нивы. К. Бальмонт*) и др.

Кроме известных стилистических фигур, приведённых выше, мотивационно связанные слова участвуют в реализации специфических мотивационных фигур речи. В их числе приемы:

- перевёрнутой мотивации, состоящий в инверсионном употреблении мотивированного и мотивируемого слова, что и создаёт новый образ, эстетический эффект (*Семь холмов, как семь колоколов. / На семи колоколах – колокольни. М. Цветаева*);
- объединения мотивационных пар и цепочек, что образует одно словосочетание, синтезирующее целостное образное понятие. Продолжив выше процитированный отрезок стихотворения М. Цветаевой, получим: *На семи колоколах – колокольни. / Всех счётом – сорок сороков. / Колокольное семихолмие!* – яркий, красочный образ Москвы златоглавой;
- наделения слова внутренней формой (*Только вдумайся, вслушайся в имя Россия! / В нём и росы, и синь, / И сиянье, и сила... Ю. Друнина*). Посредством этого приёма в процитированном стихотворении создаётся многогранный лирический образ Родины, наделённый утренними сверкающими росами (РОссия – росы), синевой неба и синью озёр (РосСИЯ – синь), сиянием мерцающих звёзд (РосСИЯ – сиянье), и силой (РосСИЯ – сила).

Мотивационно связанные слова представляют весь каркас словарного состава языка, оставляя за его пределами 1,5 % немотивированных слов, не охваченных мотивационной связью. Эти слова, как правило, иноязычного происхождения.

Мотивационно связанные слова, которые в русском литературном языке составляют две трети его лексикона, в ряду других видов системных отношений языка – синонимических, антонимических, вариантных – также занимают ведущее место в силу значительно превосходящего числа мотивированных единиц по сравнению с вышеназванными. В процентном отношении это выглядит следующим образом: в отношении мотивации вступают 98 % лексических единиц, синонимии – 27 %, формального варьирования – 24 %, антонимии – 5 %, омонимии – 2,5 %, паронимии – 2,5 %. Подсчеты произведены на материале русского литературного языка по данным словарных источников.

Таким образом, с учетом количественных данных и полифункциональности мотивационно связанных слов явление мотивации представляет ведущее лексическое явление русского языка.

3. Другое средство выражения мотивированности – внутренняя форма слова – нуждается в дополнительном пояснении, поскольку в отечественном, как и в зарубежном, языкознании это понятие имеет разные трактовки. Автор настоящей статьи, вслед за А.А. Потебнёй [5, 6, 7] и В.В. Виноградовым [8], предложившими концепцию ВФС с её синхронным подходом, семасиологическим аспектом анализа, с обусловленностью ВФС мотивированностью лексической единицы, начиная с первых работ [9. С. 3–17] и кончая последними [10. С. 136–140], предложил следующее определение ВФС: морфо-семантическая структура слова, выражающая взаимообусловленность его звучания и значения.

В разделе коллективной монографии [10. С. 6–14], где представлен комплексный подход к анализу сложной структуры ВФС, с её двойственным материально-идеальным двуединством, мотивационной формой и мотивационным значением, введён один из компонентов ВФС, обозначенный как значимый сегмент (ЗС), формирующий как мотивационную форму, так и мотивационное значение ВФС, который достоин более полной функциональной характеристики в онтологическом аспекте. Роль ЗС раскрывается при рассмотрении ВФС в лингвокультурологическом аспекте.

Важно и уместно обратить внимание на полифункциональность ВФС, которая не только служит средством выражения мотивированности, но и участвует в сфере языка как самостоятельный феномен, являясь одним из существенных компонентов речевой культуры и языковой картины мира. Последней посвящено много публикаций, поэтому в данной статье обращается внимание на ВФС как лингвокультурологическое звено речевой направленности.

Как известно, в мотивологии существует типология мотивированности. Тот или иной тип мотивированности, выделяемый на основе определенного критерия, получает ту или иную характеристику – тип абсолютной или относительной мотивированности.

Как отмечалось ранее, в зависимости от различных признаков мотивировки – способа, средства, вида, степени мотивированности – выделяются такие типы, как морфологический, семантический, морфо-семантический и лексический. Именно эти типы мотивированности выражаются за счёт значимых сегментов, формирующих мотивационную форму и мотивационное значение ВФС, выполняя тем самым онтологическую функцию.

За счёт значимых сегментов выделяются типы ВФС: метафорическая (мотивационная форма (МФ): вдов/ушка; мотивационное значение (МЗ): 'птица <с черным оперением, как> вдова'), неметафорическая (МФ: верти/шей/ка; МЗ: 'птица, <которая> вертит шейей'), лексикализованная (МФ: василёк; МЗ: 'как-то связано с Василием'), нелексикализованная (МФ: ГАЛ/КА; МЗ: 'птица, <которая> галдит'), полная (МФ: бел/ка; МЗ: 'зверёк <с> белым <брюшком>'), неполная (МФ: КОРОЛ/ева; МЗ: <супруга> короля).

Значимые сегменты в составе мотивационной формы и мотивационного значения ВФС служат средством выражения лингвокультурологических классов лексических единиц:

- олицетворения: *королёк* 'лесная птица отряда воробьиных с яркой окраской темени'. МФ: КОРОЛ/ЁК. МЗ: 'птица <с ярким, как облачение> короля <оперением>';

- антропоморфизма: *пересмешка* 'певчая птица, отличающаяся способностью подражать крику различных животных'. МФ: пересмеш/ка. МЗ: 'птица, <голос которой похож на> смех <человека>;

- мифоморфизма: *чертополох* 'сорное колючее растение семейства сложноцветных'. МФ: ЧЕРТополОХ. МЗ: 'чёртов цветок';

- фитоморфизма: *дубонос* 'певчая птичка семейства вьюрковых с массивным клювом'. МФ: ДУБоНОС. МЗ: '<птица с твёрдым как> дуб носом';

- натуроморфизма: *солнцецвет* 'травянистое растение, с ветвистыми листьями и ярко-жёлтыми цветками'. МФ: солнце/цвет. МЗ: '<растение с жёлтыми, как> солнце <цветками>;

- фономорфизма: *кукушка* 'лесная птица, не выющая своего гнезда'. МФ: КУКУ/шка. МЗ: 'птица, <голос которой звучит как> ку-ку';

- артефактоморфизма: *сабельник* 'травянистое растение с перистыми листьями и белыми цветками'. МФ: САБЕЛЬ/НИК. МЗ: '<растение, листья которого напоминают> саблю';

- зооморфизма: *воронец* 'ядовитое травянистое растение с красными или чёрными ягодами'. МФ: ВОРОН/ЕЦ. МЗ: 'растение <с черными, как> ворон <ягодами>;

- локоморфизма: *дубровник* 'птица, обитающая в дубравах, поймах рек, зарослях кустарников'. МФ: дубров/НИК. МЗ: 'птица, <населяющая> дубравы'.

Значимые сегменты ВФС активно проявляют себя при реализации ею различных функций: коммуникативной (связующей, структурирующей в её составе), системообразующей, мотивирующей, конативной; экспрессивно-эстетической (при выражении образных единиц, интенсивов, фигур речи, квазиремотивации, создании комического эффекта [1. С. 108–116; 4; 12. С. 125–132; 13. С. 13–17; 16. С. 170–177]; регулирующей и дифференцирующей [1. С. 94–95; 100–103; 14. С. 10–20]; гносеологической и типологизирующей [1. С. 116–120; 15. С. 30–33; 17. С. 45–49].

Вышепредставленные составляющие мотивационной триады, рассмотренные в онтологическом и функциональном аспектах, сами по себе обладают многими характеристиками, свидетельствующими об их развитости. И тем не менее они взаимосвязаны, иерархически организованы, взаимообусловлены.

Структура мотивационной триады состоит из трёх звеньев: первое звено, главный и независимый член триады – мотивированность слова. Два других звена – мотивационно связанные слова и внутренняя форма слова – зависимые члены триады, выполняющие роль средства выражения мотивированности слова. В этом их главное предназначение.

Мотивационная триада в целом и каждый из её компонентов играют исключительно важную роль в структурной организации языка и его функционировании. Особая значимость каждого из её звеньев проявляется в следующем:

а) мотивированность с её уникальным свойством служит связующим звеном трёх ипостасей: самосознания пользователя словом в двуединстве его звучания и значения;

б) внутренняя форма слова материализует эти три ипостаси;

в) мотивационно связанные слова реализуют системно-образующую функцию языка, обеспечивают целостность его словесного каркаса.

Несмотря на развитость, многокомпонентность каждого из звеньев мотивационной триады, она составляет единое целое, сохраняя возможность саморазвития.

Литература

1. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. 3-е изд., испр. и доп. М.: КРАСАНД, 2010. 304 с.
2. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / ред. О.И. Блинова. Томск, 2007. Т. 1–3. 160 с.
3. Мотивационный словарь сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко; ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 2. 309 с.
4. Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. Томск: UFO-Plus, 2007. 364 с.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958.
6. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
7. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.
8. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
9. Блинова О.И. Явление мотивированности слов в собственно лексикологическом аспекте // Вopr. сиб. диалектологии. Омск, 1975. Вып. 2. С. 3–17.
10. Блинова О.И. Ключевые термины мотивологии: Испытание временем (1971–2011 гг.) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманит. науки (Филология). 2012. Вып. 10 (125). С. 136–140.
11. Блинова О.И. Внутренняя форма слова как термин-понятие и его статус // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.: По материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию томской школы русистики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 322 с.
12. Бельская Е.В. Роль внутренней формы слова в выражении семантики интенсивных лексических единиц (на материале «Полного словаря сибирского говора») // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: межвуз. сб. ст. Томск, 1998. С. 125–132.
13. Блинова О.И. Внутренняя форма слова и фигуры речи // Теоретические и природные аспекты филологии: сб. науч. тр., посвящ. 10-летию каф. рус. яз и лит. Томск, 2003. С. 13–17.
14. Гранкина А.Н. Дифференцирующая и регулирующая функция внутренней формы слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 22 с.
15. Блинова О.И. Типологизирующая функция внутренней формы слова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманит. науки (Филология). 2007. Вып. 2 (65). С. 30–33.
16. Блинова О.И. Квазиремотивация как приём речевой игры // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. С. 170–177.
17. Козлова И.Е. Познавательная функция внутренней формы слова (на материале русского и французского языков) // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности: Язык в социально-культурном пространстве. Томск, 1996. Ч. 2. С. 45–49.

УДК 801.7:003

DOI 10.17223/19986645/23/2

Н.Б. Лебедева, Е.А. Корюкина

НАИВНЫЙ АВТОР КАК ПИСЬМЕННО-РЕЧЕВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ЖАНРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

В статье описывается письменно-речевая личность рядового носителя русского языка, проявленная через жанровую призму создаваемых им непрофессиональных текстов художественного и социально-гражданского содержания. Наивный автор, не обладающий навыками профессионального письма, создает тексты в особой жанрово-тематической форме, называемой нами жанроидом. Тем самым ставится проблема обоснования особой разновидности языковой личности и подтверждается гипотеза, что жанровый признак может лечь в основу описания языковой личности.

Ключевые слова: наивный автор, письменно-речевая личность, жанр, жанроид.

1. В данной работе мы описываем носителя естественной письменной речи как языковую личность со стороны ее жанрового сознания и жанровой реализации, тем самым ставим задачу обосновать положение, что письменно-речевая личность (ПРЛ) может быть описана со стороны ее жанровых предпочтений. Естественная письменная речь (ЕПР) характеризуется следующими признаками: письменная форма, отличающая ее от устных вариантов речи (диалектной, просторечной и литературной устной речи), неофициальность (повседневность) сферы бытования как интенциональный признак, спонтанность как способ осуществления письменно-речевой деятельности (кратчайшая временная дистанция между замыслом и осуществлением), непрофессиональность как способ и характеристика результата, отсутствие промежуточных лиц и инстанций («фильтров») между отправителем и реципиентом текста. Каждый из этих признаков ЕПР может быть выражен в различной степени, вплоть до нулевой (о ЕПР см.: [1, 2, 3, 4, 5]), при сохранении остальных признаков. Ослабленный характер каких-то признаков сдвигает этот тип текста на периферию всего пространства ЕПР, которое, следовательно, имеет полевую структуру. Таким образом, настоящая работа выполнена на пересечении трех направлений современной русистики: лингвоперсонологии (теории языковой личности), жанрологии (генристики) и теории естественной письменной речи. Мы используем предложенный Н.Д. Голевым в [6. С. 14] термин «лингвоперсона», под которым понимается конкретная языковая личность, реконструируемая из речевых произведений: это «портретные описания языковых индивидуумов (лингвоперсон)» [7. С. 499].

Аналитическая часть работы посвящена описанию конкретной лингвоперсоны – ПРЛ наивного автора художественных и публицистических текстов – Галины Петровны Касаткиной (далее – ГП), русской, 1940 года рождения, которую мы определяем как носителя естественной письменной речи. Она прожила большую и непростую жизнь, работала крановщицей, уборщи-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 12-14-42001а).

цей, трудилась в колхозе, в данный момент консержка большого элитного дома.

В качестве материала исследования нами взяты ее (ГП) письменные тексты «художественной» и «публицистической» (социально-гражданской) направленности. Хотя ГП пишет и другие речевые произведения – служебные и частно-личные, но в нашем распоряжении оказался большой текстовый материал именно вышеуказанной направленности, что и обусловило выбор предмета исследования. Эти тексты, видимо, можно отнести к разряду «наивной литературы» в понимании основателя Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета С.Ю. Неклюдова, поскольку они «...ориентируются на литературные (а не на устные) образцы; самими создателями они расцениваются как продукт индивидуального творчества (а не коллектива), включая выраженное авторское начало (в противоположность анонимному голосу фольклорной традиции). Соответственно, образцы "наивной литературы" представляют собой "разовые" (и в этом смысле уникальные) произведения. Иногда они к тому же ориентированы на камерное, даже интимное бытование (семья, узкий круг друзей и т.п.) и не предполагают тиражирования» [8]. Заметим, что мы рассматриваем эти тексты не в фольклорной парадигме, как это делается в упомянутом выше Учебно-научном центре типологии и семиотики фольклора РГГУ, а в свете теории естественной письменной речи, но, конечно, несмотря на различие в исходных установках этих двух филологических направлений, выделение определенных базовых характеристик этого объекта совпадает при различных подходах (см. также близкие взгляды в работах [9, 10, 11, 12, 13, 14]).

При анализе жанрового воплощения текстового материала, автором которого выступает ГП, мы используем элементы сопоставления их с моделями классических жанров, отрефлексированных в литературоведении, но не для оценки «далекости» их от образцовых канонов и в силу этого их несовершенства, а в качестве своего рода точки отсчета, фона, на котором обнаруживается специфика использования традиционных жанров в текстах ГП.

Заметим, кстати, что оценка наивных текстов с точки зрения их «далекости» от произведений профессиональной литературы весьма распространена, так как она как бы напрашивается сама собой: ведь оценивают их филологи, воспитанные на высокохудожественной литературе и обладающие выработанным на этой основе определенным эстетическим вкусом, с позиций которого подходят к любому тексту. При описании произведений наивных авторов нередко встречаются замечания оценочного характера: «литературная "хромота"», «неумение выдержать до конца сюжетную линию, слабость в разработке фабульных и психологических мотивировок, неразличение масштабов изображаемого», «произведения, сияющиеся, но не могущие стать литературой; произведения, которые именно с литературной точки зрения словно бы "хромают на все четыре ноги"» [8] и пр. Такого рода оценки обусловлены сопоставлением творчества наивных авторов с профессиональной литературой, когда каноны последней берутся в качестве «правильной» и образцовой нормы, а произведения наивных авторов воспринимаются как «недолитература». Мы придерживаемся принципа гносеологической толерантности (см. об этом в [15. С. 8]), при которой тексты ЕПР не оцениваются

с нормативных и литературноцентрических позиций – к ним осуществляется подход как к самоценным феноменам. Мы согласны с мнением А.П. Минаевой, высказанным на семинаре в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ (20–22 апреля 2000 г.): «Авторы "наивных текстов" и носители литературного языка существуют в двух разных социокультурных пространствах, в каждом из которых действуют свои ценности, нормы, критерии, находящиеся в коллективном пользовании» [8]. Этот взгляд близок к позиции Н.Н. Козловой и И.И. Сандомирской, которые считают, что издатели наивной литературы должны «предоставить тексту возможность просто быть» [9. С. 8], «прилагая все усилия к тому, чтобы никоим образом не нарушить ход оригинального письма, не поставить, по дурной интеллигентской привычке, запятую там, где ею пренебрег загадочный автор» [9. С. 7], удерживая «зуд нормирующей активности» [9. С. 7]. Кстати, в барнаульско-кемеровской лингвистической школе, в русле которой сделано представленное в данной статье исследование, не принято употреблять оценочные слова вроде «орфографическая (пунктуационная, стилистическая и пр.) ошибка», «неграмотно» и пр., поскольку это противоречит принципу гносеологической толерантности, поставленному нами во главу угла при исследовании текстов ЕПР. Об ошибке можно говорить, только если автор поставил себя в своей письменно-речевой деятельности в позицию оценивания – сдает экзамен, пишет диктант и пр. В остальных же случаях, т.е. вне официальной оценки, он имеет право писать как может, хочет и понимает. Здесь уместно вспомнить слова поэта Б. Окуджавы: «Каждый пишет, как он слышит. Каждый слышит, как он дышит. Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить <...>». Вместо нормоцентрических и литературноцентрических оценочных слов мы можем говорить только о несовпадении написания с кодифицированными и конвенциональными нормами, если это потребуется. Как сказано в процитированной выше фразе С.Ю. Неклюдова, тексты наивных авторов «разовые», не рассчитаны на публикацию («тиражирование»), они имеют адресатами узкий – семейный, дружеский – круг людей, не претендуют на профессионализм, не выходят в официальную сферу, следовательно, имеют право «просто быть», вне оценок, выработанных для других, в частности профессиональных, текстов.

2. Остановимся на общих характеристиках жанрового мышления наивно-го автора. Наличие среднего образования и чтение художественной и публицистической литературы ГП свидетельствует в пользу того, что автор ориентируется на творчество профессиональных писателей и имеет некоторое представление о жанрах, т.е. обладает в определенной степени жанровой компетенцией [16. С. 127]. Но анализ непосредственно текстового материала ГП показал одну особенность: они не носят достаточно выраженного жанрового оформления, а характеризуются размытостью, некоторой аморфностью, синкретичностью жанровых форм. Более того, иногда ГП переходит со стихотворной формы на прозаическую и возвращается опять к стихотворной, видимо, не отслеживая за собой такие «перескоки», поскольку она, как человек непосредственный и темпераментный, идет на поводу своих наплывающих мыслей и ассоциаций. Содержательная сторона преобладает над формальной, что неудивительно, поскольку она любитель, а не профессионал.

Автор интуитивно определяет свои тексты как «стихи», «статьи», «рас-

сказы», «воспоминания» (например, *«Дневник воспоминаний прошлых лет...»*), «автобиография», «тетрадь-дорожная», «заметки», «путевые заметки», «сказка» и др., что дает основание судить о ее своеобразном жанровом мышлении – это пример обыденной жанровой рефлексии, обыденного жанрового метаязыка. Г.П. не очень-то знакома с определениями жанра, признаками тех или иных жанров, поэтому жанровую квалификацию дает интуитивно, иногда по просьбе собирателя-исследователя. Тексты ГП могут быть классифицированы именно таким образом, как она это делает, лишь условно, поскольку перечисленные жанры в ее исполнении подчас незначительно отличаются друг от друга и во многом совпадают по тематике и форме, хотя все же некоторые жанровые признаки имеют место, но прослеживаются лишь пунктирно, как некоторая тенденция. Можно назвать такое жанровое сознание «плавающим». Поскольку не представляется возможным каждый текст ГП квалифицировать как сложившийся в литературоведении жанр, мы будем использовать термин «жанроид», предложенный К.Ф. Седовым, который определяет его как жанровый гибрид, располагающийся в пространстве между жанрами и имеющий признаки сразу двух жанров: «...текучесть, незавершенность норм внутрижанрового поведения позволяет выделить в рамках предлагаемой типологии переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве» [17. С. 71; 18. С. 150]. В нашем исследовании жанроид понимается как жанровое образование, некоторыми признаками совпадающее с каким-нибудь литературным каноном, другими же признаками – с другим каноном или же вообще не имеющее признаков литературного жанра. Последние – наиболее сложные для анализа, но весьма интересные для исследования обыденного жанрового мышления наивного автора. В этом отношении нам представляется небесспорным утверждение М.Л. Лурье: «Наивная литература идет за литературой профессиональной, может быть с отставанием и противоречиями, но никаких новых форм она не выдумывает. Основным признаком "наивного" текста является зазор между нормативными характеристиками литературного образца (будь то жанр, конкретное произведение, поэтическая форма как таковая, письменная речь вообще) и реальностями текста; основным признаком "наивного автора" будет непреднамеренное невладение этими нормами» [9]. Как нам представляется, это мнение («никаких новых форм она не выдумывает») требует специальной проверки, которая может быть осуществлена лишь после жанроведческого исследования различных текстов наивной литературы с позиций гносеологической толерантности, хотя сама мысль, что наивный автор ориентируется на канонизированные образцы, не вызывает сомнений. Но ведь и профессиональные авторы на них ориентируются, при этом нередко оставаясь (или становясь со временем) самостоятельными и оригинальными писателями и поэтами в различных, в том числе и жанровом, отношениях.

Безусловно, понимание жанра в сознании профессионального и наивного авторов художественных произведений не совпадают. В научном понимании (которое должно соотноситься с жанровым мышлением профессионального писателя) литературный жанр – это сложившийся в процессе развития художественной словесности вид произведения. Жанр произведения традиционно определяется по целому ряду признаков – содержательных и формальных: содержание

произведения; способ повествования, описания, воспроизведения событий, явлений, системы образов, героев; отношение автора к изображаемому; характер конфликтов и их развитие в сюжете; пафос произведения; приемы обрисовки, изобразительно-выразительные средства; стилевая манера.

У наивного автора нет цели структурировать своё творчество, вставить свои тексты в жёсткие рамки жанровых канонов. Текст создается спонтанно, под напором возникающих ассоциаций, и если иногда вначале еще имеются признаки жанра (заголовок, нечто вроде эпиграфа, указание на хронотоп – время и место описываемого содержания), то далее может идти как формальная (стихотворная – прозаическая форма), так и содержательная трансформация. Для Галины Петровны, как и для большинства носителей ЕПР, главным является не форма, а содержание и свое отношение к нему. И поскольку в текстах исследуемой письменно-речевой личности переплетаются тема и жанр, мы используем термин жанрово-тематический диапазон текстового материала.

Методика работы с материалом на данном этапе – соотнести тексты ГП с жанрами художественной литературы и выявить наиболее устоявшиеся в ее творчестве жанроиды.

3. Далее мы переходим к анализу жанровых образований текстов Г.П. Касаткиной, сохраняя, как это принято в таких случаях, авторскую орфографию, пунктуацию и стилистику при цитировании отрывков из текстов.

Жанроид **мемуарные записки**. К этому жанроиду можно отнести тексты, содержащие воспоминания о реальных событиях общественного и личного характера.

Наиболее яркие элементы мемуарного характера мы находим в тексте про строительство завода: во-первых, заголовки типа *Дневник воспоминаний прошлых лет восстановить не так-то просто. Таджикистан. Конец 70х – начало 80х годов* указывают на хронотоп произошедшего события, что должно, вероятно, по замыслу автора, свидетельствовать о достоверности событий; во-вторых, автор повествует об общезначимом событии, важном для страны, – строительстве заводов и ГЭС: *Моё пребывание в эту союзную республику было началом новой жизни. Я вся влилась полностью в кипящую трудовую деятельность. Стройка велась братскими народами со всего СССР и даже дальнего зарубежья. ЧССР, ГДР, Франции. Строили Нурекскую ГЭС, Рогунскую ГЭС, Таджикский алюминиевый¹ з-д, фарфоровый з-д*. В-третьих, имеется некоторое движение сюжета в соответствии с хронологией развития событий.

Текст *«Моё детство»* можно отнести к мемуарам (воспоминаниям) постольку, поскольку в них есть установка на передачу достоверности происходящего, имеет место некоторое хронологическое движение сюжета. Текст состоит из нескольких смысловых частей. В первой ГП повествует, как она в четырёхлетнем возрасте *раскрутила на винтики и шпунтики* радио, за что была наказана матерью. Во второй части автор описывает себя уже шестнадцатилетней, вспоминает учёбу в школе, учителей, одноклассников. Вторая часть состоит из шести небольших отрывков, тематика которых касается

¹ Сохранены орфография и прочие авторские аномативные черты.

школы, ее директора, учителей математики, химии, географии, физкультуры, истории. Третья часть – слияние двух предыдущих частей: возвращение к себе четырехлетней, потом «перескок» к семнадцатилетней – и снова авторское «метание» между разными хронологическими пластами.

Несмотря на явные сюжетные разрывы, формально – графически, пунктуационно, абзацно – это не отмечено, лишь в сам текст вводятся слова *Затем я выросла. 16 лет; Вернусь к написанному мною строкам о радио.*

Особое место занимает текст, названный автором *Автобиография*. Он близок к мемуарным запискам, в которых повествование начинается с представления себя, а затем переходит к описанию происхождения её семьи, установление родственных связей и т.д.: *Я Прохорова-Касаткина Галина Петровна. 7.04.1940. г. Кемерово. П. шахта «Пионер». Школа №32. Образование среднее. Мои родители: – Мать Финогенова Агриппина Михайловна, по мужу Прохорова. Отец Прохоров Пётр Дмитриевич 1911 г. 11.05. г. Тогучин Новосибир. об.* Далее следует рассказ о родственниках со стороны матери и сожаление, что не сохранилось никакой информации о линии отца. Как и в большинстве текстовых произведений ГП, и здесь сюжет развивается ассоциативно, после краткого рассказа о бабушке следует упоминание о тётках и их судьбах. В целом имеется как бы конфликт авторской номинации жанра, в котором заключена первоначальная интенция автора – рассказать о себе, в основном останавливаясь на фактологической стороне жизненного пути, и мемуарного развития сюжета: и другие авторы мемуаров нередко начинают с описания своих родовых корней.

Мемуарными чертами отличается особая группа текстов – «рассказы о животных», поскольку в них описываются реальные события из жизни автора, о чем свидетельствуют указания на время и место: *Таджикистан, г. Душанбе 1974 г., Таджикистан, г. Турзун-заде.* Но по большинству признаков мы эти тексты отнесли к жанроиду «рассказ».

Жанроид **рассказ** обнаруживается нами в тех случаях, когда эпическая форма повествования отличается некоторой сюжетной законченностью, повествование замещает (по сравнению с мемуарными записками) простое указание на факты и события, есть элементы художественного переосмысления упоминаемых событий и лиц.

В «рассказах о животных» в стилевую ткань повествования могут вплетаться разножанровые элементы. Так, рассказ о коте Яшке, во-первых, имеет двойное заглавие: «поэтическое» – *О животных поведу рассказ. С какой любовью они ожидают нас* и мемуарно-дневниковое – указание местности: *Таджикистан, г. Турзун-заде.* Во-вторых, в тексте имеют место стилевые черты сказки – сказовый стиль, частичная рифмовка: *О животных поведу рассказ. Чтобы доброта к ним была у нас. Жили были три кота. 1-ый Яшка сирота. Хозяйка умерла в Рождественские морозы. Сын её учённый, альпинист. Жестокость к Яшке проявил. Дом продал. Далеко в лес его завёз. Думал всё, замёрз. Яшка живучим оказался. Страно. Домой он приполз. Суций скелет. Новая хозяйка. Будто ей чувство подсказало. Открыла дверь. От мороза руки к дверной ручке прилипали. Видит у порога кот лежит, еле дышит. Обледел. Мяукать не было сил. Взяла его хозяйка. Сказала ему добрые слова. Которых он давно не слышал. Отогрела ...* Этот текст мы квали-

фицируем как жанроид «рассказ», поскольку в нем автор именно повествует о событиях, а не сообщает факты. Эпическое начало *поведу рассказ* и зачин *жили-были три кота* (ассоциация с тремя братьями из традиционных сказок) указывают на сказочные мотивы. Кот Яшка остался сиротой, и ему приходится пройти через многие трудности, чтобы вернуть себе прежнюю жизнь. В аналогичной ситуации часто оказывается главный герой сказок Иван-царевич. Другие два кота, Васька и Маркиз, сравниваются с братьями Ивана, которые его всегда недолюбливали. Сказочный герой спасается и добивается победы обычно благодаря волшебному помощнику. В исследуемом тексте эту функцию выполняет «хозяйка». На этом элементы сказки заканчиваются, но рассказ о коте Яшке продолжается. Таким образом, перед нами как бы цикл маленьких рассказов о животных, связанных одним образом кота: о возвращении Яшки, о его печальной судьбе, о кошачьей совести, о котах и короле, о собаке Жульке. Стилистика сказки перемежается со стилистикой рассказа. В формальном отношении отметим не совсем оправданную парцелляцию предложений.

В других рассказах о животных также имеются иножанровые вкрапления: морализаторские высказывания, характерные для басен, и пр. (*Хочется сказать о животных. Они всё понимают только сказать не могут.*) В других рассказах (например, про собаку Жаннетту) текст не содержит иных стилистических вкраплений, кроме указания на время и место, которые нужны автору, чтобы подчеркнуть достоверность события.

Текст «Ванькино детство», который отнесен нами к жанроиду «рассказ», состоит из нескольких отрывков-воспоминаний, хронологически не выстроенных в одну временную линию. На каждом листе помещен новый минирассказ на заданную тему – про мальчика Ивана (он приходится Галине Петровне родным братом). В начале текста имеется номинация жанра, хронотоп, не совсем понятно, к чему относящийся, по-видимому – указывается день рождения мальчика – героя рассказов, дается и заголовок: *Рассказ. Кавказ. г. Армавир. 12.06.1936 г. Ванькино детство*. Сбоку (слева) в столбик приведено нечто вроде эпиграфа: *Среди армян русский Иван*. Однако это не цитата из произведения какого-либо известного писателя, а придуманная Галиной Петровной рифмованная фраза, назначение которой не совсем ясно.

Эти тексты имеют признаки мемуаров, поскольку содержат упоминания о родителях, личные воспоминания, в том числе об общественно значимых событиях. Стилистика изложения спокойная, несколько отстраненная, хотя не лишенная оценочности – заканчивается рассказ как бы обобщающей фразой, несколько напоминающей морализаторскую концовку басни: *Поэтому до глубокой старости сохранил доброту, любовь к людям. И его любили*. Сами коротенькие рассказы о Ване имеют определенную законченность, что позволяет относить их в целом к жанру «рассказ».

К жанроиду **баллада** мы отнесли рифмованный текст *Снился ему в тумане один грош в кармане*, поскольку в нем имеются некоторые балладные признаки: лироэпическая стилистика, несколько мрачноватый, таинственный колорит (*Сон вещей. За окном метели. Вьюга делает своё.*), романтическая настроенность матери на светлое будущее сына (*Сына! Сон вещей. Работа ждет тебя*), печальная интонация, безрадостная концовка, стихотворная

форма имеет членение на строфы. Однако весь сюжет построен на житейском, бытовом материале, слабо выдержана логика развития сюжета.

Жанроид **поэтическое послание** представлен двумя текстами, озаглавленными: 1) *Основоположникам воздухоплавания того времени посвящая, Циолковскому, Можайскому, Жуковскому по радиодинамике, Попову и Королеву по космонавтике* и 2) *Олигарху Прохорову Михаилу от Прохоровой Галины Петровны. 650070, г. Кемерово, ул. Свободы, д. 11 ФПК, дежурной.* Оба текста имеют некоторое несоответствие пафосного заголовка общественного звучания приподнято-лирическому содержанию самих произведений. Тексты частично рифмованные, первый к тому же разбит на строфы, написан «в столбик», второй – сплошным текстом. В первом тексте, содержащем имена конкретных адресатов, преобладает модальность восторженной радости несколько абстрактного звучания, поскольку конкретного обращения к указанным адресатам нет, хотя каждая строфа «озаглавлена» именем адресата, например: *Можайскому / Да будет память предкам нашим! / Проложившим путь нелегкий в океан / До чего же мир прекрасен в настоящем! / Жизнь народа хороша / Когда авиация на службу как язык вошла.* Заканчивается это произведение обращением к чиновникам (*Чиновники! Не надо для науки ресурсы ужимать <...>*), несколько морализаторская стилистика которого наводит на мысль о басенном жанре. Особого упоминания заслуживает концовка послания: *Ну, ладно от дела отвлеклась.* Этот несколько неожиданный и письменно зафиксированный выход автора послания в реальную действительность является характерным признаком естественной письменной речи: тексты вписаны в повседневное бытие, граница между «миром литературы» и «миром реальной жизни» прозрачна и легко преодолима. Заметим, что для ЕПР вообще характерна организация текста по аналогии с организацией мыслительной структуры, а вернее – структуры сознания: автор текстов ЕПР, находясь в «мире литературы», постоянно, хотя бы на периферии сознания, продолжает оставаться «в мире реальной жизни». Профессиональный автор чувствует эту границу гораздо сильнее, поскольку его ментальное поведение более дисциплинированно и отрефлексовано.

Этот текст имеет гибридную в жанровом отношении природу: заголовок всего текста и каждой строфы, начинающейся с имени адресата в датальном падеже, предполагает обращение к конкретному лицу, но ничего такого нет: текст носит характер абстрактного (в отношении адресованности) восторга перед «воздухоплаванием» – освоением космоса и воздушного пространства. Так, строфа, как бы обращенная к конкретному лицу, сразу получает обобщенное звучание: *Королеву / Космонавты! / Вы люди большого полета...*

Второе послание более конкретно в отношении указания на адресата – известного олигарха, которого она подозревает в родстве с ней, поскольку ее девичья фамилия также Прохорова. Намек на это содержится в «заголовке-обращении» (*от Прохоровой*, хотя это ее девичья фамилия, а настоящая фамилия – Касаткина) и в подписи *Прохорова-Касаткина*, и в конце послания высказано как бы предположение об их возможном родстве, поскольку, кроме общности фамилии, имеется общая «родовая» черта – неуспокоенность, активность, трудолюбие: *Древо предков родства, я не знаю. Но нити в Прохорове чувствую есть. Вечно в движении, нет время присесть.* Этот текст

интересен тем, что в нем перемежаются «общественная» мысль и лирическая струя. Социально значимая идея прослеживается в рамочной структуре: послание начинается с обращения и указания на основную – общественную – мысль своего послания (*Михаил! Сколько у Вас добра? А вот деревня в России бедна*), заканчивается также словами социально значимого содержания, пробелом отделенными от основного текста (*Еще Ломоносов говорил. Россия будет множиться Сибирью. Европейцы удивляются. Ее большому изобилию*), к тому же и в тексте есть вкрапления типа *Коровы пасутся на тучных лугах. Это значит заботу о них проявил олигарх; Надеюсь, Вы ответите. Не оскудеет Ваша рука. Зато услышим радостный крик петуха*. Прозаическая экономическая программа восстановления деревни почти отсутствует, кроме строчек: *Ждет земля, не дожидется. Когда работать начнут трактора. Сеять пора*. В целом же сам текст имеет лирическую тональность и поэтическое содержание: описывается красота, идиллическая гармония деревенской жизни, которая была раньше (по ее воспоминаниям) и которая будет опять, когда олигарх расщедрит и даст финансы на восстановление деревни. Этот текст в большей мере выдержан в жанре послания, чем первый, хотя имеется определенное противоречие между общественно значимой интенцией и субъективно-личностным и лирическим содержанием и стилистикой. Отделенные от основного текста послания фрагменты со словами Ломоносова и с замечаниями о завистливом удивлении «европейцев» нашему изобилию также носят иножанровую природу, трудно квалифицируемую в жанровом отношении (итог? мораль? комментарий?), что свидетельствует также о жанровой гибридности этого произведения.

Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на других жанроидах. Ограничимся перечислением некоторых из них и дадим общий комментарий. Жанроид **путевые заметки** (*Тетрадь – дорожная. / записей – заметок / Касаткиной Галины Петровны. 2008 г.*) содержит несколько текстов, навеянных дорожными впечатлениями («Медный всадник», «Казанский собор», «Обход», «Туризм. Экскурсия», «Таджикистан»). Однако в жанровом отношении это также гибридные образования: это не столько путевые заметки, как обозначено в названии тетради, сколько вольные поэтические экспромты большей частью с социальной направленностью, стимулом к которым стали Медный всадник, Казанский собор, храм в Соловках. Тетрадь также содержит неоформленные тексты в виде маленьких лирических зарисовок, когда, например, стимулом явились природные объекты (текст *Ивушка*).

Гибридной жанровой природой отличаются многочисленные тексты, которые объединены общим тематическим содержанием – **социально-политическим** – и являются ментально-психологическими реакциями на телевизионные передачи. Они настолько своеобразны, что мы затрудняемся определить их общую жанровую квалификацию. Условно их можно было бы назвать **рецензиями, комментариями**, если бы они не имели признаков художественного осмысления полученной информации. Эти тексты распределяются на три подгруппы: **публицистика, гражданская лирика, сатира**. Эти тексты все рифмованные, но иногда содержат в прозаической форме комментарий, поясняющий мотивацию обращения к этой теме. Так, например, написанное (после просмотра ТВ-передачи на социально значимую и

излюбленную Галиной Петровной тему «богатые – бедные») произведение с жанрово-тематическим заголовком *Бизнес. Миллиардеры. Сказка* (второй вариант этого текста имеет заголовок *Сказка на современную тему бизнеса*) завершается (после большого пробела) прозаическим комментарием-пояснением: *Желтуха свирепствовала, косила как сейчас птичий грипп. По телевизору показывали как в Японии и Китае готовят блюдо из мышей и крыс. Обжаривают тушку как рыбу со специями. Так и накормят нас мышами.* В тексте преобладающий басенно-сказочный мотив (главный герой – кот как иносказательная фигура бизнесмена, стремящегося *приумножить уйму барышей*, мыши – угнетаемые) к концу произведения легко перетекает в рассуждения-сопоставления. В целом по жанру этот текст близок к басне.

Значительное место в творчестве ГП занимают **мистические** тексты, весьма условно могущие быть квалифицированы как жанроид **фантазмагории**, которые в большинстве своем являются пересказом вещих снов и встреч с инопланетянами, предвещающих беды. Эти тексты имеют разнородную жанровую природу, описанию чего требуется уделить значительно большее место, чем могут позволить рамки статьи.

Заключение. Общелингвистическое и жанровое представление письменно-речевой личности ГП.

Исследуемая нами лингвоперсона в письменно-речевом аспекте характеризуется рядом признаков.

1. ГП легко переключается на письменный код речи, относясь к нему с определенным пиететом: она перерабатывает свои тексты, переписывает их набело, стремится писать так, как учили в школе, – аккуратно, разборчиво, с соблюдением нормативных требований.

2. ГП весьма продуктивна в своей письменно-речевой деятельности (только в нашем распоряжении имеются около семидесяти текстов, вместе с вариантами).

3. ГП относится к типу грамотных личностей, неплохо знакома с нормами орфографии, но в отношении пунктуационных знаков она проявляет большую свободу, ориентируясь на интонационный рисунок своей речи (что свойственно текстам ЕПР). Для нее характерна не всегда оправданная с точки зрения логики и стилистики парцелляция предложений.

4. ГП ориентируется на литературную речевую норму, ее тип речевой культуры можно отнести к среднелитературному с вкраплениями обиходного [19].

5. ГП неплохо пользуется различными стилями, в исследуемых текстах выделяются сказовый, лирический, публицистический и констатирующе-фактологический стили. Но особенно ей близка возвышенная тональность, она часто избирает «высокий штиль». В целом стилистика письменно-речевых произведений отличается: а) субъективностью; б) эмоциональностью и яркой оценочностью; в) ассоциативностью в ущерб логической и сюжетной стройности.

В жанровом аспекте письменно-речевую личность ГП можно охарактеризовать следующим образом.

1. ГП пишет как служебные тексты, так и частно-личные, отдавая предпочтение «художественным» и «публицистическим» письменно-речевым

произведениям. Характерно, что отсутствуют тексты, посвященные семейной теме, – не обнаружилось в представленном нам материале хотя бы отдельных строчек о мужьях, детях, внуках и правнуках, в то время как о родителях и родне есть упоминания в текстах мемуарного характера. Предполагаем, что «общественный темперамент» ГП проявился и здесь: она вписывает себя в больший контекст, чем узкосемейные рамки. Заметим, что в устном разговоре она рассказывает о своей семье легко и непринужденно, но, видимо, включаясь в письменно-речевую деятельность, считает эти темы слишком узкими, интимно-личными и «недостойными» для описания. В этом также, на наш взгляд, проявляется уже упоминавшийся нами выше пиетет перед письменным способом фиксации информации.

2. ГП, с ее художественной натурой, имеет природное чувство формы: предпочитает использовать стихотворную и строфическую организацию текста, стремится разбивать его на абзацы. При этом тексты редко выдержаны в одном ключе, много «перебивок» и перемежающихся тем, стилистических пластов и форм: стихотворная форма может незаметно переходить в прозаическую, а затем опять в стихотворную – она сама этого не отслеживает. Мы не говорим уже о ритмике и качестве рифм: ощущается влияние не только классической литературы, но и фольклора, также не очень строгого в отношении этих «формалистических изысков». Мы видим в этом проявление сущностных характеристик естественной письменной речи: «Каждый пишет, как он дышит, не старясь угодить».

3. ГП знакома с жанровыми канонами приблизительно, нередко вместе с заголовком обозначает жанровую маркировку своих речевых произведений, но владеет жанровыми формами на любительском, поверхностном уровне. Она является носителем того, что мы называем «плавающим жанровым сознанием». Ее жанровые квалификации своих текстов нередко имеют некоторую поддержку на текстовом уровне, но в целом наблюдается гибридный характер жанровых форм, что позволило нам дать им определение «жанроиды» (мемуары, автобиография, рассказ, баллада, послание, путевые заметки, лирическая зарисовка и др.).

4. При всем своем стремлении к жанровой организации продуцируемых речевых произведений, ГП, будучи носителем естественной письменной речи, обнаруживает свободное обращение с формальной стороной продуцируемых текстов, с организацией как собственно формы, так и формальной стороной содержания. Направленность на выражение содержательной стороны сообщаемого и своей эмоционально-оценочной субъективности, реализуемая путем ассоциативного развития мысли, приводит к подавлению формальной стороны жанра.

Далее попытаемся дать комплексную характеристику письменно-речевой личности ГП.

Обладая филологической компетенцией, полученной в объеме средней общеобразовательной школы советского периода и продолжая «образование» в основном путем просмотра телевизионных передач, ГП представляет собой в письменно-речевом отношении среднестатистический российский тип старшего поколения (по гендерному типу – женский вариант), слабо владеющий жанровыми канонами, свободно варьирующий их отдельные при-

знаки, перемежающий различные тональности, в которой преобладают повышенная эмоциональность, ассоциативность и субъективность.

Люди этого типа воспитаны на текстах классической литературы и имеют уважение к нормативной стороне письменной речевой деятельности, особенно когда касаются не столько бытовых, сколько «больших» тем – социально значимых и общепризнанных. Воспитание советской школой проявляется как в выборе тем ее «произведений», так и в модально-оценочной стороне: она болеет душой за страну, за крестьянство, за бедных и угнетенных, не любит «олигархов» и бизнесменов.

Личностные характеристики этой письменно-речевой личности обусловлены ее биографическими, ментальными и психологическими факторами. Будучи «выходцем из народа» (да и оставшимся там), она отражает пласт «низового» и «среднего» социального сознания, с этих позиций она подходит к восприятию и оценке всего «содержания жизни». Но как человек активный, смелый и отзывчивый на чужую боль, она считает возможным и нужным отзываться на события «большого» значения в уважаемой ею письменной форме, в чем кроется ее желание оказать влияние на происходящее. В глубине души она, конечно, мечтает быть услышанной («прочтенной»), но робость (идущий от воспитания комплекс неполноценности) вряд ли позволит ей на это решиться.

ГП – человек холерического темперамента, ярко выраженный художественный тип, с неупорядоченным, ассоциативным мышлением, со слабой саморефлексией, с элементами мистического восприятия, с большой креативной способностью к созданию письменно-речевых текстов – пишет под влиянием наплывающих впечатлений, подавляющих рациональное начало. Все это проявляется на различных уровнях письменно-речевой деятельности, в том числе и в ее жанровой организации.

Представленный опыт описания письменно-речевой личности позволяет, как мы полагаем, говорить об определенных диагностических возможностях предложенной методики: возможность увидеть через «жанровое окно» всю языковую личность в целом.

Литература

1. Лебедева Н.Б. 10 лет изучения естественной письменной речи: подходы, решения и перспективы // Естественная письменная речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 4: Дискурсы и жанры письменной речи: сб. науч. ст. Кемерово, 2011. С. 14–29.
2. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры // Антропотекст-1: сб. ст. Томск, 2006. С. 295–303.
3. Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Н.Ю., Тюкаева Н.И. Естественная письменная речь: жанры «студенческое граффити», «маргинальные страницы тетрадей», «частная записка». М., 2011.
4. Лебедева Н.Б. Homo scribens в пространстве русской народной культуры // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы междунар. конф. 14–16 марта 2002 г. СПб., 2004. С. 213–221.
5. Сухотерина Т.П., Лебедева Н.Б., Воронова Н.Г., Дмитриева Е.Ф., Панкрашова О.С. Жанры естественной письменной речи: народные мемуары. Барнаул: АлтГПА, 2012.
6. Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Кемерово; Барнаул, 2009. С. 7–40.

7. Голев Н.Д. Некоторые аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) // Коммуникация. Мышление. Личность: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. И.Н. Горелова и К.Ф. Седова. Саратов, 2012. С. 499–516.
8. Неклюдов С.Ю. От составителя // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/index.htm>
9. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино»: Наивное письмо: Опыт лингво-социологического чтения. Записки Киселёвой Евгении Григорьевны. М., 1996.
10. Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: публикация и исследование текста / подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 1995.
11. Воспоминания работницы М.Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь»: публикация и исследование текста / подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 1997.
12. Солдатские воспоминания Н.Ф. Шульгина и Г.П. Еланцева: публикация и исследование текста / подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 2000.
13. Воспоминания А.Н. Белозерова «Записки районного служащего»: публикация и исследование текста / подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 2002.
14. История советской правоохранительной системы в мемуарах юриста С.А. Мордвинова: публикация и исследование текста / предисл. и коммент. Б.И. Осипова и Е.А. Рониной. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. (Народные мемуары; вып. 8).
15. Лебедева Н.Б. Толерантность и естественная письменная речь // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М., 2005. С. 278–288.
16. Седов К.Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
17. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.
18. Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека. М., 2008.
19. Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 2. С. 3–20.

УДК 81'38; 801.6; 808
DOI 10.17223/19986645/23/3

И.А. Пушкарева

О СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ ВОПЛОЩЕНИИ ОБРАЗА ГОРОДА В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА (ТЕМА «ДОСТОЕВСКИЙ В КУЗНЕЦКЕ» В ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»)

Статья посвящена особенностям современного газетно-публицистического стиля. На материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» рассмотрен образ города, который создаётся в публикациях на тему «Достоевский в Кузнецке». В ходе семантико-стилистического анализа охарактеризованы средства и приёмы актуализации ключевых смыслов, связанных с образом города. Особое внимание уделено такому регулятивному средству, как имя собственное. Выявлена роль приёма параллельного изображения в репрезентации образа города.

Ключевые слова: газетно-публицистический текст, городская газета, краеведение, регулятивное средство, имя собственное.

Городская газета, реализуя традиционные для публицистики функции информирования, воздействия, выражения социальной оценки (см. о них: [1. С. 84], [2. С. 313]), ориентируется на создание образа малой родины, в чём существенную роль играют материалы краеведческого характера. По словам Д.С. Лихачёва, «краеведение – прекрасная школа воспитания гражданственности», «теория краеведения должна быть предметом изучения в гуманитарных и педагогических вузах» [3. С. 228–229]. И.П. Басалаева обосновывает выделение концепта «Кузнецк Достоевского» и необходимость его изучения [4]. «Кузнецкой коллизии» в судьбе Ф.М. Достоевского посвящены специальные исследования (например, [5], [6]). Старейшая городская газета «Кузнецкий рабочий» также рассказывает об истории любви Ф.М. Достоевского и М.Д. Исаевой. Актуальным представляется вопрос о специфике семантико-стилистического воплощения образа города в контексте материалов газеты «Кузнецкий рабочий» на тему «Достоевский в Кузнецке» (для анализа с официального сайта газеты <http://kuzrab.ru/> были отобраны тексты за 2002–2012 гг.). Изучение города становится этапом «родиноведения» (термин И.М. Гревса): «Надобно изучить его [города] биографию, познать его именно как своеобразную коллективную личность – и эта биография даст превосходно конкретизированную часть биографии данной страны и народа... Необходимо уразуметь процессы, какими эта душа слагалась, на какой почве, из какой цепи влияний и смены обстоятельств, – и к чему в конце концов привело город его прошлое» (цит. по: [3. С. 142]). Например, результаты исследования концепта «город Томск» как «доминанты регионального самосознания» отражены в работах И.И. Бабенко, Л.И. Ермоленкиной, И.В. Никиенко (см.: [7]).

Краеведческие материалы городской газеты насыщены таким регулятивным средством, как имя собственное. Согласно характеристике Н.С. Болотновой с помощью регулятивных средств «выполняется та или иная психоло-

гическая операция в интерпретационной деятельности читателя» [8. С. 167]. Регулятивная сила онимов в тексте predetermined уже их графическим обликом: слова, написанные с прописной буквы, заметны для адресата в большей степени, чем оформленные строчными буквами. Журналисты активно используют коммуникативный потенциал имён собственных. На этапе восприятия текста они помогают найти своего читателя, которому важна обозначенная отсылка к референту. На этапах понимания и интерпретации имена собственные входят в смысловую структуру текста, что проявляется в их включённости в контексты, насыщенные эмоционально-экспрессивно и концептуально, и в смысловые лексические парадигмы (далее – СЛП) – регулятивные структуры, основанные на актуализированных в тексте парадигматических связях лексических единиц (см. о них: [8. С. 191]). В материалах «Кузнецкого рабочего», раскрывающих тему «Достоевский в Кузнецке», мы встречаем различные виды имён собственных. (В статье используется ономастическая терминология Н.В. Подольской [9].)

Важными знаками, создающими образ города, в материалах на тему «Достоевский в Кузнецке» становятся антропонимы, среди которых выделим две группы. Во-первых, антропонимы, называющие горожан, определённым образом включённых «в орбиту» великого писателя (М.Д. Исаева, Н.Б. Вергунов, Е.И. Тюменцев и др.); к этой группе примыкают имена возможных прототипов и соответствующие им поэтонимы и идеонимы, а именно библионимы – названия письменных произведений (в рассмотренном материале это агониум, называющий сибирского святого **Зосиму (Верховского)**, и соответствующие поэтоним и библионим): *Старец Зосима позже стал основным прототипом героя романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», также старца Зосимы. Известно, какое воздействие на души читающих россиян оказал в XIX в. роман «Братья Карамазовы» и как поразил их образ старца Зосимы. От общения с этим литературным героем просветлялись души не только персонажей романа, но и всех, кто его читал. Таким образом, без ложной скромности можно утверждать, что наш сибирский святой Зосима (Верховский) посредством литературного таланта Достоевского стал духовным наставником множества российских грамотных людей, читавших роман. И этот факт, несомненно, также имеет право на широкую известность и особую гордость* (статья В. Валиулина «Новокузнецком привыкну гордиться...», 03.12.2009). Во-вторых, антропонимы, называющие специалистов, представителей творческой интеллигенции, общественности, которые занимаются краеведением. Такие антропонимы сопровождаются приложением или другой конструкцией, содержащей характеристику деятельности человека, и часто соседствуют с идеонимами (названиями работ, изданий, конференций, выставок, обществ и т.п.). Регулятивная сила онимов первой группы нацелена на удовлетворение познавательного интереса читателя, что способствует воспитанию патриотизма: любовь и уважение к малой родине вырастают из погружения в её историю, насыщенную событиями, зачастую имеющими отнюдь не местного значения резонанс. Регулятивная сила онимов второй группы особенно значима для выражения в газете идей краеведения и связана не только с ориентацией на читателя, знакомого с данной информацией. Сопровождающая оним характеристика вида деятельности наце-

лена и на адресата, который готов преодолеть состояние энтропии в вопросах краеведения.

В материалах, раскрывающих тему «Достоевский в Кузнецке», неоднократно упоминаются *А.С. Шадрина* (новокузнецкий историк, профессиональный музейщик, она занимается исследованием русской истории и культуры и принадлежит к тем людям, что особо не нуждаются в представлении; автор книги о пребывании Достоевского в Кузнецке: [5]), *Е.Д. Трухан* (директор музея Достоевского, автор многих материалов; К слову, ряд материалов *Елены Трухан*, также посвященных юбилею Достоевского, опубликованы в московском журнале «Мир музея», в барнаульском сборнике статей о писателе. – В. Немиров, 16.02.2012), профессор *С.Д. Тивяков* (президент краеведческого объединения «Серебряный ключ»), *И.П. Басалаева (Рецикова)* (историк, преподаватель НФИ КемГУ).

Особое внимание уделено «Кузнецким рабочим» творческому осмыслению темы «Достоевский в Кузнецке» художницей А.Ф. Фомченко и поэтессой Л.А. Никоновой. Авторы материалов конкретизируют характеристику деятельности талантливых новокузнецчанок, усиливают оценочную составляющую текста. Так, в отзыве Е. Трухан «Затейливой рукой и добрым сердцем» (02.02.2012) о выставке, посвящённой памяти новокузнецкой художницы *Альбертины Фёдоровны Фомченко*, мы читаем: *Музейное собрание пополнилось авторскими работами: в фонд вошло 6 живописных полотен и 4 предмета декоративно-прикладного искусства А.Ф. Фомченко, посвящённые теме «Достоевский в Кузнецке». В свою очередь, благодаря искренней поддержке музейщиков Фомченко обнаружила новые грани собственного таланта: оказалось, она может писать исторические портреты и портреты современников, стать первооткрывателем темы «Достоевский» в лаковой миниатюре, создать и оформить в палехском стиле старинный рождественский театр-вертеп.*

Журналисты удивляются поэтическому прозрению члена Союза писателей России *Л.А. Никоновой*, ушедшей из жизни в 2012 г. и ещё в 1987 г. написавшей удивительной стихотворение: *У нашей замечательной поэтессы Любови Никоновой есть стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год», а в нём такие строчки: «Они обвенчаны. Обвенчаны. Она выходит на крыльцо... Взгляните в скорбное лицо Судьбу свою понявшей женщины: Взор заслонила боль растущая, Вдохнуть всей грудью не даёт. Решилось: жизнь её грядущая К его созданьям перейдёт». Стихотворение написано в 1987 году, когда мало кто из достоевсковедов решался так высоко поднимать роль Марии Дмитриевны Исаевой в жизни Достоевского. Сейчас же оценка её, как «матери» героинь Достоевского, находит всё больше приверженцев (аналитическая корреспонденция В. Валиулина «Достойные есть». 09.09.2010). Кратко упоминается в городской газете также скульптор *А.П. Брагин*: 11 ноября 2001 года в Музее Достоевского в рамках празднования юбилея писателя состоялось открытие бюста Ф.М. Достоевского, выполненного новокузнецким скульптором *А.И. Брагиным* (хроника А. Шпрингера «День в истории города». 10.11.2011).*

Антропонимы, включённые в материалы о кузнецких днях великого писателя, представляют не только наших современников. Читатели «Кузнецко-

го рабочего» имеют возможность вспомнить или получить новую информацию об И.С. Конюхове и В.Ф. Булгакове. **И.С. Конюхов**, согласно характеристикам газеты, купец, *Горожанин с заглавной буквы*, автор «**Кузнецкой летописи**», в которой описывается жизнь наших великих земляков – *святых старцев Василиска Сибирского и Зосимы (Верховского)*. **В.Ф. Булгаков**, по словам В. Валиулина (очерк «Три ступени к Толстому». 20.11.2010), *уроженец маленького сибирского городка Кузнецка*. В отзыве-анонсе Е. Трухан о выставке в музее Достоевского «“Обыск брачный № 17” как разрешение “грозного чувства”» (14.02.2012) читаем: *Впервые на выставке «Кузнецкий венец» музей Достоевского экспонирует подлинный экземпляр газеты «Сибирская жизнь» за 1904 год, где была опубликована знаменитая статья «Ф.М. Достоевский в Кузнецке». Её автор – Валентин Булгаков, последний секретарь Л.Н. Толстого. Собранные, обработанные и введённые им в научно-исследовательский оборот воспоминания кузнецан на сегодняшний день были и остаются ценным документальным и мемуарным источником о венчании Достоевского. В развёртывании текстов важны смысловые лексические парадигмы онимов. Так, В. Валиулин (20.11.2010) актуализирует СЛП антропонимов со связью пересечения **В.Ф. Булгаков – М.Д. Исаева, Ф.М. Достоевский – Л.Н. Толстой: Имя Валентина Фёдоровича так же свято для интеллигенции нашего города, как и имя Марии Дмитриевны Исаевой. М.Д. Исаева была первой женой Фёдора Михайловича Достоевского, В.Ф. Булгаков – последним секретарем Льва Николаевича Толстого. Через них драгоценные для мировой культуры образы притянулись к Кузнецку, стали нашим культурным, а ещё более того – духовным достоянием. Есть в этом, думается, некий Высший Промысел. Когда-нибудь мы, возможно, поймём, какой именно.***

В материалах о кузнецких днях писателя Новокузнецк, с одной стороны, предстаёт перед нами как один из городов, причастных к судьбе гения, с другой стороны, он по-своему уникален. Различные топонимы (ойконимы (ас-тионимы), эргонимы, урбанонимы: хоронимы, агоронимы, годонимы, экклезионимы, ойкодомонимы) наряду с апеллятивами участвуют в создании пространственно-временного образа города. Например: *Не случайно сегодня улица носит имя Достоевского* (М. Шамова. 29.03.2008); *Литературоведы считают, что наш город – единственный из всех сибирских городов, который был отмечен для писателя радостью* (А. Ночка. 13.11.2010). Благодаря образу, созданному на страницах городской газеты, город предстаёт перед нами в единстве прошлого, настоящего и будущего, как пространство не только физическое, но и духовное.

Для воплощения образа Кузнецка – Новокузнецка в городской газете характерен приём **параллельного изображения**, прежде всего прошлого и настоящего города. Иногда изображение дополняется третьим планом – гипотетического будущего, в соответствии со значимостью для публицистики перспективности во временной организации текста. Особый случай – параллельное изображение истинного и мнимого, когда журналисты развенчивают существующие в сознании горожан мифы. Например, в параллельное изображение истинного и мнимого включены экклезионимы: *В ней [в Одигитриевской церкви], а вовсе не в Спасо-Преображенском соборе, писатель*

обвенчался с *Марией Исаевой, своей Музой и первой женой* (А. Ночка. 13.11.2010). Параллели нередко имеют не только фактическое, но и эмоционально-экспрессивное, символическое значение. Естественно, что в установлении параллелей участвуют различные урбанонимы, например: *Но сохранились другие осколки старины – дом на улице **Большой**, ныне **Достоевского**, где жили Исаевы и куда приезжал писатель и где сейчас располагается литературно-мемориальный музей* (годонимы; Н. Каменева. 23.11.2006); *Добавлю к этому мысль, неоднократно высказывавшуюся многими краеведами: бывшая **Базарная**, а ныне **Советская** площадь (оба названия, как видно, устарели) вполне может, а возможно, и должна стать площадью **Достоевского*** (агоронимы; В. Валиулин. 11.11.2010); *Это ведь историческое **Подгорье**, некогда весьма фешенебельный район моего старинного города, не в пример нынешней славе **Форштадта*** (хоронимы; И. Басалаева. 01.12.2011).

Сопоставление прошлого и настоящего, настоящего и будущего, прошлого и будущего реализуется не только с помощью онимов. Например, используется высказывание с оппозицией *сегодня – когда-то (тогда)*: *Сегодня улица Достоевского, с располагающимися вдоль неё небольшими деревянными домиками, более напоминает деревенскую, а когда-то это была центральная улица Кузнецка. В XIX столетии здесь проживали самые знатные горожане, находился ряд административных учреждений. Тогда она именовалась Большой* (М. Шамова. 29.03.2008). В отчёте В. Валиулина «Год Достоевского в Новокузнецке» (11.11.2010) мы встречаем параллельное изображение гипотетического будущего и прошлого, что создаёт перспективность изложения: *президент «Серебряного ключа» Сергей Дмитриевич Тивяков предложил создать в Топольниках тропу Достоевского, где он гулял, когда приезжал в Кузнецк*. Выделение такого пространственного образа, как *тропа*, свидетельствует о сакрализации образа Достоевского в памяти потомков.

Концептуально важно параллельное изображение, связанное с образом *церкви*. В него включаются такие разнородные по смысловой нагрузке образы, как церковь (прошлое) и тюрьма (настоящее): *В Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви Достоевский венчался с Исаевой. Этого храма сейчас на карте города нет. Он был разрушен уже к началу 30-х годов прошлого века* (Н. Каменева. 23.11.2006); *Церковь же, где венчался Достоевский, не сохранилась. Она была сожжена и разрушена в декабре 1919 года. (Сегодня тюрьма, которая стоит на месте Одигитриевской церкви, часто является ориентиром для желающих посетить музей.)* (М. Шамова. 23.09.2008); *Он не был здесь в ссылке и в Кузнецкой тюрьме никогда не сидел. Скажу больше: той тюрьмы (на кольце у Советской площади), которой некоторые приписывают эту честь, в середине XIX века и не было вовсе. Зато примерно на этом месте тогда стояла Одигитриевская церковь, первый каменный храм Кузнецка* (А. Ночка. 13.11.2010). (На официальном сайте центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя приведена следующая информация: «В декабре 1919 г. Одигитриевский храм разграбили и сожгли красные партизаны, после чего пустующее здание в начале 1930-х гг. снесли, построив на его месте объездную дорогу, а на месте церковного сада – массивное кирпичное здание тюрьмы».) В некоторых материалах, посвящённых месту Одигитриевской церкви в культурном пространстве города, изображение дополняется

третьим планом – гипотетического будущего: *Речь идёт о переносе кузнецкой тюрьмы (СИЗО-2) в иное место и восстановлении на этом месте церкви Божией Матери Одигитриевской, в которой венчались Ф.М. Достоевский и М.Д. Исаева* (В. Валиулин. 18.12.2010).

Гармоничное параллельное изображение связано с образом **музея**, который находится на той улице, где некогда жила Исаева: *Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского занимает два помещения. По одну сторону улочки дом, в котором жила Мария Исаева и двадцать два дня пробыл Фёдор Михайлович, где и расположена постоянная экспозиция, отражившая «кузнецкую коллизию» писателя. По другую сторону – бывший купеческий дом, в котором работники музея организуют литературно-художественные выставки, в основном посвящённые поэтам Серебряного века, но и не только им* (Т. Тюрина. 17.06.2003). Музей контрастно выделяется в окружающем его пространстве, которое оценивается экспрессивно-неодобрительно: *Почему в таком диком состоянии находится пространство вокруг музея Достоевского?* (И. Басалаева. 01.12.2011); *Только видно, что музей и улица живут отдельной жизнью. Музей разительно выбивается из той унылой атмосферы, в которую оказался погружён. Скучное освещение, грязные подворотни, многомерные помойки, стаи бездомных собак... Созерцание улицы навеивает самые грустные чувства и переживания. Да что созерцание...* (М. Шамова. 29.03.2008).

В экспрессивно-неодобрительном описании не столько пространства вокруг музея, сколько небрежения к памяти использован символически нагруженный образ **мусорной кучи**: *Эта мусорная куча близ музея ещё несколько раз «всплывала» в выступлениях краеведов, превратившись в конце заседания едва ли не в символ отношения города к своей культурной святыне. Кто-то сказал даже, что она и есть признак того, что образ Достоевского в городе присутствует, так как ситуация с музеем и мусорной кучей возле него – это и есть самая настоящая «достоевщина»* (В. Валиулин. 11.11.2010). Символическое звучание обретает и образ **пути** к музею, который одновременно является образом метафизического пути к Достоевскому: *Разбитый спуск к пешеходному переходу, длинная стена тюрьмы (что называется, без архитектурных излишеств), за ней специфический мирок слободки с полуаварийными домами, потом пустырь, по правую руку некая промзона, далее сочная помойка с привольно раскинувшимся в радиусе тридцати метров содержанием, – а вот после этого уже и музей, с неожиданным простором в маленьком ухоженном дворике. На обратном пути во всём этом маргинальном пейзаже поневоле обнаруживаешь присутствие метафизической достоевщины. Всё как в романах Достоевского, по принципу катарсиса: через низ, грязь, вину, страдание – через перекрёсток и площадь – вверх, к храму, к свету. Однако же премьера В.В. Путина в его новокузнецкий визит в 2009 году сюда на всякий случай не повезли* (И. Басалаева. 01.12.2011).

Проблемы, которые есть у музея, на самом деле являются проблемами всех горожан, не умеющих чтить память. Музей в городской газете осознаётся как особое пространство – пространство памяти, воплощённой в образно-сюжетной экспозиции и различных мероприятиях: *Покидая пространство образно-сюжетной экспозиции, воодушевлённые и переполненные эмоциями,*

иногда озадаченные, посетители гадали: с кем же всё-таки встретились они в эту загадочную ночь – с сотрудниками музея или профессиональными актерами? (Е. Трухан. 24.11.2011). Прикосновение к этому пространству возможно только при эмоциональном отклике посетителей музея. Причём, в соответствии с духом публицистики, в газете выражено неоднозначное отношение к экспозиции музея: *Совершенно справедливо (забегая вперёд, скажу) заметила по этому поводу самый заслуженный краевед Новокузнецка историк Альбина Степановна Шадрина, что дело не в мусоре вокруг музея, а в его главной экспозиции. И рассказала о том, как однажды известный кинорежиссёр, побывавший в доме-музее М.Д. Исаевой, сказал ей шёпотом: «Мне было в нём страшно». Да и автору этих слов экскурсовод однажды говорила, что дети-экскурсанты нередко боятся входить в музей, в прихожей которого «сидит» чучело Марии Дмитриевны. Эта спорная экспозиция действует в доме-музее уже 14 лет и, вместо радости познания духа любви двух великих людей (Исаевой и Достоевского), вызывает совсем другие эмоции* (В. Валиулин. 11.11.2011). Но даже это высказывание, выражающее дискуссионный подход, основано на уверенности в том, что музей является пространством духовной деятельности человека, чтящего память о прошлом и прикасающегося к нему. В пространстве музея прошлое оживает, и об этом свидетельствуют не только сообщения о многочисленных театрализованных представлениях, но и, например, такое метонимическое употребление антропонима: *Белоснежную шапку надел и Фёдор Михайлович Достоевский во дворе литературно-мемориального музея его имени* (А. Ночка. 13.11.2010).

Эмоционально-экспрессивная и концептуальная нагрузка контекстов, создающих образ города, подчёркивается использованием таких регулятивных средств, как тропы и стилистические фигуры, оценочная лексика, слова-интенсивы, частицы, пояснительные конструкции (ср. с описанием категории акцентности: [10]). Эти средства выполняют функции усиления, уточнения, оценки, обеспечивая тем самым обратную связь автора с адресатом. Например, метафора из материала Н. Каменевой (23.11.2006): *Кузнецк стал **определяющей** путевой вехой в творчестве Достоевского* (веха – перен. Важный момент, этап в развитии чего-нибудь [11. С. 72]); антитеза из материала В. Валиулина (09.09.2010): *<...> **не откуда-нибудь, а из Кузнецка** вывез он свою страдающую музу <...>*. Многочисленные контексты, в которых используются названные регулятивные средства и реализуются указанные функции: *Здесь, в Кузнецке, писатель сделал ей предложение руки и сердца <...>* (М. Шамова. «Будет ли на нашей улице праздник?». 29.03.2008); *Напомним читателям, что около месяца назад краеведы обратились к главе города В.Г. Смолего с предложением провести в Новокузнецке Год Достоевского в 2011 году, когда будет отмечаться 190-летие со дня рождения великого русского писателя. Новокузнецк имеет на это особое право, поскольку **именно у нас в Кузнецке 6 февраля 1857 года Фёдор Михайлович венчался с Марией Дмитриевной Исаевой, ставшей местной жительницей по целому ряду драматических обстоятельств*** (В. Валиулин. «Краеведы начинают действовать». 18.12.2010); *И **только после Кузнецка**, обвенчавшего его с музой, становится он великим писателем* (В. Валиулин. «Достойные есть». 09.09.2010); *Но память о том, что одно из самых счастливых событий в жизни великого*

писателя случилось **не где-нибудь, а здесь, в Кузнецке**, осталась (А. Ночка. «Каждому своё». 04.02.2012).

Как видим, оценка связана с мелиоративной характеристикой важной роли кузнецких событий в судьбе Достоевского. Однако встречаются контексты, где образ Кузнецка сопряжён с пейоративной оценкой, что свидетельствует как о стремлении журналистов к многоаспектному и правдивому отражению действительности (*Говорят, что в ранней повести «Дядюшкин сон» Достоевский описал свои кузнецкие впечатления – они, как бы это мягко сказать, не очень светлые.* – Хроника В. Немирова «Сквозь призму юбилейных дат». 28.01.2012), так и об использовании приёма контраста, который позволяет усилить мелиоративную оценку (*Здесь он обрёл свою самую большую любовь, Музу и вдохновительницу, отсюда, из сибирской затхлой глуши, тянутся нити понимания характеров его мятущихся, страдающих и бесноватых героев <...>.* – Отчёт В. Валиулина «Год Достоевского в Новокузнецке». 11.11.2010).

Осмысляя роль Кузнецка в судьбе Достоевского, журналисты часто используют антропоним *Кузнецк* и образованные от него имена прилагательные, размышляя же о роли Достоевского в судьбе города, они в основном сопоставляют в контекстах антропоним, именующий великого писателя, и апеллятив *город*. Хотя употребляется и топоним, как, например, в экспрессивном контексте из отзыва С. Зыряновой «Вечер посвятили роману классика» (18.11.2004): *Как известно, Ф.М. Достоевский недолго пробыл в Кузнецке, всего 22 дня в три приезда. Но эти 22 дня навечно вписались в летопись Кузнецка*. Какие смысловые нюансы способны передать контексты, в которых соположены антропоним *Достоевский* и апеллятив *город*? Причастность к судьбе великого человека – это дар и ответственность, подчеркнутые различными эмоционально-экспрессивными средствами. Например, в заметке Е. Фукс «Жена писателя» (30.04.2005), посвящённой выходу книги праправнука М.Д. Исаевой Анатолия Донова «Мария Констант, жена Ф.М. Достоевского», концептуально нагружена метафора *город был включён в орбиту Достоевского*. Орбита – «путь движения небесного тела» [11. С. 417]. Соответственно, образ Достоевского интерпретируется как точка отсчёта и ориентир, феномен значительного масштаба в летописи города.

Подчёркивая важную роль пребывания Достоевского в судьбе города, авторы материалов также используют различные регулятивные средства, при этом возрастает роль оценочных средств в сравнении с материалами, раскрывающими вопрос о роли кузнецкого периода в судьбе писателя. Отметим среди оценочных средств слова-интенсивы: *Мы знаем, что одна из самых значительных ценностей нашего города – это причастность его к судьбе великого писателя Ф.М. Достоевского* (статья М. Шамовой «Достойное место в культурном сообществе». 04.03.2010); *А Достоевский должен стать главным именем в старой части города* (отчёт В. Валиулина «Год Достоевского в Новокузнецке». 11.11.2010); *Мы, имея мирового значения раритет <...>* (Там же). Неоднократно употребляется возвышенный эпитет *святой*: *Краеведческая общественность Новокузнецка решила положить конец такому отношению как к теме: «Достоевский и Исаева в Кузнецке», так и к самому месту их кузнецкой жизни, святым для всех почитателей русского*

гения и его Музы (Там же); К нему вернула краеведов историк Ирина Петровна Басалаева (Рецикова), которая сказала: «Нужно сделать так, чтобы **святой** образ Достоевского стал частью образа города» (Там же).

Полнос неодобрительной оценки связан с культурным беспамятством. Этот полюс ярко представлен, например, в контексте, где экспрессия создаётся с помощью фигур асидетона и градации, а эмоциональное повторение частицы *не* позволяет за отрицанием увидеть план должного: *Не помнить об этом, не гордиться этим, не привлекать образы Достоевского и Исаевой в культурное пространство нашего города – странно, недостойно и, возможно, даже преступно перед теми, кто придёт на смену нам, нынешним горожанам. К сожалению, чаще не помним, не гордимся, не привлекаем* (Там же).

Как уже было отмечено, для публицистики важна перспективность, поэтому авторы материалов обозначают план гипотетического будущего, связанный с представлением о том, как должен развиваться город, причастный к судьбе Достоевского: *Тем более что поводы для перемены отношения сейчас самые подходящие: в будущем году грядет 190-летие со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского, а через одиннадцать лет, соответственно, 200-летие. И если взяться всем вместе – учёным, общественности, чиновникам и меценатам, можно за оставшийся год произвести такие перемены в пространстве Кузнецка, что и сами потом ахнем* (Там же); *Кузнецкая история Достоевского оказалась вне времени и, несомненно, является маяком, который (в особенности сейчас!) способен указать путь к тому многому в нашем культурном самосознании, которое ещё не достигнуто* (М. Шамова. «Достойное место в культурном сообществе». 04.03.2010). Характерное употребление развёрнутой метафоры «маяк, который способен указать путь» в приведённом примере позволяет говорить о пребывании Достоевского в Кузнецке как о прикосновении города и горожан к высокому, о возможности обогащения духовного пространства, которая, согласно позиции авторов городской газеты, основана на памяти. Стремиться к достойному будущему города для журналистов «Кузнецкого рабочего» – значит изучать историю родного города, чтить память об особенно значимых её страницах, к которым относится и история любви великого писателя и М.Д. Исаевой.

Рассмотрев семантико-стилистические особенности воплощения образа города в материалах городской газеты, раскрывающих тему «Достоевский в Кузнецке», подчеркнём, что прошлое оживает под пером журналистов «Кузнецкого рабочего», связывается с настоящим и будущим. Стереоскопическое воплощение образа города создаётся с помощью приёма параллельного изображения разных временных и модальных планов. В стилистике текстов о Достоевском в Кузнецке отметим роль такого регулятивного средства, как имя собственное, которое помогает читателю ориентироваться в информационном пространстве газеты и не только соотносится с фактической составляющей материалов, но и структурирует смысловое развёртывание текста. Ярким проявлением включённости антропонимов, топонимов и других имён собственных в смысловое пространство текста становятся смысловые лексические парадигмы, компонентом которых является оним. На значимость образа города, воплощённого с помощью апеллативов и онимов, указывают эмоционально-экспрессивно и концептуально нагруженные контексты, в ко-

торых осмысливаются роль «кузнецкой коллизии» в судьбе Достоевского и роль великого писателя в судьбе города.

Литература

1. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
2. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 312–315.
3. Лихачёв Д.С. Раздумья. М.: Дет. лит., 1991. 318 с.
4. Басалаева И.П. «Концепт “Кузнецк Достоевского”» // Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2011. С. 99–104.
5. Кушникова М.М., Тогулев В.В. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Достоевского в документах сибирских архивов. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996. 472 с.
6. Шадрина А.С. Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского (г. Кузнецк, 1856–1857 гг.). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. 155 с.
7. Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы / О.В. Орлова, О.В. Фельде и др. / под науч. ред. О.В. Орловой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 224 с.
8. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.
10. Иванова Т.Б. Категория акцентности (функциональная семантико-стилистическая) // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 120–126.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 10-е изд., стер. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Сов. энцикл., 1973. 846 с.

УДК 81

DOI 10.17223/19986645/23/4

З.И. Резанова

КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

В статье представлены результаты исследования ассоциативного потенциала имени «конфликт» с применением методики ассоциативного эксперимента. На основе тематической систематизации ассоциаций и их количественного анализа выявлено то, как конфликтная ситуация репрезентирована в языковом сознании носителей русского языка: ее структура, типы, характер включения в ментальный и социальный контекст, система оценок. Сделан вывод о том, что в исследуемой фокус-группе прототипическим видом конфликта является ссора, базовыми компонентами ситуации – субъект и его эмоциональное состояние.

Ключевые слова: лингвоконфликтология, конфликт, типы конфликтов, структура конфликта, ассоциативный эксперимент, фрагмент обыденной картины мира.

Конфликт как предельный случай обострения противоречий находится в сфере исследовательских интересов гуманитарных наук, в том числе психологии, интерпретирующей столкновение мотивов, ценностей, интересов субъекта, т.е. внутренний, ментально-психологический аспект конфликтной ситуации, и социологии, исследующей объект в аспекте его внешних, социальных проявлений и внутренних, побудительных причин. В число гуманитарных дисциплин, обращенных к данному объекту, в последнее время все более активно вовлекается и лингвистика, формируется самостоятельное научное направление – лингвоконфликтология, и это глубоко мотивируется тем, что все формы конфликта осуществляются при посредстве языка. Однако при этом лингвистический подход, на наш взгляд, неосуществим вне интегративного включения в междисциплинарное поле, вне привлечения данных и методов социологии, психологии, когнитивистики.

Данная статья представляет результаты одного из этапов комплексного когнитивно-дискурсивного исследования порождения и восприятия конфликтных текстов¹, экспериментального, в рамках которого была поставлена задача исследования ассоциативного потенциала имени *конфликт*. Систематизация ассоциаций стимула данного слова позволяет реконструировать фрагмент обыденной картины мира носителей русского языка, что, в свою очередь, может послужить базой проведения сравнительного анализа соотносимых фрагментов научной и обыденной картины мира.

Гипотеза при проведении эксперимента заключалась в том, что система ассоциаций слова *конфликт* соотносена со структурными элементами кон-

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Когнитивные модели текстопорождения в коммуникативном существовании языковой личности» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», госконтракт № 14.740.11.0567.

фликта и отражает в своей совокупности структуру конфликтной ситуации, то, как она представлена в языковом сознании информантов.

При проведении ассоциативного эксперимента в качестве информантов выступили студенты и преподаватели филологического факультета Томского государственного университета. В анкете фиксировались возраст, пол, курс обучения информанта, однако эта дифференциация испытуемых на данном этапе интерпретации результатов эксперимента не учитывалась. Общее число анкет – 96, возраст информантов колебался от 17 до 37 лет: 17 лет – 5, 18 лет – 22, 19 лет – 23, 20 лет – 18, 21 год – 14, 22 года – 8, 25 лет – 1, 24 года – 1, 27 лет – 1, 28 лет – 1, 29 лет – 1, 37 лет – 1. Абсолютное преобладание студентов (96 студентов, 2 преподавателя) и женщин (женщин – 88, мужчин – 8) в составе фокус-группы, возможно, проявилось в характере частотности реакций. Мы можем предположить, что преобладание в реципиентной аудитории молодых женщин, получающих гуманитарное образование, нашло проявление, в частности, в высокой частотности реакции «психологическое состояние субъекта конфликтной ситуации», а также в наличии реакций, связанных с профессиональной деятельностью, – с ассоциированием конфликта с художественными практиками, т.е. с восприятием слова *конфликт* как литературоведческого термина. Влияние данных факторов на результаты нуждается в дополнительной проверке.

Опросный лист ассоциативного эксперимента включал слово *конфликт*, расположенное четвертым среди 10 стимулов: *радость, дело, солнце, конфликт, шкаф, герой, береза, крыло*. В анкете предлагалось дать 5 реакций на слово-стимул. В результате в подавляющем большинстве случаев были получены все 5 реакций.

При обработке результатов эксперимента велся подсчет общего количества реакций, отношений реакции определенного типа к совокупному количеству реакций; также учитывался статус реакции – был проведен подсчет первых реакций и отношение первых реакций к общему количеству. Данная дифференциация позволила выявить ядерные и периферийные смыслы, актуализируемые при восприятии слова *конфликт*.

Результаты проведенного эксперимента подтверждают выдвинутую гипотезу – ассоциаты слова *конфликт* маркируют базовые компоненты ситуации, совокупность реакций может быть проинтерпретирована в качестве модели конфликтной ситуации, а также ее представления в сознании реципиентов как неразрывно связанной с социальным контекстом.

По типу смысловых связей со словом-стимулом были получены реакции парадигматического (*спор, драка, отношение*), синтагматического (*между двумя людьми, подростков, социальный, межрасовый*), тематического (*крик, повышенные тона, голос*), неопределенного (*зигзаг, задача, абстракционизм, квадрат, границы*) типа. При анализе реакций в первую очередь учитывалась их семантическая специфика – отражение структурных элементов конфликтной ситуации. При этом характер отражения элемента может быть непосредственным и опосредованным в зависимости от отмеченных типов смысловых связей слова-реакции со словом-стимулом.

Далее охарактеризуем последовательно типы реакций и на этой основе представим модель конфликта, аспекты его структурирования, определим

ядерные и периферийные компоненты. Последовательность рассмотрения отражает частотность типа реакций и их внутренние соотношения, структурные связи в пределах отражаемой конфликтной ситуации.

1. Виды конфликтной ситуации

Конфликт – имя ситуации динамического типа, называет тип отношений. Среди реакций, в том числе первых, преобладают реакции парадигматического типа, номинации конкретных видов конфликтов – *спор, ссора, драка, война* (всего – 145; 31,5%; первых реакций – 52; 47,1%) и обозначения более общих динамических ситуаций – *конфликтовать, ситуация, отношения между людьми* (всего – 3; 0,6%; первых реакций – 0; 0%).

Реципиентами отмечалась как внутренняя, глубинная сторона конфликтной ситуации – эмоциональное, интеллектуальное и волевое отношение – противостояние, столкновение интересов субъектов ситуации, так и внешняя – выражение внутреннего противостояния во внешней среде, физические формы проявления конфликта. При этом оба аспекта ситуации репрезентированы в реакциях информантов с высокой степенью частотности (имена эмоционально-психического состояния субъекта конфликтной ситуации составляют около 24% всех реакций, имена форм внешнего проявления – около 32% реакций).

В составе реакций – обозначений внешних проявлений конфликта выделяются две подгруппы: а) вербальная форма проявления столкновения интересов и б) тип конфликта, находящий выражение преимущественно в форме физических столкновений.

В исследуемой фокус-группе наиболее частотно ассоциирование *конфликта* с различными вербальными формами его проявления – реакции такого типа в три раза превышают реакции, актуализирующие физические формы конфликта: вербальные формы конфликта – всего 110; 23,9%; физические формы конфликтных ситуаций – всего 35; 7,6%. Еще больший количественный контраст первых реакций: количество ассоциированных реакций вербальных форм конфликта (44; 48,4%) почти в 7 раз превышает число названных в качестве первых реакций физических форм конфликта (8; 8,8%).

В качестве прототипического образа конфликта выступает *ссора* ‘состояние взаимной вражды’; ‘размолвка; нелады’, ‘несогласие; взаимная перебранка’; всего – 52 актуализации, первых реакций – 31. (Здесь и далее толкования значений даются по [1].)

Второе место по продуктивности занимает реакция *спор* ‘словесное состязание, обсуждение чего-либо между двумя или несколькими лицами, при котором каждая из сторон отстаивает свое мнение, свою правоту’; ‘борьба мнений (обычно в печати) по различным вопросам науки, литературы, политики и т. п.; полемика’; ‘разногласия, ссора, препирательство’; ‘противоречие, несогласие’; ‘взаимное притязание на владение, обладание чем-либо, разрешаемое судом’; ‘состязание, соперничество’ (всего – 15, первых реакций – 3). В спектре выделяемых значений данных слов сочетаются внутренние аспекты (ментально-волевые и эмоционально-психические отношения участников конфликтной ситуации) и их внешние проявления, выражаемые по преимуществу в вербальной форме при доминировании внутреннего отношения.

Следующие реакции (при резком падении их частотности) актуализируют обратное отношение проявлений внешней и внутренней стороны конфликта: преобладает ассоциирование с вербальной формой выражения конфликтного отношения (в том числе в сочетании с физическими действиями): *ругань*, *ругаться*, *ругательство* ‘оскорбительные, бранные слова; брань’ (всего – 11, первых реакций – 3), *скандал* ‘событие, происшествие, позорящее его участников, ставящее их в неловкое положение’; ‘ссора с криком, бранью или дракой’ (всего – 2, первых реакций – 2); *раздор* ‘несогласие, ссора, вражда’; ‘несогласованность, разлад между чем-либо’ (всего – 1, первых реакций – 0).

Данные номинации видовых вариантов конфликтных ситуаций по сравнению с предыдущей парой номинаций характеризуются большей экспрессивностью, ярко выраженной отрицательной оценочностью.

Доминирование вербальной формы выражения противостояния наблюдается в актуализованных номинациях *дебаты* ‘обмен мнениями по каким-либо вопросам’ (всего – 2, первых реакций – 0); *споры* ‘словесное состязание, обсуждение чего-либо между двумя или несколькими лицами, при котором каждая из сторон отстаивает свое мнение, свою правоту’ (всего – 2, первых реакций – 0); *дискуссия* ‘публичное обсуждение какого-либо спорного вопроса’ (всего – 1, первых реакций – 0); *диспут* ‘публичный спор на какую-либо тему, обычно с подготовленными основными выступлениями’ (всего – 1, первых реакций – 0).

Среди реакций, репрезентирующих вербальный тип воплощения конфликтной ситуации, отмечены тематические реакции, отражающие данную ситуацию через указание на какой-либо ее элемент: *крик* (всего – 19, первых реакций – 3); *повышенные тона* (всего – 2, первых реакций – 0); *голос* (всего – 1, первых реакций – 1).

Как отмечалось, актуализация конфликтной ситуации в ассоциации через *физические формы проявления* значительно уступают репрезентации через вербальную форму. В составе ассоциатов конфликта в варианте физических форм репрезентации также выделяются 2 подгруппы: а) номинации ситуаций личностного конфликтного противостояния: *драка* ‘взаимное нанесение побоев’; ‘потасовка, рукопашная схватка’; ‘борьба с кем, за что или против чего-либо’ (всего – 16, первых реакций – 3); б) конфликтные ситуации, вовлекающие широкие социальные массы в качестве субъектов: *война* ‘вооруженная борьба между двумя или несколькими государствами, народами, племенами или общественными группами внутри государства’ (всего – 6, первых реакций – 2), *военное сражение* (всего – 1, первых реакций – 0).

II. Структура конфликтной ситуации

Как свидетельствуют материалы эксперимента, структура конфликтной ситуации воспринимается, как правило, через призму *субъекта и его ментально-психологического состояния*.

В исследуемой фокус-группе представление конфликта в аспекте ментально-психологического состояния субъекта ситуации (всего – 50; 10,9%; первых реакций – 4; 4,4%) значительно превышает вербализацию ситуации непосредственно через именование ее субъекта (всего – 108; 23,4%, первых реакций – 10; 11%).

Номинация субъектов конфликтных ситуаций в реакциях испытуемых делится на 4 подгруппы, которые противопоставляются по характеру обозначения участника конфликта: обобщенные (*стороны, человек, люди, общество, двое, два, два человека, между двумя людьми, две стороны*) и конкретизированные. Конкретизированные, в свою очередь, подразделяются по виду аспектов характеристики: маркируется ситуативно (относительно ситуации конфликта) ориентированный статус субъекта (*враг, оппонент, противник, победитель, жертва*) или внеситуативный (не выражающий в именовании отношения к конфликтной ситуации). Последняя подгруппа далее делится по тому, именуется ли субъект по принадлежности к какой-либо типовой социальной группе (*братья (брат), бабки, друзей (друзья, между друзьями), между мужем и женой, мужчина, студент, соседи, девочка, родители, подrostков, конфликт поколений*) или называется конкретный субъект, включенный в личную сферу реципиента (в том числе сам информант): *Эльнур, не про меня (без меня), один магистр из юристлингвистов, подруга, мама*.

Реакции, репрезентирующие эмоционально-психологическое состояние субъекта конфликтной ситуации, делятся на пять подгрупп. К первой подгруппе относим актуализацию ассоциативных связей конфликтной ситуации с общей сферой чувств и эмоций: *чувства, эмоции, переживание, нервы*.

Три следующие подгруппы реакций отражают ассоциирование с конкретными типами эмоционально-психических состояний субъекта ситуации. В первую подгруппу объединены обозначения эмоционального фона переживания конфликта субъектом, его восприятие ситуации в общем негативном эмоциональном спектре: *что-либо плохое, беда, зло, плохое настроение, достало (надоело всё), негатив (ощущения негативные), плохо, неуютно, стресс, трудность (трудно), мерзко, огорчение, напряжение*.

Во вторую подгруппу объединены наименования конкретных эмоциональных состояний, связанных с характеристикой состояния субъекта, возникающего в результате переживания конфликтной ситуации, это также эмоции отрицательного спектра: *грусть, печаль, тоска, уныние, обида, усталость, одиночество, скука, несчастье, разочарование, беспокойство, тревога, расстроенность, депрессия, осадок, страх, безвыходность*.

Третья подгруппа реакций объединяет наименования активных эмоциональных состояний, связанных с выражением резко негативного отношения, в том числе агрессии. Данные реакции могут быть проинтерпретированы как обозначение и причины и эмоционального фона развития, и результата конфликта: *ярость, агрессия, злость (злоба), нервный срыв, вражда, гнев, ненависть, сердится, бесится, раздраженность, грубость; возмущение; презрение*.

Четвертая, самая немногочисленная группа реакций называет физиологические выражения эмоциональных состояний: *мурашки по коже, слезы, истерика*.

Следующие компоненты конфликта, названные испытуемыми, находятся на границе конфликтной ситуации и социального контекста ее реализации – это обозначение *причин вхождения в конфликт и вариантов его разрешения, завершения*. Эти реакции в целом немногочисленны и чрезвычайно редко были актуализованы в качестве первых ассоциаций.

В качестве ассоциатов, актуализирующих причины развития конфликта (всего – 43; 12,1%; первых реакций – 11; 9,3%), в исследуемой фокус-группе были названы чаще всего явления ментально-психического состояния субъекта конфликтной ситуации: *разные точки зрения, недопонимание (непонимание), несогласие, (расхождение мнений, разногласие), недоверие*. Ассоциации, отражающие явления событийного типа, включают как наименования самих процессов (*укус, пьянка.*), так и предметов, артефактов, включенных в ситуацию, которая послужила началом развития конфликта: *духи, курсовая, сайт*.

Названия вариантов *завершения конфликта* немногочисленны в абсолютном исчислении, не представлены в составе первых реакций (всего – 24; 5,2%, первых реакций – 0; 0%). В данной группе ассоциаций выделяются либо общие именования компонента (как любая ситуация, конфликт имеет *результат, решение*), либо конкретизированные: в результате разрешения конфликтной ситуации возникает *перемирие, примирение*, достигается *компромисс, консенсус, мир, выпуск негатива*. При этом завершение конфликта в оценочном плане интерпретируется как отрицательно: *бегство, потеря, беда, разрыв, неизвестность, неудача, трата времен*, так и в позитивном ключе, в качестве источника развития: *точка роста, более высокий уровень*.

Несубъектные элементы конфликтной ситуации. В данную в целом немногочисленную группу нами были объединены содержательно весьма разнородные ассоциативные реакции испытуемых (всего – 24; 5,2%; первых реакций – 1; 1,1%), в том числе и обобщенные наименования, актуализирующие момент структурности конфликта: *атрибуты, структура, за и против*. Ассоциации этой группы свидетельствуют о том, что испытуемые выделяют в конфликтной ситуации также два плана – ментально-психологический и событийно-предметный. Ментально-психологический план представлен как непосредственно (*мысли*), так и в аспекте внешней репрезентации (*молчание, бешеные глаза, гримаса*). Событийно-предметный план развития конфликтной ситуации в ассоциативных реакциях испытуемых репрезентирован обозначением динамических моментов ситуации: *взрыв, огонь, кровопролитие; предметов*, каким-либо образом включенных в развитие динамических ситуаций: *рука, синяк, собака, оружие (вооружение), бейсбольная бита, лавка, бумажная лента; элементов хронотопа: вечер, яма, дом, офис*.

Стратегический аспект конфликтной ситуации в реакциях испытуемых представлен также незначительным количеством единиц (всего – 9; 1,95%, первых реакций – 1; 1,1%). При этом в ассоциациях отмечено обозначение идеи развития конфликтной ситуации: *развитие*, общая стратегическая направленность ситуации на разрешение: *решать, разрешать*, конкретные варианты направленности: *защита интересов*, тактические ходы: *уступки, избегать*.

III. Включение конфликтной ситуации в социум

Третий тип ассоциаций связан с осознанием включения конфликтной ситуации в более общий социальный контекст (всего – 24; 5,2%, первых реакций – 2; 2,2%). Данная немногочисленная группа разделена нами на три подгруппы. В первую объединяются единицы, ассоциирующие конфликт со сферой социальных, политических, юридических, государственных и межгосу-

дарственных отношений: *суд, учеба, международный, между друзьями, отстаивание своих прав, политический, военный, юриспруденция, только в истории, дипломатия, социальный, межрасовый*; во вторую – варианты ассоциирования конфликтных ситуаций со сферой межличностных отношений: *семейный, разговор по телефону, межличностный*.

Как отмечалось, эксперимент проводился в студенческой аудитории, реципиентами выступали студенты филологического факультета. Считаем, что этим обусловлено появление ассоциатов, связанных со сферой художественных практик: *кульминация в художественном произведении, центр композиции, трагедия*.

IV. Оценка конфликтной ситуации

Оценки конфликтной ситуации в ассоциациях отмечены двух типов. Первый тип составляют параметрические оценки, характеризующие конфликт относительно некоего стереотипа «нормальной конфликтной ситуации» (всего – 13; 2,8%, первых реакций – 8; 8,8%). Отмечается интенсивность течения конфликта: *большой, всепоглощающий, громкий, острый*, дается качественная оценка конфликта *неразрешимый, разрешимый, решаемый, серьезный, несерьезный*.

В ассоциациях представлена оценка конфликтной ситуации относительно этических норм (всего – 8; 1,7%, первых реакций – 1; 1,1 %); *агрессивное, темное, выводящее из равновесия, мрак, тьма, виноваты двое*), утилитарных потребностей общества (*ненужность, что-то ненужное*).

Таким образом, в исследованной фокус-группе ядерными являются ассоциации лексемы *конфликт* с наименованиями вербальных видов конфликтных ситуаций и ментально-психологических состояний субъекта, о чем свидетельствует и количество всех реакций испытуемых, и, что более важно, – первых реакций. Данные два варианта ассоциаций представлены практически равным количеством актуализаций (110 – 108), однако количество первых реакций – наименований вербальных форм развития конфликта – более чем в 4 раза превышает количество первых ассоциаций – наименований состояния субъекта ситуации (44 – 10). Доминантной является ассоциация «конфликт – ссора», представленная примерно в 10% первых актуализаций.

Совокупность ассоциаций испытуемых вписывает конфликт в систему уровневой иерархии понятий: *ситуация, отношения между людьми – конфликт – ссора, драка* и под. Также и каждый из компонентов ситуации представлен ассоциациями, либо выводящими конфликт в общий план динамических ситуаций, отношений, либо репрезентирующими структурные особенности конкретных типов конфликта, например: *чувства и ярость; две стороны и противник*.

В языковом сознании лексема *конфликт* ассоциативно связана с ситуацией динамического типа, основа которой – столкновение, противоборство интересов *субъектов*.

Конфликт предстает как внутренне структурированная деятельность, система, в которой выделяются компоненты и отношения между ними. Конфликт – интерактивная ситуация, динамическое взаимодействие субъектов. Это сложное социальное действие, складывающееся из более мелких событий, это тип стратегической деятельности, воплощающейся через комплекс

тактик. Социальный контекст, социальная среда – неотъемлемый компонент восприятия ситуации конфликта, в нем формируются причины конфликта, его цель и в нем актуализируются его результаты.

В структуре конфликта важнейшим является соотношение двух планов: внутреннего – ментально-психологического и внешнего – событийно-предметного. Внутренний план конфликтной ситуации – ментально-психологическое состояние субъекта ситуации, мотивы, цели развития конфликта, частично – его результаты. Внешний план конфликтной ситуации проявляется в действиях субъектов конфликтной ситуации в социальной среде.

Внешний и внутренний планы имеют трехчленную структуру: причины – развитие конфликта – завершение (разрешение).

Ментально-психологическое состояние субъекта является динамическим, меняется по ходу развития внешней, событийной стороны конфликта. В динамическом аспекте в реакциях испытуемых было выделено три фазы динамических изменений в когнитивной структуре субъекта ситуации: состояние субъекта как одна из причин конфликта – состояние в процессе развития конфликта, состояние по завершению конфликтной ситуации.

Конфликт как тип социальных отношений находится в зоне оценок. В системе аксиологически ориентированных ассоциаций противопоставляются два типа: оценивание ситуации относительно нормы развития конфликта и оценка ситуации при ее вписывании в нормы общества; в последнем случае отмечена этическая и утилитарная оценка.

Структура конфликтной ситуации, ее включение в более сложные социальные и когнитивные системы представлены на рис. 1.

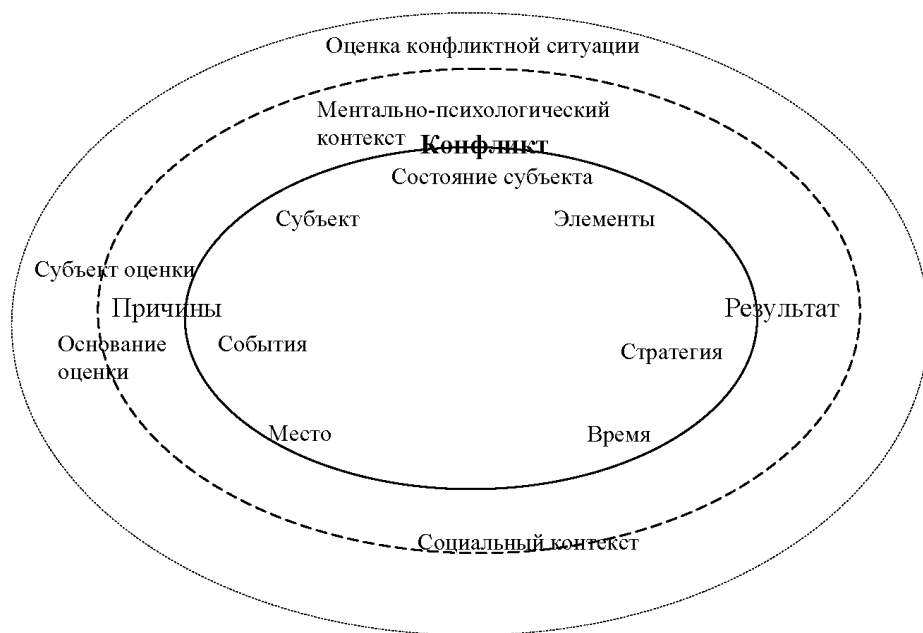

Рис. 1

Реконструированные на основе анализа системы ассоциаций слова-стимула *конфликт* структура, типология, оценки конфликтных ситуаций по основным параметрам совпадают с представленными в философских, социологических и психолингвистических исследованиях конфликта (см., например: [2, 3, 4, 5]), что свидетельствует о внутреннем единстве данного фрагмента обыденной и научной картин мира.

Литература

1. *Словарь* современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.: АН СССР, 1950–1965.
2. *Конфликт*. Классификация конфликтов // Управление персоналом: слов.-справ. URL: <http://psyfactor.org/personal/personal10-12.htm>
3. *Конфликтология*. URL: <http://www.igidravlika.com/>
4. *Конфликт* // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск, 2003. 1280 с.
5. *Конфликт* // Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. М., 2010. 560 с.

УДК 81.659
DOI 10.17223/19986645/23/5

Н.А. Седова

КОНЦЕПТ 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ' В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ И СПОСОБЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье рассматривается параметрический концепт 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ' как одна из когнитивных единиц концептосферы рекламного дискурса; выделяются три структурных компонента анализируемого концепта в рекламных текстах: 'представления о целом', 'представления о части', 'представления о части и целом'; описываются способы вербальной и невербальной репрезентации структурных элементов концепта, которые представлены в виде поля, имеющего ядро и периферию; показываются механизмы воздействия структурных компонентов концепта 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ' на сознание рекламополучателя в процессе рекламной коммуникации; выявляются отличия в структуре отношений «часть – целое» в онтологии и в рекламных текстах, репрезентирующих концепт 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ'.

Ключевые слова: концепт, часть, целое, рекламный текст, способы репрезентации в языке.

Процесс общения между производителем (продавцом) товара или услуги и потребителем невозможно представить без такого компонента, как реклама. Возникнув как инструмент маркетинга, в настоящее время она уже не является объектом узкоспециальных исследований. Современную рекламу называют интегрированной формой коммуникации, так как в ней активно используется теоретический и практический потенциал, накопленный в маркетинге, психологии, социологии, риторике, антропологии, искусстве и др.

Абстрагируясь от маркетинговой сущности рекламы и сконцентрировавшись на её коммуникативной природе, в качестве рабочего определения примем следующее: *реклама* – это вид коммуникации, направленный на распространение информации о каком-либо объекте путём актуализации его преимуществ и побуждения потребителя сделать выбор в пользу данного объекта. Центральным компонентом рекламной коммуникации является *рекламный текст (сообщение)*, под которым нами понимается семиотическая система, включающая как вербальные, так и невербальные знаки и элементы, рационально или эмоционально воздействующая на потребителя товаров и услуг путём использования специальных, разных по своей природе методов и приёмов. Таким образом, рекламный текст – это триединство информационной, агитационной и эмотивной составляющих.

Поскольку значительная часть рекламы выражается посредством языковых знаков, рекламные сообщения доступны и лингвистическому анализу. В последнее десятилетие наблюдается рост активности в изучении рекламы со стороны отечественных лингвистов, и уже можно говорить об основных направлениях научно-лингвистических исследований рекламного текста и шире – дискурса, к которому относятся следующие:

– *функционально-языковое* (Е.Н. Безручко, Е.П. Дудина, Т.А. Козина, П.А. Манянин, Ю.Ф. Оковитая, А.Л. Ямпольская) изучает особенности языковой (лексической и грамматической) организации рекламного текста;

– *коммуникативно-прагматическое* (И.А. Имшинецкая, Е.В. Каверина, М.А. Кириленко, Л.В. Лисоченко, Н.Б. Руженцева, Е.В. Степанов, А.Е. Филимонов) изучает коммуникативные стратегии и тактики рекламного текста, структуру рекламного сообщения, жанровые разновидности рекламного дискурса и т.п.;

– *культурологическое* (М.С. Алексеева, А.В. Беликова, М.Ю. Илюшкина, М.В. Терских, С.С. Чистова, Е.Э. Штукина) изучает соотносённость рекламного текста с элементами национально-культурного пространства и способы его апелляции к культурной памяти общества;

– *когнитивное* (А.Г. Квят, Н.А. Тюленева) изучает ментальные процессы, происходящие в сознании потребителя рекламной информации, и лингвокогнитивные методы управления этими процессами посредством рекламного текста.

Наше исследование находится на пересечении функционально-языкового и когнитивного направлений, его объектом являются рекламные тексты (сообщения), репрезентирующие концепт *‘ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ’*. Под концептом будем понимать «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1. С. 89–90]. Попытка вписать концепт *‘ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ’* в существующую типологию концептов привела к тому, что, в соответствии с классификацией В. И. Карасика, он может быть отнесён к *параметрическим* ментальным образованиям, отличительными признаками которых являются способность выступать в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др.; высокая степень абстрактности; принципиально универсальная, общечеловеческая природа; выведение ценностного компонента дедуктивным путём, при конкретизации концепта в дискурсе [2. С. 97].

Концептосфера рекламного дискурса уже не раз становилась объектом изучения лингвистов, которые отмечают явление специализации концептов в зависимости от референтной области рекламного дискурса, его адресата и других факторов [3, 4]. Вместе с тем концепт *‘ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ’* в рекламном дискурсе до сих пор не являлся объектом лингвистических исследований.

Особенность отношений «часть – целое» заключается в том, что они имеют двуединую сущность, поскольку онтологические категории часть и целое определяются посредством друг друга: «часть – это элемент некоторого целого; целое – то, что состоит из частей» [5. С. 343]. Говоря «целое», мы мысленно уточняем: целое чего? – и отвечаем: целое частей. Говоря «часть», пытаемся представить, чему принадлежат эти части, каково это целое. Части и целое не существуют друг без друга.

При анализе рекламных текстов, объективирующих концепт *‘ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ’*, нас будут интересовать следующие моменты: 1) структура концепта

'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ' в рекламных текстах; 2) способы репрезентации структурных компонентов концепта 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ'; 3) способы и средства воздействия структурных компонентов концепта 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ' на сознание получателя рекламы.

Концепт 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ', как и любой концепт, может быть структурирован. По нашим наблюдениям, рекламные тексты объективируют три структурных компонента данного концепта: 1) 'представления о целом'; 2) 'представления о части'; 3) 'представления о части и целом'. Рассмотрим структурные компоненты концепта последовательно.

Всю совокупность репрезентантов концепта можно представить в виде поля, которое имеет ядро и периферию. Основным способом репрезентации структурных компонентов концепта 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ' является вербализация, следовательно, ядро данного поля относительно каждого структурного компонента концепта составляют вербализаторы.

Ядерными (базовыми) вербализаторами структурного компонента '*представления о целом*' будем считать местоимение *весь* и его грамматические формы *всё, вся, все*. Основанием данного заявления будем считать наличие синонимических отношений между лексемами *целый* и *весь*, отмеченных словарём синонимов [6. С. 546]. Так как язык концептуализирует не только предметный мир, но и пространственные и временные отношения, к базовым вербализаторам структурного компонента '*представления о целом*' отнесём наречия *всегда* и *везде*. Анализ толковых словарей позволяет сделать вывод о компонентной структуре базовых вербализаторов: *весь* – «1. Определяет что-либо как *нераздельное, взятое в полном объёме; целый, полный*; указывает на исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений: *без изъятия, каждый в совокупности с другими*; употребляется для обозначения полной меры, означает: *полностью, не меньше*. 2. Употребляется в значении: *целиком, полностью, совершенно*. <...> 4. То, что есть, *целиком, без исключения; в полном составе, без исключения*»; *всегда* – «*во всякое время, постоянно, обычно*»; *везде* – «*во всех местах; всюду, повсюду*» [7]. Вышеуказанные структурные компоненты ядерных вербализаторов (*целый, полный, нераздельный, каждый в совокупности с другими, целиком, полностью* и др.) формируют околядерную зону вербализаторов, которые в совокупности с ядерными (базовыми) вербализаторами объективируют представления о целом в наиболее простом и полном виде. Например: *Всё лучшее в одном месте!* (гипермаркет «Триумф»); *Безлимитный интернет по всей России* («МТС»); *Всё для сада, огорода, подворья* (сеть магазинов «Дачник»); *Любая диагностика. Все врачи. Стационар* (многопрофильный центр современной медицины «Евромед»); *Здесь есть всё! Купи здесь!* (торговый комплекс «На Бархатовой»); *Вседорожная мужская обувь* («Ralf Ringer»); *Сбербанк. Всегда рядом* («Сбербанк России»); *Геомарт – всегда выгодно!* (гипермаркет «Геомарт»); *Обладающий выразительным стилем и всеобъемлющим комфортом Tiggo всегда и везде вызывает внимание*. <...> (реклама автомобилей марки «Chery»); <...> *Представляем новые модели Saab 2001, оснащенные мощными турбированными двигателями*. <...> *Вы получаете полный контроль над дорогой и можете наслаждаться непревзойденной управляемостью автомо-*

бия (автомобили марки «Saab»); *Лечение гриппа и простуды в полном объёме! Эргоферон* (лекарственное средство «Эргоферон») и др.

С одной стороны, базовые (ядерные) вербализаторы компонента '*представления о целом*' используются для передачи эксплицитной гиперболизированной информации, которая подчеркивает особые свойства объекта, его почти нереальную исключительность. Адресат, как искушённый потребитель рекламы, может усмотреть в подобных рекламных текстах с громкими и многообещающими заявлениями жёсткое, агрессивное воздействие. С другой стороны, при ближайшем рассмотрении можно обнаружить «смягчающие» агрессию имплицитные смыслы, непосредственно не репрезентированные в тексте. Имплицитный смысл (импликатура) – содержание рекламного текста, не нашедшее вербального или другого выражения, которое может быть выведено рекламополучателем с опорой на когнитивные, культурные, социальные элементы его модели мира. Например: Хочешь всё? Бери всё! (магазин «Спортмастер», реклама в период распродажи товаров), импликатура – «цены на товары во время распродажи снижены настолько, что покупатель может приобрести большое количество товаров; забота о покупателе»; Вседорожная мужская обувь (обувь «Ralf Ringer»), импликатура – «надёжная, добротная, качественная обувь»; Сбербанк. Всегда рядом («Сбербанк России»), импликатура – «банк предоставляет такой пакет финансовых услуг, что воспользоваться ими можно при любых обстоятельствах и в любых ситуациях, следовательно, банк заботится о клиентах». Таким образом, имплицитный смысл рекламного текста позволяет решить ряд задач: от позиционирования товаров и услуг до формирования имиджа организации.

Рекламные тексты содержат ряд других манифестантов компонента '*представления о целом*' концепта '*ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ*', значение которых отмечено присутствием семантического признака 'целое'. Данные манифестанты занимают периферийные зоны поля репрезентантов, так как указанный семантический признак содержится в их значении опосредованно:

1) лексические вербализаторы, в значении которых семантический признак 'целое' присутствует имплицитно и указание на него осуществляется путём отсылки к лексемам, характеризующимся большей или меньшей степенью актуализации семы 'целое', например: Комплект спутникового телевидения с установкой («Триколор»), ср: комплект – «полный набор каких-либо предметов, в совокупности составляющий целое»; Горячее питание. Круглосуточно (вывеска на павильоне «Горячее питание»), ср: круглосуточный – «функционирующий круглые сутки»; Коллекция лучшего (агентство недвижимости «GUILD Group»), ср: коллекция – «систематизированное собрание однородных предметов»; Полный набор инструментов для интернета (интернет-холдинг «Rambler»), ср: набор – «2. Совокупность предметов, составляющих что-либо целое»; Полное собрание низких цен (Дом для дома «Леруа Мерлен»), ср: собрание – «3. Совокупность каких-либо предметов, произведений и т. п., собранных по какому-либо принципу»¹;

¹ В двух последних примерах представление о целом усиливается использованием лексем «полный».

2) фразеологические вербализаторы, являющиеся устойчивыми выражениями, в значении которых присутствует семантический признак 'целое', например: *Ремонт ванных комнат под ключ* (объявление в газете рекламных объявлений «Курс»); *Директ-маркетинг под ключ!* (рекламное агентство «Конмарк-ДМ»), ср: под ключ – «*в законченном, готовом для использования виде (о зданиях)*» [8]; под ключ – «*передача сооруженного объекта компанией-подрядчиком компании-заказчику в эксплуатацию в полностью рабочем состоянии*» [9];

3) грамматические вербализаторы, представляющие собой совокупность грамматических конструкций, в том числе предложно-падежных сочетаний, объективирующих представление о целом, например: *Строительный Дом¹ «От и До»* (надпись на рекламном щите); *Азбука Жилья. Недвижимость от А до Я!* (агентство недвижимости «Азбука Жилья»); *У нас есть все – от шурпура до... дома* (рынок строительных материалов «Каширский двор», Москва).

4) невербальные репрезентанты, использующие элементы неязыковых знаковых систем (цифры, буквы и др.), эффект от их использования основан на актуализации фоновых знаний получателей рекламы. Например: *Цветы 24 часа* (вывеска на павильоне «Цветы»), *Продукты 24 часа* (вывеска на магазине «Продукты»); *100% тепло и тихо* (теплоизоляционные материалы компании «Кнауф»); *100% китайская кухня* (китайский ресторан «Шёлк», Москва); *Фасадстрой. Теплоизоляция от А до Я* (компания «Фасадстрой», Москва).

При анализе способов репрезентации структурного компонента '*представления о части*' мы сталкиваемся с неким противоречием. Гипотетически ядерная зона поля репрезентантов структурного компонента '*представления о части*' должна быть заполнена лексемой *часть*, которая может рассматриваться как инвариантная, так как даёт представление о части в наиболее обобщённом, простом и объективном виде. Однако в рекламных текстах, содержащих образ части, она не используется. По всей видимости, образ части противоречит общей информационно-эмоциональной концепции рекламной модели мира, суть которой заключается в том, что рекламное пространство является носителем положительной эмоционально-оценочной информации, характеризуется отсутствием проблем и дискомфорта. Попадая в него, рекламополучатель оказывается под влиянием информационно-эмоционального поля удовольствия, благополучия, успеха. Представление о части, которая является всего лишь долей целого по сравнению со всем целым, препятствует актуализации положительных впечатлений адресата.

¹ Следует отметить, что использование в названиях организаций лексем *дом, мир, планета, комплекс* и др. (Дом одежды «Центральный», Дом быта «Чкаловский», Дом обуви «Форум», «Детский мир», «Мир цветов», «Мир причёсок», «Планета суши», «Планета высокой моды», Спортивный комплекс «Строитель») косвенно способствует формированию образа целого. С одной стороны, имиджмейкеры отмечают: «<...> чтобы стимулировать и закрепить благоприятное отношение к фирме, очень полезно дать ей зрительный образ жилища – люди любят знать, где живут те, к кому они хорошо относятся, с удовольствием рассматривают место их обитания на экране телевизора или на фотографии, а в дальнейшем могут его себе представить, увидев имя компании в газетном объявлении или на рекламном щите. Наличие дома – косвенная гарантия стабильности и надёжности корпорации» [10. С. 112–113]. С другой стороны, подобные наименования содержат импликацию – «специализация на определённом виде товаров или услуг; широкий ассортимент данного вида товаров или услуг; можно купить всё в одном месте».

Периферийные зоны поля репрезентантов структурного компонента 'представления о части' заполняют языковые и неязыковые элементы, опосредованно содержащие семантический признак 'часть' и имеющие следующие виды:

1) лексические вербализаторы, характеризующиеся разной степенью присутствия семантического признака 'часть', они являются синонимами инвариантной лексемы или отстоят от неё на расстоянии одного или более шагов в родо-видовой цепочке: *территория*, *месяц*, *дни* и др., например: *Территория низких цен* (сеть магазинов бытовой техники и электроники «Эльдорадо»); *Территория здорового питания* (вывеска на магазине товаров для домашних животных); *Территория фабричных цен* (магазин меховых изделий «Фабрика меха»), ср: территория – «земельное пространство в определённых границах»; *Месяц мобильного интернета в подарок* («МегаФон»); *Вы к нам? А у нас месяц краски!*; *Август ламината* (Дом для дома «Леруа Мерлен»), ср: месяц – «единица исчисления времени, равная примерно одной двенадцатой части года <...>»; *Ванные дни в Castorama* (гипермаркет товаров для дома и ремонта «Castorama»), ср: день – «3. промежуток времени (в пределах календарных суток), характеризующийся чем-либо или предназначенный для чего-либо, занятый чем-либо»; *Важна каждая деталь* (чехлы и аксессуары для мобильных телефонов «InterStep»); *Glamour. Яркая деталь* (женские сигареты «Glamour»), ср: деталь – «2. часть изделия (обычно механизма, машины, прибора и т. п.)»; *Ералаш. Здоровая порция юмора* (творожные сырки «Ералаш»), ср: порция – «определённая доля, количество чего-либо (преимущественно пищи)»; *Царицыно. Толстому ломтику и рот радуется!* (мясные продукты «Царицыно»), ср: ломоть – «отрезанный ножом плоский большой кусок хлеба»;

2) грамматические вербализаторы в виде предположно-падежных сочетаний, имеющих ограничительно-выделительное значение, что позволяет акцентировать внимание на части: *Только 3 дня на спортивную обувь цены снижены на 50%* (магазин спортивных товаров «ОНИКспорт»); *С 1 по 15 августа дни чудовищных скидок в Castorama* (гипермаркет товаров для дома и ремонта «Castorama»); *Распродажа с 15 августа по 15 сентября* (гипермаркет для ремонта и дачи «ОВИ»);

3) невербальные репрезентанты, например: *100 дней без процентов по кредитной карте, чтобы у Вас было больше времени вернуть кредит* («Альфа-Банк»); *40% свежести и чистоты бесплатно!* (стиральный порошок «Dosia»).

При осуществлении рекламной коммуникации рекламные тексты, репрезентирующие образ части, используются для создания уникального торгового предложения, которое считается эффективной стратегией рекламирования. Суть стратегии заключается в акцентировании внимания потребителя на уникальном и неповторимом свойстве рекламируемого продукта, благодаря которому данный товар имеет преимущество перед товарами-конкурентами и отличается от других аналогичных марок. В основу уникального торгового предложения может быть положена любая характеристика товара: форма, цвет, эргономичность, технология, состав, сроки, величина скидки и т. п. По-

данная таким образом информация вызывает интерес у потребителя, привлекает его внимание и, следовательно, хорошо запоминается.

Основным способом репрезентации структурного компонента '**представления о части и целом**' являются грамматические вербализаторы, поскольку объективировать представление одновременно и о части, и о целом можно только с помощью синтаксической конструкции. Лексические вербализаторы представления о части и целом, хотя и не имеют самостоятельного употребления, всё же являются главным «строительным материалом» данных грамматических конструкций. Представления о части в составе целого вербализируются как типичными для отношения «часть – целое» лексемами, в значении которых содержится семантический признак 'часть' (*деталь, доля, капля, кусочек, место, половина, сторона, треть, частица, элемент* и т. п.), так и совершенно нетипичными лексемами, в значении которых семантический признак 'часть' актуализируется лишь в конкретном высказывании (*бифидокультуры, какао, лето, молоко, мясо, орехи, перхоть* и т. п.). В качестве наименований целого может выступать практически любая лексема, её выбор обусловлен тематикой и референтной областью рекламного текста (*город, дом, жизнь, история, «Киндер» шоколад, красота, питание, батончик «Сникерс», я* и т. п.). Например: *Snickers. Суперпитательный батончик. Полон орехов, съел – и порядок!* (шоколадный батончик «Snickers (Сникерс)»); *Яркая сторона твоей жизни* (сотовый аппарат «Siemens C60»).

Анализ многочисленных грамматических способов репрезентации структурного компонента '**представления о части и целом**' позволяет выделить несколько семантических моделей построения рекламных текстов, несущих информацию о части и целом:

1) модель присутствия части в составе целого: <...> *Bio-Vit – кисломолочный продукт с приятным вкусом, содержащий бифидокультуры, улучшающие пищеварение и обмен веществ* <...> (кисломолочный продукт компании «Вимм-Билль-Данн»); <...> *В формулу нового тонизирующего лосьона для тела из серии Avon Body входят растительные ингредиенты и экстракты морских водорослей, благодаря чему кожа становится упругой, гладкой и шелковистой* <...> *Благодаря содержанию светоотражающих частиц кожа после применения лосьона выглядит здоровой и сияющей* («Avon»); *Уникальное мыло с линиями природных экстрактов* (мыло «Чистая линия»); *В каждом есть немного кетчупа «Кальве»* (кетчуп «Calve»); *Beam Electrolux. Встроено с умом* (встроенные пылесосы «Beam Electrolux»); *Siemens Dual Filtration. Уникальный союз мешка и контейнера* (пылесос «Siemens Dual Filtration»); *Киндер шоколад. Большие молоко, меньше какао!* (шоколад марки «Киндер»);

2) модель отсутствия части в составе целого, которая признаётся ненужной, бесполезной, может принести вред, доставить неудобства: <...> *Компания «Компур» изготавливает только настоящие колбасы без вредных химических добавок. Накормите себя и близких* <...> (мясоперерабатывающий концерн «Компур»); *Знаете, сколько денег нужно на самом деле потратить, чтобы уехать из автосалона на новеньком автомобиле? Нисколько. Начните с нуля! Ведь это намного удобнее. Банк «УралСиб» представляет: Авто-*

кредит без первого взноса (Банк «УралСиб»); Красивые живые волосы без перхоти и без компромиссов (шампунь «Dove»);

3) антитетическая модель, в основе которой лежит противопоставление между разными частями одного целого или между частью и целым, например: Сколько мяса должно быть в настоящей колбасе? Половина? Треть? В колбасе должна быть львиная доля мяса (мясоперерабатывающий концерн «Компур»); Немецкая техника для дома. Miele. Всё остальное – компромисс (бытовая техника марки «Miele»); Ничего лишнего – все необходимое (коттеджный поселок Крючково, Подмосковье);

4) модель признания целого законченным и совершенным без какой-либо части: Нечего добавить; Ничего лишнего (пиво «Holsten»); Ничего лишнего. Только воздух (кондиционеры «Hitachi»); ...и ничего лишнего (цифровая фотокамера «Canon Digital IXUS 400»); Pall Mall. Хит мягкого вкуса. Отсеки лишнее (сигареты «Pall Mall»);

5) модель признания целого незаконченным и несовершенным без добавления необходимой части: Prology. Просто добавь автомобиль (аудиосистемы для автомобиля «Prology»); Добавьте немного волшебства (средство для уборки «Mr. Proper»); Maggi – добавь изюминку (приправа «Магги»); Mars. Добавь удовольствия (шоколадный батончик «Марс»); Ночь твоя – добавь огня! (сигареты «Pall Mall»);

6) модель соединения частей в единое целое, сохранения целого: Все части целого собираются здесь! («Леруа Мерлен»); Всё складывается (телекоммуникационный оператор «Provider Review»); С нами всё складывается (рекламное агентство «Вавилон», Омск); Найди свою пару! Скидка 30% на обувь женской коллекции RALF RINGER (обувь «Ralf Ringer»); Каффетин. Не дай боли расколоть себя (лекарственное средство от боли «Каффетин»).

Таким образом, анализ рекламных текстов, репрезентирующих концепт 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ', позволяет сделать следующие выводы.

Структура отношений «часть – целое», отображённых концептом 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ', в рекламных текстах не совпадает со структурой данных отношений в онтологии: онтологические категории часть и целое определяются посредством друг друга (часть не может существовать без целого и наоборот), в рекламных текстах, репрезентирующих концепт 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ', актуализируется дискретность данных категорий, и двухкомпонентная структура заменяется трёхкомпонентной (представления о части, представления о целом, представления о части и целом). Это обусловлено генеральной прагматической стратегией рекламной коммуникации – выделить рекламируемый продукт из ряда подобных, привлечь внимание потребителей на его исключительность. В соответствии с данной стратегией в рекламном сообщении акцент может быть сделан как на целостной сущности продукта безотносительно к его частям, так и, наоборот, на уникальной его части без отсылки к целому.

Основным способом репрезентации концепта 'ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ' является вербализация. Природа вербализаторов зависит от репрезентируемого структурного компонента концепта: для объективации структурных компонентов 'представления о целом', 'представления о части' используются лексико-фразеологические и грамматические вербализаторы, для объективации структурного компонента 'представления о части и целом' – только грамматиче-

ские. Обращает на себя внимание, что при репрезентации структурного компонента '*представления о части*' не используется лексема *часть*, которая, казалось бы, выражает представление о части в максимально простом и объективном виде. Данная ситуация объясняется психологическими особенностями потенциального потребителя товаров, в соответствии с которыми идея обладания частью как долей целого является непопулярной.

При репрезентации структурных компонентов '*представления о целом*', '*представления о части*' качественно-количественный состав вербализаторов предсказуем и исчислим. Как правило, в этом качестве используются лексемы или грамматические конструкции, в значении которых уже содержится семантический признак 'целое' или 'часть'. При репрезентации структурного компонента '*представления о части и целом*' качественно-количественный состав вербализаторов непредсказуем и неисчислим. При условии присутствия и образа целого, и образа части (и наименования целого, и наименования части в рекламном тексте соответственно) в рекламной модели мира любой предмет, соотносящийся с любой референтной областью, может быть рассмотрен как целое, состоящее из самых разнообразных и неожиданных частей.

Для решения прагматических и коммуникативных задач рекламы наибольшим потенциалом обладают рекламные тексты, объективирующие структурный компонент '*представления о части и целом*'. Они создаются на основе разнообразных семантических моделей, что оптимизирует процесс восприятия и понимания рекламного текста его получателем.

Литература

1. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Изд-во МГУ, 1997. 212 с.
2. *Карасик В.И.* Концепты-регулятивы [Электронный ресурс] // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 30. М., 2005. С. 95–108. URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_30.pdf
3. *Антропова В.В.* Концепт «совершенство» в современных рекламных текстах: гендерный аспект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/091/18.pdf>
4. *Кузьмина Н.А.* Реклама пищевых продуктов: концептосфера и способы вербализации / Н.А. Кузьмина, М.В. Терских // Изв. УрГПУ. Лингвистика. Вып. 15. Екатеринбург, 2005. С. 168–181.
5. *Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. Т. 4. М.: Мысль, 2001. 605 с.*
6. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка: практ. справ. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
7. *Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.*
8. *Фразеологический словарь русского литературного языка* [Электронный ресурс]. URL: http://slovarionline.ru/frazeologicheskij_slovar_russkogo_literaturnogo_yazyika/ 12/?&page=2&word=
9. *Словарь бизнес-терминов. Академик.ру* [Электронный ресурс]. URL: [http:// dic. academic.ru/dic.nsf/business/9956](http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/9956)
10. *Викентьев И.Л.* Приёмы рекламы и public relations: Программы-консультанты. СПб.: Консалтинговая фирма «ТРИЗ-ШАНС»: Изд. дом «Бизнес-пресса», 2004. 380 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

DOI 10.17223/19986645/23/6

Э.М. Жиликова, Н.А. Хохлова

КОНЦЕПТ ОХОТЫ В «ЗАПИСКАХ РУЖЕЙНОГО ОХОТНИКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ» С.Т. АКСАКОВА

В статье рассматривается вопрос о содержании концепта охоты в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова. Концепт получает развитие через постановку проблемы природы, рассматриваемой в трех направлениях: любование и наслаждение природой как чистой красотой, отношение природы и человека; природа и душа. Концепт охоты включает в себя идею значимости и ценности русской жизни, ее природы, культуры, истории, судьбы каждого человека.

Ключевые слова: С.Т. Аксаков, «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», философия природы, поэзия прозы, структура повествования.

Мотив охоты в русской художественной литературе XIX в. получил статус концепта в творчестве С.Т. Аксакова и И.С. Тургенева. Философским и эстетическим содержанием генетически этот концепт восходит к платоновской традиции понимания охоты как символа учения об идеях. В частности, как пишет А.Ф. Лосев, «удовольствие и приятное, красота, добродетель, благо, мудрость и истина – все это для Платона является предметом ловли в том же смысле, в каком охотник гоняется за своей добычей» [1. С. 272].

Практически в одно время из печати вышли две книги об охоте: «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1851) Аксакова и «Записки охотника» (1852) Тургенева; в 1852–1853 гг. были опубликованы две рецензии Тургенева на книгу Аксакова. Все вместе они составили текст, на основании которого в русской литературе оформился концепт охоты, уходящий корнями к традициям фольклора, русской поэзии, к творчеству И.А. Крылова, А.С. Пушкина и других писателей [2].

Одновременное появление этих двух книг не было случайным. Опубликованные в самом начале 1850-х гг., они своеобразно отразили итог напряженных духовных исканий русского общества предшествовавшего десятилетия, когда в спорах между западниками и славянофилами формировалась позитивная концепция национального единства, включавшая в себя утверждение нравственного и общественного потенциала русского общества. В книге С.Т. Аксакова, во многом связанного со славянофильским кругом философов и писателей, и в «Записках» Тургенева, художника западнической ориентации, равно проявился интерес авторов к коренным основам русского характера, культуры, истории, к идее народности, которая, по словам Герцена, объединяла усилия западников и славянофилов в «одной любви» к России [3. С. 119].

Натурфилософская концепция универсальности и целостности мира природы послужила основанием для постановки вопроса о национальном свое-

образии России и моделью единства развития человека и общества. В книгах Аксакова и Тургенева она получила воплощение в особом типе художественного текста, отличающегося сочетанием широкого эпического изображения с лиризмом повествования. В образе охотника-повествователя был создан тип современного героя русской жизни, наделенного лучшими чертами русского национального характера.

Центральная тема «Записок» Аксакова – охота. Объяснение по поводу того, что понимается под «охотой», сразу выводит «Записки» на уровень общечеловеческих проблем. По определению Аксакова, страсть к охоте – это не простое истребление дичи¹, а проявление особой организации души человека, «врожденной наклонности, «бессознательного увлечения» [4. С. 314], в основании которого лежит любовь к природе. Концепт охоты получает развитие через постановку проблемы природы, рассматриваемой в трех направлениях: любование и наслаждение природой как чистой красотой, словами В. Соловьева, как «чистая бесполезность», которая «высоко ценится человеком» «как цель сама в себе» [5. С. 35]; отношение природы и человека, природа и душа. Характерно, что каждый раз, приступая к рассказу собственно об охоте, Аксаков предпосылает ему зарисовку картины природы как необходимому и естественному «интерьеру», на фоне которого будут нарисованы птицы, составляющие часть самой природы. Так, описанию весеннего прилета нырков, означавшего скорое начало охоты, предпослана картинка момента пробуждения весны: «Нырки прилетают весной ранее всех уток. В исходе марта иногда стоит в Оренбургской губернии глубокая зима: ни малейших признаков наступающей весны, кроме ослепительного блеска, которым стекленеется поверхность снегов!.. И вдруг охотник слышит, что в вышине, под облаками, раздаются какие-то особенные звуки; он легко узнает их: это дребезжащий свист или шум от резкого полета огромных стай нырков. <...> Трудно пересказать, какое сладкое впечатление производят на сердце охотника эти неясные звуки, этот неопределенный шум, означающий начало прилета птицы, обещающий скорое наступление весны после долгой нестерпимо надоевшей зимы» [4. С. 146]. Рассказчик неоднократно называет себя страстным охотником и наблюдателем. Описывая резвящихся копчиков, он замечает: «Нельзя без приятного удивления и невольного участия смотреть на быстро-

¹ По своему жанру, судя по точности определений, данных в заглавии [охотник – ружейный, место охоты – Оренбургская губерния], «записки» С.Т. Аксакова – произведение профессионала-охотника, до точности знающего и техническую часть, и сам процесс охоты, и особенности дичи, обитающей в Оренбургской губернии. Как опытный охотник, Аксаков начинает книгу с характеристики технических особенностей ружей для охоты на дичь в Оренбургской губернии: «Я думал сначала говорить подробно в моих записках вообще о ружейной охоте, то есть не только о стрельбе, о дичи, о ее нравах и местах жительства в Оренбургской губернии, но также о легавых собаках, ружьях, о разных принадлежностях охоты и вообще о всей технической ее части. Теперь, принявшись за это дело, я увидел, что в продолжение того времени, как я оставил ружье, техническая часть ружейной охоты далеко ушла вперед и что я не знаю ее близко и подробно в настоящем, современном положении» [4. С. 5]. В первой части произведения, которая посвящена ружьям, пороку, дробі, разделению дичи на разряды, мотив охоты имеет исследовательский, технический характер. Проблема понимания понятия «настоящий охотник» появляется уже во введении «Записок ружейного охотника». Автор предлагает так называемую инструкцию, которая необходима каждому охотнику, богатому или бедному. Аксаков предполагает, что настоящий охотник может охотиться на лесную дичь (вальшнепов, реже – куропаток, тетеревов) либо на дичь более крупную, преодолевая большие трудности в дороге, способе лова добычи.

ту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостливому человеку как-то не жаль бедных птичек, которых он ловит! Так хорош, изящен, увлекателен процесс этой ловли, что непременно желаешь успеха ловцу» [4. С. 233]. Позже, во Вступлении к «Рассказам и воспоминаниям охотника о разных охотах» (1855 г.), обобщая опыт предшествующего, Аксаков пишет: «Охота, охотник!.. Что такое слышно в звуках этих слов? Что таится обаятельного в их смысле, принятом, уважаемом в целом народе, в целом мире, даже не охотниками?.. <...> Как зарождается в человеке любовь к какой-нибудь охоте, по каким причинам, на каком основании?.. Ничего положительного сказать невозможно» [4. С. 314].

В «Записках», как и в «Рассказах», Аксаков пишет о силе и глубине этой страсти, обнаруживающей душевную активность природы человека: «Кто заставляет в осенние дожди и слякоть толкаться с ружьем (иногда очень молодого человека) по лесным чащам и оврагам, чтоб застрелить какого-нибудь побелевшего зайца? Охота. Кто поднимает с теплого ночлега этого хворого старика и заставляет его на утренней заре, в тумане и сырости, сидеть на мокром берегу реки, чтоб поймать какого-нибудь язя или головля? Охота. Кто заставляет этого молодого человека, отлагая только на время неизбежную работу или пользуясь полдненным отдыхом <...> таскающего на себе застреленных уток и все охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, без сомнения, одна охота. Вы произносите это волшебное слово – и все становится понятно» [4. С. 315].

И.С. Тургенев, сам охотник, в рецензии – письме на имя охотника, редактора «Современника», поэта Н.А. Некрасова о книге С.Т. Аксакова выделил в качестве центральной идеи «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» бескорыстную любовь автора к природе: «Он смотрит на природу (одушевленную и неодушевленную) не с какой-нибудь исключительной точки зрения, а так, как на нее смотреть должно: ясно, просто и с полным участием; он не мудрит, не хитрит, не подкладывает ей посторонних намерений и целей: он наблюдает умно, добросовестно и тонко; он только хочет узнать, увидеть. А перед таким взором природа раскрывается и дает ему «заглянуть» в себя» [6. Т. 4. С. 517].

Книга Аксакова композиционно выстроена как исследование энциклопедического характера. В основе авторской концепции лежит идея развития как основы жизни в ее естественной форме, как нескончаемый процесс изменения, обновления и умирания, непрерывного циклического движения. Книга составлена из четырех «разрядов» (Разряд I. Болотная дичь. Разряд II. Водяная, или водоплавающая дичь. Разряд III. Дичь степная, или полевая. Разряд IV. Дичь лесная), каждому из которых предпослана маленькая глава («Приступ»), а именно: «Болото», «Воды», «Степь», «Лес». Эти главы в совокупности составляют панораму-энциклопедию разнообразия и богатства ландшафта средней полосы России и дают богатый материал для характеристики аксаковской натурфилософии.

Среди всех форм жизни природы Аксаков особо выделяет воду. Вода символизирует природное начало жизни. «Все хорошо, – пишет он, – в природе, но вода – красота всей природы. Вода жива; она бежит или волнуется ветром; она движется и дает жизнь и движение всему ее окружающему» [4.

С. 100]. На протяжении главы Аксаков с изумлением и восторженностью описывает, как вода – в речках, ручьях, родниках – питает травы, цветы, кусты («незабудки, дикий нарцисс, кукушкины слезки, тальник и березка»), как крутит мельничные амбарушки и паровые машины, как омывает вольными струнами упавшие в воду столетние деревья, как отражает разнообразие череноселья: «липу, осину, березу и дуб, кладя то справа, то слева, согласно стоянию солнца, прямые или косые тени свои на поверхность реки» [4. С. 104].

Описание болот, вод, степей и леса сочетается с толкованием четырех стихий бытия – огня, воды, неба и земли, указывающих на их космическую сущность. Каждый раз, перечисляя виды, например, болот (чистых, луговых, сухих, зыбких), Аксаков показывает их уникальность, различие, но вместе с тем выявляет общие закономерности и дает сведения о продолжительности жизни каждого описываемого явления природы – от начала до смерти, где, например, огонь выполняет функцию разрушителя мира природы так же, как и трясина болот ведет к уничтожению живого: «Бывали примеры, что такая неосторожность стоила жизни охотнику» [4. С. 41]. Каждое явление природы в конечном итоге целесообразно и выполняет жизненно необходимую функцию: «Конечно, летние жары и засухи производят в них убыль, но они от того не загнивают, кроме обыкновенного летнего цветения воды, которому подвержены все реки без исключения и которого начало приметно даже в самых быстротекущих ключах» [4. С. 105].

Общая атмосфера «Записок ружейного охотника...» – погружение человека в мир первозданной девственной природы, живущей по законам высшей гармонии. Так, при описании тетерева, его повадок, изменяющихся с переменами времени года, живописно рисуя косачей во время *тока*, когда они «рано утром, до солнечного восхода <...> слетаются на избранное заранее место, всегда удобное для будущих подвигов» [4. С. 247] и начинают свое глухое токование, Аксаков передает ощущения охотника, в которых выражено сладостное чувство, вызываемое в душе человека моментом соприкосновения его с природной гармонией: «В самих звуках нет ничего привлекательного для уха, но в них бессознательно чувствуешь и понимаешь общую гармонию жизни в целой природе...» [4. С. 247].

Описания красоты природы, богатства животного мира даются Аксаковым в соотношении с поведением человека, его душевными движениями и переживаниями. В изображение птиц и зверей, помимо обязательного подробного и живописного рисования внешности птицы (вида, цвета, размера, перьев, крыльев, грудки, шеи, общего строения и т.д.), включается рассказ об их поведении – и здесь сквозными можно назвать мотивы материнской любви (заботы о детях) и супружеских отношений (любви). Доминантное выделение этих двух мотивов чрезвычайно важно, поскольку жизнь человека через систему сравнений, ассоциаций, метафор и других тропов оказывается включенной в мир первозданной природы, ее исконных законов, она подвергается как анализу, так и поэтизации, а сам рассказ о природе одухотворяется и получает философское наполнение. Рассказывая о куликах, травниках, утках, чибисах, Аксаков каждый раз упоминает об их необыкновенной «горячности к детям» [4. С. 72] и описывает поведение матерей, свойственное всякому живому существу, включая человека. Так, например, «утка – самая го-

рячая мать. Когда собака или человек спугнет ее с гнезда, для чего надобно почти наступить на него, то она притворяется какой-то хворою или не умеющею летать...» [4. С. 126]. «Через несколько часов после вылупления утят уже нет в гнезде: мать увела их на тихую воду пруда, озера или залива с камышами. Она бережно перенесла утят во рту через такие места, где пройти им трудно» [4. С. 126]. С таким же подробностями, выдающими наблюдательную натуру повествователя-охотника, рассказывается о чибисах: «Чибисы, или пигалицы, очень горячо привязаны к своим детям и не уступают в этом качестве болотным куликам: так же бросаются навстречу опасности, так же отгоняют всякую недобрую птицу и так же смело выются над охотником и собакою» [4. С. 98].

Мотив любви на страницах «Записок ружейного охотника» занимает исключительно важное место, поскольку речь идет о великом законе обновления жизни, о формах его проявления. Особенность развития этого мотива состоит не только в том, что Аксаков рисует «любовные сцены» полно, живописно, с множеством увиденных им деталей, отмечая повадки, обстоятельства и поведение разных пород птиц. Эти описания поэтически одухотворены постоянной соотнесенностью мира природы с жизнью человека, творения этой природы.

Одной из сторон животного мира является «внутренняя сущность или *prima materia* жизни, стремление или хотение жить, т.е. питаться и размножаться – голод и любовь» [5. С. 32].

Страстным и верным любовником предстает в книге селезень: «Селезень, сладострастнейший из самцов, не отходит от утки ни на шаг, не разлучается с ней ни на минуту, ни за что прежде ее первый не слетит с места. Иногда утка полощется в какой-нибудь луже или щелочет носом в жидкой грязи, селезень, как часовой, стоит на берегу или на кочке; охотник подъезжает к нему в меру, но утка не видит или не замечает ничего; селезень пошевеливается, повертывается, покрякивает, как будто подает ей голос, ибо видит опасность, но утка не обращает внимания; один он не летит прочь – и меткий выстрел убивает его наповал» [4. С. 123].

Среди всех птиц особо выделены голуби из-за своей кротости и нежности в выражении чувств. Приступая к новому разделу, Аксаков опирается на материал о бытовании образа голубя в народном сознании и проводит важную мысль о нравственном здоровье нации, воспринимающей природу так чутко и поэтично. «Голубь с незапамятных времен служит эмблемою чистоты, кротости и любви – и не напрасно: все эти три качества принадлежат ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми, ветхо- и новозаветными словами. Любовь голубя к голубке и общая их нежность к детям признаны всем народом русским и засвидетельствованы его песнями и поговорками, авторитет убедительный и неопровержимый. Слова ласки и сожаления, *голубчик* и *голубушка*, постоянно слышны в речах простого народа. Хотят ли сказать, как ладно живут муж с женой, как согласны брат с сестрой, как дружны между собой приятели и приятельницы, и непременно скажут: «Они живут, как голубь с голубкой, не наглядятся друг на друга». Желая выразить чье-нибудь простодушие или доброту, говорят: «У него голубиная душа». Сострадая чужой беде, всякая крестьянка скажет: «Ох, моя голубушка, натерпелась она

горя». Самая наружность голубя выражает его качества: как он всегда чист и опрятен, как соразмерны все части его тела! Какая круглота, мягкость в очертании его фигуры! Во всех движениях нет ничего порывистого, резкого: все так кротко, спокойно, грациозно. Народ глубоко чувствует нравственные качества голубей и питает к ним особенную любовь» [4. С. 268–269].

Выше процитированный текст характерен для «Записок»: на протяжении всей книги Аксаков постоянно апеллирует к народному слову, к крестьянским суждениям, тем самым вводит материал, позволяющий выстроить представление о народной культуре, понятиях народа о прекрасном¹. Нередко автор встает на позицию простого мужика в ситуации его постоянного общения с природой, выражающего всеобщую страсть наблюдения за природой, познания ее красоты и силы. И одно из значений мотива охоты концентрируется на страсти изучения природы, получения от этого радости. Так, описывая летящую стаю журавлей, он пишет: «Кто не слышал их пронзительного *курлыкканья*, похожего на отдаленные звуки валторн и труб, падающего с неба, с вышины, не доступной иногда глазу человеческому <...>. Весело слушает крестьянин весною эти звуки и верит им, хотя бы стояла холодная погода: эти звуки обещают близкое тепло; зато в жаркие дни, какие изредка бывают у нас в исходе августа и даже в начале сентября, крик высоко летящих журавлей наводит грусть на его сердце. «Быть рано зиме, – говорит он, – журавли пошли в поход», и всегда почти верно бывает такое предсказание» [4. С. 172–173].

Взяв за основу первородное и первозданное в природе, Аксаков обнаруживает неразрывное единство изображаемого природного мира с образом многовековой крестьянской России со стороны ее нерастраченных возможностей, исконных и хранимых в народе нравственных ценностей. Аксаков называет Россию по-старославянски – Русь.

Философско-этическая концепция национальной жизни в ее целостности и развитии получает воплощение в размахе эпического повествования и лирической исповедальности. О глубинной связи писателя-охотника с народными основами свидетельствует определение им своей эстетической позиции. Враг пышности и романтических преувеличений, свойственных «господам стихотворцам, прозаикам, одним словом, поэтам» [4. С. 275], он утверждает красоту обыкновенного: «Я не стану спорить с любителями величественных и грозных образов и охотно соглашусь, что не способен к приятию грандиозных впечатлений» [4. С. 104]. Рассказывая о перепелках, Аксаков замечает: «Трудно описать серые, пестрые перышки перепелки, к тому же они слишком всем известны. По-видимому, в них ничего нет красивого. Но для меня так приятна эта не яркая, не разноцветная пестрота, что я предпочитаю ее блестящей красоте перьев других птиц» [4. С. 220].

Установка на выявление поэзии в обыкновенном определяет своеобразие хронотопа «Записок ружейного охотника». Уже во Вступлении Аксаков ад-

¹ Отсылки читателя к народному мнению постоянны в тексте «Записок ружейного охотника»: «Пар поднимается от земли: земля отходит, говорит крестьянин» [4. С. 27]; «народ говорит, что пига-лица кричит: «чьи вы, чьи вы?»» [4. С. 97]; «*коростель* – название охотничье и книжное; *дергун, дергач* – вот русские народные имена. Городская и особенно столичная публика мало знает коростеля; но зато все деревенские жители, от мала до велика, вдоволь наслушались его неугомонных криков» [4. С. 213] и др.

ресует свою книгу – плод «долговременной опытности, страстной охоты и наблюдательности» – «охотникам деревенским, далеко живущим от столиц и значительных городов, людям небогатым» [4. С. 5]. Принципиально важным представляется обращение Аксакова к стихотворению Державина «Евгению. Жизнь Званская». При описании тетеревов Аксаков цитирует строку («Вдали тетеревей глухое токованье») из стихотворения Державина, в котором поэт, в традициях русской литературы, развивая горацянские и руссоистские идеи, воспекает вольную жизнь на просторах усадьбы в деревне¹.

Аксаков создает огромное по масштабу общенациональное пространство и время, хотя на первый взгляд ограничивает себя только Оренбургской губернией. Природное время как смена времен года, дня и ночи, утреннего расцвета и сумерек вечера представлено в богатстве красок, звуков, запахов и охватывает существование всего живого. Пространство Руси Аксаков прямо называет, используя стихи Грибоедова, «дистанцией огромного размера» [4. С. 21], в котором одна Оренбургская губерния – «обширный край, целое царство», «большие пространства нераспаханной, мало посещаемой башкирскими табунами ковылистой степи» [4. С. 171]. Описание ковылистых степей и зимних буранов получает сказочно-былинный колорит: «Осенью <...> вполне распушившиеся волокна ковыля при легком дуновении ветерка уже колеблются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный ветер, безгранично властвуя степью, склоняет до пожелтевших корней слабые, гибкие кусты ковыля, треплет их, хлещет, рассыпает направо и налево, бьет об увядшую землю, несет по своему направлению, и взору представляется необозримое пространство, все волнующееся и все как будто текущее в одну сторону» [4. С. 163].

Документальность повествования формирует эпическую картину мира с помощью точных указаний дат, места охоты и обитания дичи, детальной характеристики каждого из ее видов. Повествование охватывает период с 1807 по 1854 г., передавая наблюдения и воспоминания автора: «Вот пример, как иногда бывает длинна зима в Оренбургской губернии: в 1807 году 1 апреля перед солнечным восходом было двадцать градусов мороза по Реомюру!» [4. С. 146]². С удивительной точностью Аксаков изображает время и события охоты: «В 1816 году, с исхода сентября до 6 декабря, я убил с подъезда около пятисот тетеревов» [4. С. 254]; «Три дня с неимоверными усилиями, к которым бывает способна только молодость и страстная охота, бродил я по этой непроходимой топи. Я убил восемьдесят три гаршнепа...» [4. С. 55]. В этом

¹ См. у Державина:

Иль накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как выют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом луги,
Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье [7. С. 147–148].

² Крайняя временная граница 1854 г. появляется в третьем издании «записок» в примечании автора, в то время как в первом издании повествование ведется до 1822 г.

случае значение мотива охоты связано с подстрелом дичи и, по Платону, является преследованием блага.

На протяжении всего произведения происходит чередование датированного времени и календарных циклов, определяющее линейность повествования. Национальное, историческое время входит с описанием царской и княжеской жизни Киевской Руси. По обычаям того времени было принято подавать к столу лебедя, которого «разрезывала сама великая княгиня» [4. С. 110]. Эстетика природного начала соединяется с бытовыми реалиями: «...мысль, что лебедь служил только украшением стола, должна быть несправедлива» [4. С. 110]. Старинные песни, сказания о лебедях являются воплощением фольклорного времени: «...говорят, что он ударом крыла убивает до смерти собаку, если она приблизится к нему, легко раненному, или бросится на его детей» [4. С. 110].

Жанр «записок», наиболее часто определяемый как цикл очерков, обогащается песенными вставками. Описание «миловидной птички» перепелки представлено в необычном, «вежливом» и живописном стиле Аксакова и больше тяготеет к хвалёбе, воспеванию: «Уж я улицею – серой утицею, / Через черную грязь – перепелицею» [4. С. 220]. Каждое явление живого мира изображается Аксаковым с любовью и исключительностью. В очерке «Степь», открывающем третий разряд (раздел) «Дичь степная, или полевая», он приводит «роскошную» характеристику растительности, вводящую народный календарь: «К концу же июня, к Петрову дню, поспевают ранняя полевая клубника; но самый рост ее бывает около летней Казанской, 8 июля». И тут же продолжает: «Эта чудная, ароматная, превосходная вкусом и целебная для здоровья ягода родится в некоторых местах в удивительном изобилии...» [4. С. 162–163].

Движение времени неразрывно связано с пространством. Расширение пространственно-временных рамок происходит с введением реальных, исторических имен, таких как И.П. Ах-в (произвольно оказался соавтором в описании куропатки), охотники А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин (Аксаков излагает их версию охоты сов и филинов на зайцев). Летописный характер «записок», проявляющийся в фиксации даты, событий, имен, оттеняется очень частым упоминанием «других» охотников и крестьян, с которыми когда-то встречался Аксаков. Несмотря на то, что в «записках» нет ни одной характеристики таких многочисленных охотников, именно они, наряду с Аксаковым, стали рассказчиками, естествоиспытателями и почти невидимыми персонажами в произведении. В описании большинства явлений живого мира Аксаков придерживается следующей структуры, возводящей повествование на общерусский уровень: точное описание явления, авторская и поэтичная оценка данного явления, версии других очевидцев, охотников, крестьян. Кроме того, в произведении вводятся работы, образующие «литературный» контекст: «Совершенный егерь» (из которого Аксаков позаимствовал первое название красноустика), «Книга сокольников пути» (о поведении копчиков) и др. Национальное пространство «записок» граничит с общеевропейским, которое образуется с появлением башкирцев в Оренбургской губернии – «башкирские соколы поважены почти в угон ловить уток» [4. С. 132], а также русским

интересом к немецкой культуре – «...немцы не совсем верно называют витьютина «кольцовый голубь» (Ringtaube)» (С. 269).

Контаминация времен в «Записках» проявляется в рамках широкого национального географического пространства. Безусловно, особое внимание уделяется местам обитания дичи в Оренбургской губернии. Однако лебеди также живут в волжских озерах, «начиная от Царицына до Астрахани» [4. С. 109], и даже «в разливе реки Бугуруслана» [4. С. 110]. Местом обитания уток являются также Вятская, Пермская, Астраханская губернии. Шилохвости встречаются в Ставропольском уезде. Степи Оренбургской губернии и нескольких уездов (Уфимского, Стерлитамацкого, Белебеевского...) отличаются от степей, имеющих ровную и сухую поверхность. Пространство Сибири («прекрасное место для глухарей»), Центральная и Северная части России не остались без внимания автора («отсутствие куропаток возле Москвы и их изобилие рядом с Петербургом»).

Поэтический ракурс изображения достигается глубокой симпатией писателя к неяркой русской красоте. В процессе точного, казалось бы, научно-документального описания проза обретает тональность, цвет, живописность, а сами перечисления создают ритм музыкального речитатива, которым передается взволнованное чувство повествователя. Так, описывая птицу в статье «Лебедь», Аксаков дает точные характеристики цвета, ее внешнего вида; но повторяющаяся синтаксическая структура этих определений, усиленная повторением глагольных форм с частицей *ли*, деепричастных оборотов, создает мелодию лирико-исповедальной интонации, которая не разрушает эпического строя, но придает ему дополнительный возвышенный характер: «Белый как снег, с блестящими, прозрачными небольшими глазами, с черным носом и черными лапами, с длинною, гибкою и красивою шеею, он невыразимо прекрасен, когда спокойно плывет по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и все его движения исполнены прелести: начнет ли он пить и, зачерпнув носом воды, поднимет голову вверх и вытянет шею; начнет ли купаться, нырять и плескаться своими липучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся с его пушистого тела; начнет ли потом охорашиваться, легко и свободно закинув дугою назад свою белоснежную шею, поправляя и чистя носом на спине, в боках и в хвосте смятые или замаранные перья; распустит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнет также носом перебирать в нем каждое перо, проветривая и суша его на солнце, – все живописно и великолепно в нем» [4. С. 108].

Лирическая исповедальность связана с раздумьями писателя о сложности современной жизни, о драматизме человеческого существования, о кратковременности пребывания его на земле, наконец, с тоской по идеалу. Чаше всего лиризм прорывается при описании голосов природы. Возможно, живая стихия звука оказывается для охотника-поэта наиболее родственной: издали слышен «звонкий и приятный» [4. С. 68] голос кулика; «чистый, отрывистый, короткий и частый» свист болотного коростеля, «похожий на посвистывание *пастуха, погоняющего стадо*» издали [4. С. 93]; «тихий и заунывный писк» песочника [4. С. 82]; «звонкий и приятный крик, похожий на тиллү, тиллү» черныша [4. С. 74]; «зычный крик и глухое гоготанье» [4. С. 110] лебедей; «звучный, колокольчиком заливающийся голос» [4. С. 185]

кроншнепа; «плачевный, странный дикий крик» сычей и длинноухих филинов «в ночное время испугает и непугливого человека, запоздавшего в лесу. Что же мудреного, что народ считает эти крики *ауканьем* и *хохотом* лешего?» [4. С. 233]. Но нередко описание голосов птиц получает дополнительный смысл – через прямое обращение к человеческому чувству: «<...> Издали воркование горлиц похоже на прерываемое по временам журчанье отдаленного ручейка и очень приятно для слуха; оно имеет свое замечательное место в общем хоре птичьих голосов и наводит на душу какое-то невольное, несколько заунывное и сладкое раздумье» [4. С. 277]. Как бы не договаривая до конца, не давая точного определения чувству, а только намекая на него, нередко завершая размышление многоточием, Аксаков переводит повествование в лирико-философский подтекст и достигает глубины в изображении драматического состояния духа человека.

Чрезвычайно значимым видится признание, которым заканчивается статья «Лес»: «Я никогда не мог равнодушно видеть не только вырубленной рощи, но даже падения одного большого подрубленного дерева; в этом падении есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкие удары топора производят только легкое сотрясение в древесном стволе; оно становится сильнее с каждым ударом и переходит в общее содрогание каждой ветки и каждого листа; по мере того как топор перехватывает до сердцевины, звуки становятся глуше, больнее... еще удар, последний: дерево оседет, надломится, затрещит, зашумит вершиною, на несколько мгновений как будто задумается, куда упасть, и, наконец, начнет склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потом, с возрастающей быстротою и шумом, подобным шуму сильного ветра, рухнет на землю!.. Многие десятки лет достигало оно полной силы и красоты и в несколько минут гибнет от пустой прихоти человека» [4. С. 237]. Перед читателем образец философско-психологической прозы драматической напряженности: картина безвременной гибели дерева, достигшего расцвета сил, заключает в себе символику, связанную с драматическими раздумьями автора о жизни и смерти человека.

Таким образом, в «Записках ружейного охотника» концепт охоты включает в себя идею значимости и ценности русской жизни, ее природы, культуры, истории, судьбы каждого человека – крестьянина и дворянина, представленных людьми типа ружейного охотника. Сама страсть к охоте получает смысл этического события, означающего радость открытия, охоты, погони за истиной и красотой, обнаруживаемой в первоосновах природной и духовной жизни человека. Аксаков создал философскую утопию общенациональной целостности и всеобщего равенства: в самой охоте происходит приобщение людей к красоте открывающегося им мира природы – источника нравственного здоровья. В общении с природой человек угадывает смысл своего предназначения и обретает чувство духовной гармонии.

Книга Аксакова, как и последовавшие за нею статьи И.С. Тургенева и «Записки охотника», обозначили эпический пласт русской прозы, ставшей в русской литературе эталоном представления о национальных основах общества, знаменующих собою нравственное и духовное здоровье русского человека.

Литература

1. Лосев А.Ф. Охота как символ платонического учения об идеях // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974. С. 272–292.
2. Большакова А. Философско-эстетическая «охота» в мире русского слова (Пушкин, Тургенев, Л. Толстой, Аксаков) // Лит. учеба. 2001. № 3. С. 17–19.
3. Герцен А.И. Былое и думы. М., 1988. Т. 2.
4. Аксаков С.Т. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1966. Т. 5.
5. Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 30–72.
6. Тургенев И.С. «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. А-ва // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1980. Т. 4. С. 509–522.
7. Державин Р.Г. Глагол времени: Стихотворения. М., 1978. С. 147–148.

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/19986645/23/7

В.С. Киселев, Т.А. Васильева

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА УКРАИНЫ В ИМПЕРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: РЕГИОНАЛИЗМ, ЭТНОГРАФИЗМ, ПОЛИТИЗАЦИЯ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

В статье рассматриваются особенности интеграции Украины в пространство Российской империи в конце XVIII – первой четверти XIX в., ее социально-политические и культурные последствия и сопутствующий исторический контекст. Затрагивается вопрос о бытовании понятия «нация» в российском общественном сознании и словесности. Основное внимание сосредоточено на регионализме как основе самоидентификации малороссов и новой черте образа Украины в имперском дискурсе Александровской эпохи. Анализу подвергается ряд журнально-публицистических текстов, их идейное содержание, стилистическая вариативность, жанровые особенности и функции.

Ключевые слова: русская литература, украинская литература, образ Украины, национализм, регионализм, этнографизм.

I

Основной задачей реформ 1764–1785 гг., проведенных малороссийским генерал-губернатором П.А. Румянцевым по инициативе Екатерины II, была интеграция Украины в имперское пространство. Преобразования прошли успешно и, при всей своей болезненности, глубоко изменили как административно-правовую, так и социальную организацию малороссийской жизни (ликвидация казачества, прикрепление крестьян к земле, выделение и официальное утверждение статуса дворянства и т.п.) [1. С. 191–298]. К началу XIX в. большинство населения Украины оказалось прочно встроено в сословную иерархию империи, хотя на этом пути возникало много проблем в виде, например, трудностей с подтверждением дворянского статуса для прежней казачьей старшины, которые сохранялись вплоть до 1830-х гг. Ответом на преобразования часто становился всплеск автономистских движений, актуализировавший приверженность старым традициям. Впрочем, последний из них пришелся на 1780 – начало 1790-х гг. (реакция на крестьянскую и военную реформу). Рубежом здесь выступили разделы Речи Посполитой 1793 и 1795 гг., превратившие прежнюю Гетманщину из окраины империи во внутреннюю территорию и снявшие тем самым вопрос о возможности ее самостоятельного государственного существования.

Период правления Павла I, который основное внимание уделял внутренней политике и считал, что наступило время активного ассимиляционного освоения недавно присоединенных земель (Причерноморье, Крым, Украина, Польша, Аляска), дал, казалось бы, надежды на восстановление частичной автономии Украины: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское наместничества были упразднены и образована единая Малороссийская губерния,

территориальные границы которой совпадали с границами Гетманщины, была возобновлена прежняя система судопроизводства [2. С. 407–433].

Однако период «реставрации» оказался недолог и канул в невозвратимое прошлое с восшествием на престол Александра I. В Манифесте 1801 г. император особо подчеркнул свою приверженность политическому курсу Екатерины II. Это нашло проявление в украинской политике: Малороссийская губерния вновь была разделена на Черниговскую и Полтавскую, традиционная система судопроизводства отменена, ориентация на создание единой общеимперской системы административных институтов заявила о себе с прежней силой [3. С. 65–95]. Однако местные своды законов, представлявшие порой своеобразное смешение Литовского устава, обычного права и элементов магдебургского (в городской среде), частично сохранялись на протяжении всего периода правления Александра I и полностью вышли из употребления лишь в 1840-х гг.

Вступившая в завершающую фазу интеграция ознаменовалась духом лояльности со стороны украинского общества. Он был крайне важен для столичной власти, выстраивающей свои отношения с разнообразными этносами согласно особой «неофициальной» иерархии, основанной на степени родственности по вере и происхождению [4. С. 125–144]. Для «близкой» дворянской элиты Малороссии, в которую окончательно превратилась казачья старшина, а также шляхетство как Левобережной, так и – после разделов Речи Посполитой – Правобережной Украины, это оборачивалось немалыми возможностями в плане построения карьеры, в том числе связанной с образованием и культурой [5–7. С. 39–66]. В период александровского царствования спорадическое проникновение украинцев в высшие культурно-политические сферы империи сменилось постоянным и массовым их участием в жизни метрополии. Даже если говорить только о писателях и журналистах, то их ряд будет чрезвычайно обширен – В.В. Капнист, И.П. Котляревский, А.А. Палицын, Н.И. Гнедич, М.Т. Каченовский, В.Т. Нарезный, И.А. Кованько, Е.А. Болховитинов, В.И. Туманский, П.П. Свиньин, Н.А. Цертелев и мн. др. [8]. При этом сами выходцы из Малороссии уже не воспринимали себя носителями иной этногосударственной идентичности, их самосознание можно определить как регионализм.

Показательным образцом здесь выступает В.В. Капнист, представитель старшего поколения ассимилированных украинцев, «образованный и политически ангажированный человек, укорененный, с одной стороны, в просвещенном и близком ко двору петербургском обществе, с другой – в оппозиционном украинском дворянстве, уважаемый лично и Екатериной II, и Павлом I и тем не менее желавший всеми средствами, включая конспиративные, восстановить прежний статус своей украинской родины» [9. С. 401]. Сын полковника В.П. Капниста, представитель казачьей «аристократии» и владелец большого поместья, В.В. Капнист с ранней молодости оказался включен в столичную культурную среду и благодаря поддержке кружка Н.А. Львова – Г.Р. Державина получил возможность сделать блестящую имперскую карьеру, чем, однако, воспользовался лишь отчасти, рано уйдя в отставку и посвятив себя деятельности на выборных должностях – предводителя дворянства Миргородского уезда (с 1782 г.), дворянского маршала Киевской губернии (с

1785 г.), товарища предводителя дворянства (с 1802) и предводителя дворянства (1817–1822 гг.) Полтавской губернии и др. В этом качестве он нередко выступал с патриотическими проектами о восстановлении казачьих войск, о расширении прав и свобод украинского дворянства, в том числе не чуждаясь внешнеполитических интриг¹. Тем не менее его имперскую лояльность вряд ли можно поставить под сомнение, доказательством чему служит и поэтическое творчество (от «Оды на истребление в России звания раба Екатериною Второю» 1786 г. до «Оды на всерадостное известие о покорении Парижа» 1814 г.), и письма, в которых В.В. Капнист нередко высказывал критическое отношение к столице, но одновременно с гордостью сообщал о близости ко двору («Она <Екатерина II> сказала, что нашла в Малороссии только одного человека: меня» [11. Т. 2. С. 317]).

Схожую судьбу и мировоззренческие ориентации демонстрируют биографические свидетельства многих украинцев старшего поколения – А.И. Чепы, полтавского уроженца, секретаря генерал-губернатора П.А. Румянцева, а в начале XIX в. почт-директора, ревностного собирателя документов украинской старины, В.Г. Полетики, энциклопедиста и полиглота, наследника автономистских идеалов отца Г.А. Полетики – и исправного офицера и имперского чиновника, М.Ф. Берлинского, долгие годы прослужившего учителем в киевской гимназии и работавшего одновременно над украинской («Историческое описание Малороссии и города Киева») и русской историей («История Российская для употребления юношеству» [12. С. 257; 13. С. 59–63; 14. С. 5–20]). Для следующего поколения, пришедшего в культурную и общественную деятельность в годы александровского царствования, острота противоречий между региональным и имперским уровнем идентичности была уже не столь характерна, как, например, для Н.И. Гнедича, поклонника греческой Античности, служащего Императорской публичной библиотеки и обладателя небольшого поместья на Украине, которое он любил и часто посещал, не высказывая, однако, активного местного патриотизма.

Укрепление имперской лояльности со стороны малороссийской элиты сопровождалось также существенными изменениями в идеологии самой метрополии. Первые десятилетия XIX в. ознаменовались становлением русского национализма, для которого этнические и вероисповедные различия обретали новый смысл, в отличие от абсолютистской идеологии времен Екатерины II и Павла I. Государство-нация шло на смену государству-империи, основанному на наднациональной приверженности подданных (в лице дворянской элиты) монарху [15, 16]. Рождение русского национализма, впервые отчетливо заявившего о себе в 1800-х гг. в трудах Н.М. Карамзина и С.Н. Глинки, А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина [17], стало ответом на новую историческую ситуацию – необходимость конкурировать с Англией и особенно Францией, быстро шедших по пути нацистроительства. Французская революционная Декларация прав человека и гражданина 1789 г. провозглашала: «Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один

¹ См. в этом контексте об авантюрной попытке В.В. Капниста воспользоваться событиями русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и заручиться поддержкой Пруссии для восстановления автономии Гетманщины [10. Т. 4. С. 220–259].

индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации» [18. С. 26–27]¹. В истоках этой формулы лежала концепция общественного договора Ж.Ж. Руссо, вводившая в политический оборот категорию нации как органической общности, связанной единым характером, культурой и законами². Усвоение данного круга идей шло в отечественной сентиментальной культуре весьма прихотливыми путями, приведшими, например, Н.М. Карамзина, автора космополитических «Писем русского путешественника», к умеренным националистическим прокламациям уже к началу 1800-х гг., а убежденного антирусоиста Ф.В. Ростопчина – к использованию мыслей французского философа как фундамента патриотической пропаганды³.

Не менее сложную картину представляла рецепция немецких интеллектуальных построений, связанных с проблемами нациестроительства – философии истории И.Г. Гердера, патриотической публицистики И.Г. Циммермана, И.Г. Фихте, Ф.В. Гумбольдта, Э.М. Арндта. Немецкий опыт в каком-то смысле был ближе российскому: он рождался не из необходимости осмыслить уже существующие формы национального государства, а из потребности создать его идеал. Для Германии этот идеал выступил объединяющей патриотической силой во время наполеоновских походов, для России он становился инструментом подспудной трансформации монархической идеологии. Примечательно, что жесткие формы немецкой националистической риторики И.Г. Фихте или Э.М. Арндта были актуальными для российской культуры лишь на короткий период – накануне и в течение Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. [24], зато более обобщенный вариант «гуманистического» национализма, замешанного на идеях И.Г. Гердера, оказал долговременное и глубокое влияние⁴. Ключевым в его трудах стала мысль о национальном характере: «...во всех земных делах людей очень многое зависит от времени и места и от различий в характере наций, ибо самое главное – характер народа» [31. С. 313]. При этом народный характер объявлялся неким «генетическим духом», вещью странной и поразительной, не поддающейся рациональному объяснению. Из рассуждений о существовании «неуловимого» национального характера вытекал значимый политический вывод: «...и самое естественное государство – такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером» [31. С. 250]. Постулированная немецким философом мысль о неразрывной связи национального характера и национального государства превращала концепцию Ж.Ж. Руссо, скомпрометированную для русских авторов ее ролью в подготовке Великой французской революции, в приемлемый и плодотворный инструмент обоснования новой системы взглядов. Этот гердеровский компонент неизменно присутствовал в лингвистических,

¹ См. подробнее о роли Великой французской революции в становлении националистических движений Европы [19].

² См. подробнее о влиянии идей Руссо на становление европейских националистических идеологий [20. С. 183–199; 21. С. 111–128].

³ См. подробнее глубокий анализ данных мировоззренческих трансформаций [22. С. 114–140; 23. С. 383–445].

⁴ См. подробнее о влиянии идей Гердера на формирование русского национализма [25. С. 3–20; 26. С. 237–269; 27. С. 8–53; 28. С. 188–215; 29; 30. С. 174–217].

исторических и литературных построениях 1800–1810-х гг., апеллировавших к русскому характеру, к народу как органическому целому, питая растущий интерес к национальному фольклору, истории, обычаям и культуре [32. С. 284–325; 33. С. 446–600].

Впрочем, и в политической практике категория нации обнаружила свою актуальность, чему, с одной стороны, способствовали реформаторские планы раннего александровского царствования, а с другой – необходимость учитывать современный европейский контекст. Политика Наполеона на оккупированных территориях дала яркий пример плодотворности националистической пропаганды для привлечения симпатий местного населения, хотя, на ином полюсе, в ряде стран – Испании, Италии, Германии, а в 1812 г. и в России – вторжение наполеоновской армии привело к ощутимому росту национально-го самосознания. Так, вступив в Берлин, Наполеон обратился не к элите, а к третьему сословию, к простым горожанам: «Добрый берлинский народ является жертвой войны, в то время как ее виновники спаслись. Но я настолько унижу эту дворцовую власть, что ей придется просить подавания» [34. С. 262]. Однако если берлинский народ, по замечанию Е.В. Тарле, «встречал императора боязливо» [35. С. 186], то в Польше Наполеона приветствовали как освободителя, поскольку обещания французского императора полностью соответствовали чаяниям местных патриотов, жаждущих восстановления Речи Посполитой.

После образования в 1807 г. Великого Герцогства Варшавского, утверждения его конституции и избрания парламента эти надежды, казалось, начали воплощаться в жизнь, став источником польского мифа о Наполеоне-освободителе [36. С. 190–204; 37. С. 99–107]. Ответом на политику Наполеона явились российские проекты А. Чарторыйского, М.Б. Барклая де Толли, К. Фуля, М.К. Огинского и ряд других, предусматривавших – в разной степени – восстановление польской автономии [38. С. 46–59]. Подобные документы вольно или невольно заимствовали определенные элементы политических представлений, связанных с категорией нации, чему свидетельством может служить, например, письмо Александра I А. Чарторыйскому от 31 января (12 февраля) 1811 г., в котором император высказывал свои соображения по польскому вопросу и предлагал, чтобы чиновничество и армия были «чисто национальными, польскими» [39. Т. 5. С. 56–57].

Эти дискурсивно-идеологические формулы нужно рассматривать как часть общего движения имперской политической мысли 1800–1810-х гг., нацеленного на обсуждение предполагаемых реформ. В подобном контексте понятие нации и его содержательные аналоги фигурируют в письмах и документах Александра I и его советников-реформаторов (А. Чарторыйского, Н.Н. Новосильцева, П.А. Строганова, в том числе и украинца В.П. Кочубея, позднее М.М. Сперанского) с 1790-х гг.¹ и получают вскоре широкое распространение среди культурной элиты, даже далекой от политики, о чем говорит, например, письмо В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.: «Читая русскую историю, буду иметь в виду не одну мою поэму, но и самую

¹ См. письмо великого князя Александра Павловича Лагарпу от 27 сентября 1797 г. [40. Т. 1. С. 88], а также суждение М.М. Сперанского [41. С. 154].

русскую историю; но в истории особенно буду следовать за образованием русского характера, буду искать в ней объяснения настоящего морального образования русских. Это мне кажется прекрасною точкою зрения, и со временем может выйти из моих замечаний что-нибудь весьма полезное (пишу это про тебя). Политические происшествия можно назвать воспитанием того отвлеченного существа, которое называют нацию. Читая историю в этом отношении, то есть наблюдая, каким образом воспитатель могущий народов (Судьба, Провидение, Творец) образовал их характер, увидишь и средства, каким образом можно исправить то, что испорчено воспитанием, дополнить недоконченное, воспользоваться выгодным, уничтожить вредное» [42. Т. 4. С. 468–469].

В целом, однако, категория нации, как констатирует А.И. Миллер, в период александровского царствования ассоциировалась скорее с «понятиями свободы, конституции и представительства» [43. С. 15], нежели со сферой культуры и истории, где более активно употреблялись понятия народа и народности [44. С. 108–122; 45. С. 42–66].

Тем самым можно выделить, по крайней мере, три направления, по которым трансформировался образ Украины в российском общественном сознании и словесности 1800 – начала 1820-х гг. По мере интеграции Малороссии в имперскую административно-политическую, социальную и культурную систему постепенно ослаблялись акценты на различие, на смену им приходило внимание к сходству, что становилось почвой для регионализма, для мышления категориями местного своеобразия. Регионализм активно проявился и на уровне социокультурной самоидентификации выходцев из Малороссии, что ощущается, например, в публицистическом и эпистолярном дискурсе, и на уровне исторического нарратива, стремящегося, в отличие от украинских летописей XVIII в., к единому рассмотрению местной и имперской истории, и на уровне литературы и журналистики, переходящих на русский язык и встраивающихся в общий литературный процесс. Тем не менее украинский регионализм александровского времени, как и осмысление Малороссии носителями имперской культуры, уже претерпел глубокое влияние руссоистско-гердеровских представлений, что нацеливало на поиск определяющих особенностей национального характера, отзывающихся в местной истории, фольклоре, бытовой сфере, языке. Обращение к культурным истокам, исходящее из представления о единстве – вплоть до тождества – русского и украинского начал, в свете которого Малороссия представляла славянским «заповедником древностей», на другом полюсе придавало актуальность местному колориту и препятствовало полному снятию системы различий своего и чужого. В перспективе это работало на реанимацию регионального патриотизма с возможностью его трансформации уже в новое национальное самосознание, в мышление категориями нации с их политическим контекстом в виде «свободы, конституции и представительства». Тем самым интенсивно развивающаяся украинская «археология» 1800 – начала 1820-х гг., представленная широким кругом авторов от М.Ф. Берлинского до И.Г. Кулжинского, была частью общего идеологического комплекса, актуализированного проектами александровских реформ и нашедшего свое развитие в обсуждении «польского вопроса». После провозглашения в 1815 г. Царства Польского

статус Украины как интегрированной части империи проблематизировался, что подвигло и местных и российских авторов к интенсивному переосмыслению польско-украинских отношений, в свете которых обойтись без темы национального государства (а не только национального характера) было невозможно. Так, действуя в едином комплексе, регионализм, этнографизм и политизация определяли ведущие особенности конструирования украинского «другого» в имперском дискурсе Александровской эпохи.

II

Как горько, но трезво заметил в 1811 г. А.И. Мартос, автор неизданной «Истории Малороссии» и горячий украинский патриот: «...имя Малороссии и ее храбрых казаков изгладилось из списка народов, хотя не великих числом, но известных своим существованием и конституцией. Теперь богатая Малороссия составляет наряду с прочими две или три губернии; но это общий удел государств и республик: стоит только заглянуть в политическую историю наций» [46. Т. 7. С. 345].

Эта констатация подводила своеобразный итог поискам идеологических формул для определения украинской государственности, столь напряженно происходившим во второй половине XVIII в. (архаическое варварство, полукцивилизованная, но обреченная на падение вольница и иерархическая дворянская республика [47. С. 478–517]). К 1800-м гг. все они приобрели «музейный» статус, поскольку относились лишь к невозвратно ушедшему прошлому страны, представавшей ныне как интегрированная часть империи, а уже в этом качестве – как ее древняя прародина, населенная «народом, поющим и пляшущим». Функционирование данного образа в имперской культуре и возможности его трансформации с позиции самих малороссов, чью идентичность подобное идиллическое клише передавало весьма ущербно, определялись в период александровского царствования особенностями регионализма.

Украинский регионализм первой четверти XIX в. явился новым плодотворным способом общественной самоорганизации, адекватным имперским реалиям, существованию «наряду с прочими». Он позволял перевести категории политические, утратившие актуальность, в комплекс социальных и культурных запросов, которые метрополия должна была учитывать, выстраивая отношения с местным населением. Как справедливо констатировал Эндрю Хюрелл, «регионализм анализируется в таких категориях, как социальная сплоченность этнических, расовых и языковых групп, проживающих совместно; <...> совместимость общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями; политическая солидарность» [48. С. 333]¹. Образ Украины, создаваемый совокупными усилиями региональных авторов, очень полно отвечал этим критериям.

Функцию социальной консолидации, которую в сословной империи можно рассматривать только в пределах тех или иных страт – дворянства, крестьянства, городского мещанства, купечества, духовенства, в дискурсивном пла-

¹ Подробнее о конституирующих особенностях регионального самосознания и саморепрезентации см.: [49, 50, 51, 52].

не успешно выполняли разнообразные «записки», с одной стороны, отражавшие общие сословные запросы, а с другой – рисовавшие современный облик украинского общества, далекий от идилличности «песен и плясок». Образцом здесь могут выступить критические, иногда даже памфлетные «Замечания до Малой России принадлежащие», написанные, по предположению О.М. Бодянского, неким черниговским шляхтичем в 1802 или 1803 г. [53. Т. 1, ч. 2]. Они последовательно обзоредали различные стороны украинской жизни от функционирования местных судов и организации выборов в губернских городах до состояния дорог, мельниц, разрешений на винокурение и пр. Общая точка зрения автора – проимперская, отвергавшая какую бы то ни было возможность малороссийской автономии, но неизменно заинтересованная в развитии региона и преодолении им периферийности, провинциальности, путь к чему виделся в унификации социально-экономической сферы по российскому образцу. Выводы «Записок» однозначны: «Соображая и сравнивая все вышеописанные замечания с действительным существом и состоянием Малая России, примечательный и беспристрастный наблюдатель найдет, что Малороссийская губерния в добронравии, в просвещении, в общежитии, в хозяйстве, в торговле, в рукоделии и во всем благоустройстве от всех прочих губерний отстала и во всем их хуже. <...> Если примечательный, бдительный и на все хозяйским и патриотическим глазом взирающий губернатор будет во время обозрения своей губернии во все вышезамеченное входить и везде останавливаться, то, хотя не скоро, Малороссийская губерния примет порядочный вид» [54. Т. 1. С. 51–53].

Подобная вьедливость вкпе с развитыми традициями дворянского и городского самоуправления, идущими еще от Речи Посполитой и Гетманщины [55; 56. С. 169–226; 57. Т. 1. С. 82–98, 510–521; 58], а также с культурой местного меценатства, проявившейся, в частности, в основании Харьковского университета (пожертвования В.Н. Каразина и местных дворян) и нежинской Гимназии высших наук (наследство А.А. и дар И.А. Безбородко) [59. С. 53–202; 60], являлась мощной основой для региональной консолидации, под действие которой попадали и представители имперской культуры – от генерал-губернаторов Малороссии Я.И. Лобанова-Ростовского, Н.Г. Репнина, заражавшихся местным патриотизмом [3. С. 95–107; 108–173], до русских ученых и писателей, очарованных «полуденным краем» и его историей, как И.Е. Срезневский или А.А. Палицын.

Нацеленность на решение конкретных проблем определяла многочисленные «записки» начала XIX в. («Записка о малороссийских чинах», «Записка о нуждах малороссийского дворянства», «Записка о малороссийском дворянстве», «Записка генерального судьи Акима Семеновича Сулимы» и др. [61. 65–97]), предназначенные как для подачи в высшие инстанции, так и для публичного хождения. В них апелляция к украинскому прошлому, напоминание о времени Гетманщины использовалось для достижения локальных прагматических целей – отстаивания прав и привилегий того или иного сословия, прежде всего дворянской элиты, которая рассматривалась уже как неотделимая и лояльная часть имперского дворянства.

Так, «Записка о малороссийском дворянстве», подготовленная в 1809 г. В.Г. Полетикой для представления генерал-губернатору Я.И. Лобанову-

Ростовскому и через него Александру I, становилась своеобразной просьбой о монаршей защите перед Геральдической комиссией: «Сто пятьдесят пять лет проходит, как малороссийский народ, чувствуя таковые милости, служит им (российским государям. – *В.К., Т.В.*) верно и радетельно <...>. И малороссийское дворянство, присоединившееся добровольно к россиянам, как к единокордным и единоверным братьям своим, и служившее купно с ними так верно и так долго престолу и отечеству, могло ли ожидать за свои воинские доблести, за услуги, оказанные им и запечатленные кровию, столь обидного для себя унижения?» [62. С. 7–8].

Прямое обращение к императору, сопровождаемое указанием на особые заслуги, свидетельствовало о восприятии себя правомочным субъектом российской элиты, испытывающим особую гордость и за свершения империи, и за свою причастность к ним. В письме В.Г. Полетики А.И. Чепе от 2 февраля 1810 г. мы найдем и выразительный комментарий к результатам поданной «Записки»: «Недавно наслаждался я приятною вестию, что государь император по докладу нашего генерал-губернатора повелел герольдии признавать малороссийское дворянство по чинам нашим и другим доказательствам в древнем благородном его достоинстве. Весть сия сладка сердцу моему. Верьте тому, что я люблю отечество – люблю соотчичей моих больше самого себя» [63. С. 56].

Местный патриотизм здесь вырастает из признания высшей властью, из желания и возможности занять особое место в круге ее интересов, питая в том числе и далеко идущие надежды на создание некоего подобия российского парламента и активное участие украинцев в его работе, как это было при Г.А. Полетике, депутате Комиссии по составлению проекта нового Уложения 1767–1768 гг.: «Здесь сверх сего носится слух, что перед обнародованием и введением в употребление первой уже вышедшей части нового государственного уложения призваны будут в конгресс российских на особых правах состоящих губерний обитатели для изъявления своего согласия на принятие для себя сего уложения. На сем поприще возобновится память прежних незабвенных во веки наших патриотов. Щастливы будем, ежели увидим новых, защищающих с тем же усердием права, преимущества, вольности и свободы своего отечества» [63. С. 56–57].

Стилистические варианты подобной саморепрезентации варьировались в весьма широком диапазоне от классицистического акцента на долге, служении, воинских заслугах, который определял установки В.Г. Полетики, до сентиментальной сосредоточенности на особых чувствах к родине – большой и малой. В публицистическом дискурсе показательный образец являет «Речь на основание в городе Харькове университета» В.Н. Каразина, опубликованная в 1803 г.: «Приятно возвращение в свою отчизну: и дым отечества сладок! Если дикий гренландец <...> с восторгом лобызает замерзший морской берег, который есть его отечество <...> то каково должно быть удовольствие человека, возвратившегося под благотворнейший небосклон, который был свидетелем игр и утех его детства – исторгнувшегося от шума столиц, коего мирное его сердце всегда ужасалось, в страну, которую привык он почитать своим Эдемом, обиталищем невинности, дружбы и спокойствия. <...> Сие чувство радости и надежды, упоявшее меня уже при посещении края моего рождения, угодно вам было усугубить благосклоннейшим приемом, которого вы меня удостоили в первое

собрание, когда я представил вам предначертание того учреждения, коим вы хотите украсить свою страну – отличить ее в пространной России. <...> Вся жизнь моя <...> принадлежит моему отечеству, но в особенности краю, который был отечеством для понятий моей юности <...>. Блажен уже стократно, если случай поставил меня в возможность сделать малейшее добро любезной моей Украине, которой пользы столь тесно в понятии моем сопряжены с пользами исполинской России» [63. С. 235–238].

Эта речь, выдержанная в канонах «чувствительной» риторики и напечатанная в популярном карамзинском журнале, программно представляла широкой аудитории новую Украину и существенно отличалась по своим установкам как от источников екатерининской эпохи и наследовавших им «записок» 1800-х гг., так и от стереотипов идиллических путешествий в «полуденный край» империи. Она полностью свободна от полемики с казацким прошлым Малороссии и рисует облик ее настоящего и будущего, неотрывного от России, заменяя категории историко-политические понятиями географическими, в свете которых «исполинская», «пространная» империя складывается из малых регионов, чем-либо «отличных». Одним из важнейших маркеров подобного различия выступала оппозиция столица / провинция («шум столиц» / «обиталище невинности, дружбы и спокойствия»), чрезвычайно плодотворная в сентиментальном дискурсе¹.

В ее рамках провинции отводилась обычно роль хранителя естественности, простоты нравов, близости к природе, столь сродных уже утвердившемуся образу украинцев как «народа поющего и пляшущего». Однако в случае В.Н. Каразина, предвещавшем формирование новой дискурсивной стратегии, Украина предстала в облике будущего просвещенного и европеизированного культурного центра и тем самым подтягивалась к столице, не теряя своих органических корней. Здесь чувствуется очевидная параллель гердеровским мыслям об исторической роли славянства, которое должно войти в ряд ведущих цивилизованных народов [31. С. 471].

«Так, милостивые государи, – утверждал В.Н. Каразин, – я смею думать, что губерния наша предназначена разлить вокруг себя чувство изящности и просвещение. Она может быть для России то, что древние Афины для Греции. Местное положение делает ее средоточием полуденных, плодороднейших земель. Богатство собственных произведений <...> призывает к нам людей, которые, наслаждаясь нашими благами <...> дали бы нам в замену вкушать плоды своего ума, своего искусства, своих промыслов. <...> Науки и искусства водворятся в нашей отчизне <...>. Я смел еще мечтать, что необыкновенное стечение народа украсит, распространит сей город и зависящие от него – наполнит их всеми утехами, свойственными просвещенному обществу; что богатства всех краев России польются к нам рекою <...>» [63. С. 238–240]².

¹ Видоизменившись, она перейдет в дальнейшем к романтикам (ср. «Письмо украинца из столицы» О.М. Сомова, опубликованное в «Украинском вестнике» (1818. Ч. 9, кн. 2. С. 220–227) и классический свой облик найдет в гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде» (а на русском материале в «Ревизоре» и «Мертвых душах») [64. С. 391–401; 65. 101–110].

² Своеобразным откликом на это предсказание стала через несколько лет эпиграмма А.Н. Нахимова «Просветители»:

При всей своей утопичности идеальная программа, провозглашенная основателем первого украинского университета, актуализировала новые социокультурные запросы, связанные с участием региона в имперском строительстве. Многие ее элементы реализовались как местными деятелями, так и представителями Малороссии в столицах, не только занятых административной или просветительской работой на благо метрополии, но и уделявших значительное внимание развитию «батьківщині» (И.А. Безбородко, В.П. Кочубей, Д.П. Трошинский, В.В. Капнист, А.А. Палицын и др.). Очагами культуртрегерской активности, получавшими достаточно широкую известность и определявшими российское восприятие современной Украины, становились учебные заведения – Харьковский университет, Гимназия высших наук в Нежине, связанные с ними печатные органы и научно-просветительские организации, в частности Филотехническое общество (1810–1819 гг.) под руководством В.Н. Каразина, поместья меценатов-просветителей, такие как Поповка («Поповский кружок» А.А. Палицына), а в особенности Кибинцы и Диканька, где усилиями соответственно Д.П. Трошинского и В.П. Кочубея к 1810–1820-м гг. были собраны большие библиотеки, коллекции разнообразных артефактов, организовывались театры и гостили многие известные деятели российской и, конечно, украинской культуры. Все эти локусы и персоналии получали определенное отражение в журнально-публицистической словесности, составляя актуальный срез образа Малороссии¹, и обладали существенным потенциалом для символического углубления в литературе художественной, что произошло, например, с образом Обуховки, поместья В.В. Капниста, воспетого его владельцем, а позднее – с образом Диканьки у А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя.

Одним из наиболее эффективных средств изменения регионального «имиджа» стало издание при недавно основанном Харьковском университете нескольких журналов – «Харьковского Демокрита» В.Г. Масловича (1816), «Украинского вестника» Е.М. Филомафитского, Р.Т. Гонорского и, на первых порах, Г.Ф. Квитки-Основьяненко (1816–1819 гг.) и «Украинского журнала» А.В. Склабовского (1824–1825 гг.), сосредоточивших вокруг себя видных украинских эстетиков, историков, естествоиспытателей и писателей². Будучи тесно связанными со столичной прессой, в частности с «Благонамеренным», «Вестником Европы», издававшимся в тот период выпускником Харьковско-го коллегиума М.Т. Каченовским³, «Соревнователем просвещения и благотворения», они имели цель донести до широкой публики новый круг интере-

Чтоб мрачную страну наукой озарить,
Ученых множество в Украину валит.
Сияют здесь они, как в темноте зарницы!
Но что блестит у них? Мундирные петлицы [66].

¹ О деятельности харьковского Филотехнического общества регулярно извещал «Вестник Европы» М.Т. Каченовского (1811. Ч. 59, № 19. С. 259–290; № 20. С. 318–329; 1812. Ч. 61. № 2. С. 143–156; 1813. Ч. 67, № ½. С. 3–35; 1817. Ч. 95, № 19. С. 199–214 и др.).

² См. общий обзор харьковских журналов [59. С. 751–787; 67. С. 32–79; 68. С. 220–229].

³ «Вестник Европы» регулярно помещал объявления о выходе украинских журналов и обращения к их издателям (1816. Ч. 85, №1. С. 77–80; 1817. Ч. 91, № 1. С. 80; 1818. Ч. 100, № 13. С. 39–51; 1818. Ч. 102, № 24. С. 317 и др.), а сам М.Т. Каченовский печатал некоторые статьи под псевдонимом Киевский житель (например: 1819. Ч. 103, № 2. С. 117–132; № 3. С. 198–208; № 4. С. 289–298; № 5. С. 45–53; № 6. С. 124–136).

сов ее образованного сословия. Хотя популярность журналов оказалась весьма скромной, она была не меньшей, чем у многих столичных изданий: тираж от 200 до 500 экземпляров распространялся, судя по ряду подписчиков, от Санкт-Петербурга до Иркутска. Нужно подчеркнуть, однако, что журналы предназначались как для «внешнего», великорусского читателя, так и для местной аудитории, выполняя здесь культуртрегерские функции, для чего часть экземпляров распространялась бесплатно.

Соотношение двух ориентиров существенно менялось. Так, первый журнал «Харьковский Демокрит» позиционировался как сугубо региональное издание, о чем предупреждал издатель В.Г. Маслович¹: «За долг особенный полагаю упомянуть здесь о том, что сей журнал будет наполняться произведениями нашего края. Издатель позволяет себе помещать и напечатанные пиэсы, но только те, коих сочинители принадлежат нашему же краю. Во-первых, для того, дабы познакомить отдаленных читателей сего журнала (издатель льстит себя надеждою, что таковые найдутся) с произведениями нашими, а во-вторых, дабы совершенно соблюсти название Харьковского Демокрита» [70. С. 2–3].

Однако уже в «Украинском вестнике» чужое и свое вполне уравнивали друг друга: состав авторов был местным, но тематика и жанровая система ориентировались на общерусские образцы. Регионально-краеведческий элемент занимал здесь достойное, однако не доминирующее положение, так же как и в «Украинском журнале», хотя издатель последнего настаивал во вступительной статье: «Для жителя Украйны как ни занимательны все русские журналы, но он, без сомнения, с большою охотою и любопытством читал бы такие, которые бы принадлежали собственно Украйне. То же можно сказать не только о какой-либо стране вообще, но и о каждом городе в особенности» [71].

Показательно, что установки издателей находили отклик в местной образованной среде, заинтересованной в развитии края и утверждении его как значимого элемента имперской культурной географии. Такую цель перед «Украинским журналом» ставил, в частности, П.П. Белецкий-Носенко, писатель и педагог, содержатель Прилуцкого пансиона и пропагандист малороссийского наречия, автор «Сказок на малороссийском языке» (1812), «Баллад на малороссийском языке» (1822–1829) и «Словаря малороссийского или юго-восточного русского языка» (1841–1842):

Цель журналов вообще доставлять удовольствие и пользу. Мне кажется, Украинский журнал достигнет их сугубо, если несколько страниц его посвятится для удовольствия миллионов обывателей плодотворной Украйны (на малороссийском языке) от гор Карпатских до тихого Дона. Я смело могу уверить, что сказочки г. Артемовского-Гулака читались с таким же неописанным удовольствием, как Энеида г. Котляревского, что многие вытвердили на память целые тирады из них, что Петербург и Москва слушают с восторгом наши песни на театрах и что язык малороссийский всегда будет нравиться людям образованным и ученым филологам, как служащий корнем многим словам российского и ближе подходящий к

¹ О биографии В.Г. Масловича см.: [69].

словенскому и Несторову. <...> Чехи имеют свою обширную литературу; наш язык не менее к тому способен. Ежели б в программе (журнала. – В.К., Т.В.) было об этом упомянуто, то число пренумерантов было бы весьма значительно в Малороссии и даже в самой России возрастало бы час от часу [69. Т. 2. С. 773–774].

В любом случае сосредоточение местных интеллектуальных сил, обретавших возможность собственного голоса, плодотворно работало на формирование нового образа Малороссии как одного из потенциальных культурных центров империи. Так, постоянными сотрудниками украинских журналов являлись писатели, ученые и критики европейской образованности – А.А. Палицын, И.Е. Срезневский, Р.Т. Гонорский, И.Ф. Вернет, а страницы изданий наполнялись переводами античных авторов, В. Шекспира, Данте, Ф. Петрарки, И.Г. Гердера, И.И. Винкельмана, Ф.Р. Шатобриана, Ж.Ж. Руссо. Замечательной чертой изданий выступала эстетика, новые пути в которой прокладывали опыты Р.Т. Гонорского («Кое-что о нашей художественной прозе и русской словесности вообще», «Краткое начертание теории подражательной гармонии слова», «Кое-что о переводе Вергилиевых георгиев русским гекзаметром», отдельно изданная работа «О подражательной гармонии слова» и др.), статьи Н.И. Гнедича («О вкусе и его влиянии на словесность»), Е.М. Филомафитского («Опыт по двум способам (систематическому и аналитическому) судить и оценивать верно эстетические произведения как древних, так и новых стихотворцев»), публикации Г.Г. Гесс-де-Кальве, автора первого в России труда по музыкальной эстетике («Теория музыки» 1818 г.)¹. «Украинский вестник» в статье Г.Г. Гесс-де-Кальве и И.Ф. Вернета (1817. Ч. 6. Апрель. С. 106–119) открыл для местной и имперской публики имя Г.С. Сковороды, ставшее вскоре одним из знаков отечественной философской мысли [75]. Привлекала украинских авторов и немецкая классическая философия И. Канта, Ф.В.Й. Шеллинга, И.Г. Фихте, с которой знакомил ряд статей И.Г. Шада, А.И. Дудовича, В.Н. Каразина, П.П. Гулак-Артемовского, П.И. Ковалевского и др.) [76. С. 102–111; 77. Т. 3. С. 29–44]. Не менее насыщенным выступал и научный раздел, где, например, А.И. Дудрович опубликовал статью «О животном магнетизме» (Украинский вестник. 1818. Ч. 9–11), едва ли не первую, открывшую эту популярную в дальнейшем тему, где И.Е. Срезневский попытался найти новые, гердеровские по духу, подходы к мифологии (Славянская мифология, или О богослужении руском в язычестве // Украинский вестник. 1817. № 4, 5), предвестия мифологической школы, где П.А. Затепиский, стажировавшийся у П.С. Лапласа и А. Гумбольдта, просвещал публику в началах астрономии (Украинский журнал. 1824. № 19–21).

Подобный контекст имперско-европейской культуры позволял в новом ключе осмыслить региональные особенности, восприняв их не как знаки провинциальности, архаической вторичности, но как черты национальной специфики, проявляющиеся в истории, языке, фольклоре и в итоге в народном характере. Утвердившийся образ Украины как истока русской культуры помогал легко встраивать эти элементы в общую панораму историко-

¹ Подробнее об уровне и новаторских тенденциях украинской эстетики начала XIX в. см.: [72. С. 107–191; 73. С. 12–117; 74. С. 38–47].

этнографических разысканий, активно развернувшуюся в 1800–1820-е гг. под действием руссоистско-гердеровских, а затем и романтических концепций, проводником которых часто выступали украинцы. Так, для О.М. Сомова еще в 1817 г. Малороссия в «Письме украинца из столицы» представляла в провинциальном ракурсе, воплощая социокультурное измерение регионализма, но уже к 1823 г. она описывалась в статье «О романтической поэзии» как особая историческая и природная сфера, полная национального своеобразия – одновременно российского и местного:

Но сколько различных народов слились под одно название русских или зависят от России, не отделяясь ни пространством земель чужих, ни морями далекими. Сколько разных обликов, нравов и обычаев представляются испытующему взору в одном объеме России совокупной. Не говоря уже о собственном русских, здесь являются малороссияне с сладостными их песнями и славными воспоминаниями; там воинственные сыны тихого Дона и отважные переселенцы Сечи запорожской: все они, соединяясь верой и пламенной любовью к Отчизне, носят черты отличия в нравах и наружности [78. С. 86].

В утверждение этого взгляда на Украину О.М. Сомов мог опереться на мощную традицию местной историографии и этнографии первых десятилетий XIX в.

Литература

1. Kohut Z.E. Russian Centralism and Ukrainian Authonomy: Imperial Absorbtion of the Hetmanate 1760–1830s. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.
2. Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
3. Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802–1856. Функції, структура, архів. Київ, 2001.
4. Каннелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
5. Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750–1850. Edmonton: CIUS Press, 1985.
6. Голубенко П. Україна і Росія в світлі культурних взаємин. Київ: Дніпро, 1993.
7. Raeff M. Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century // Ukraine and Russia in their Historical Encounter / ed. by P.J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.M. Zekulin. Edmonton: CIUS Press, 1992.
8. Лосиевский И.Я. Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века. Харьков: ОКО, 1993.
9. Шарф К. Горацианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: Дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М.: Новое лит. обозрение, 2012.
10. Дашкевич Я.Р. Берлін, квітень 1791 р. Місія В.В.Капніста: її передісторія та історія // Український археографічний щорічник. 1992. Т. 4, вип. 1.
11. Капнист В.В. Собрание сочинений: в 2 т. М., 1960.
12. Чена А.І. // Українська радянська енциклопедія. Т. 12. Київ: Головна редакція УРЕ, 1985.
13. Омельченко В. Рід Полетик // Український історик. 1967. № 1–2.
14. Брайчевський М.Ю. Максим Берлинський та його «Історія міста Києва» // Берлинський М.Ф. Історія міста Києва. Київ: Наукова думка, 1991.
15. Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960;
16. Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб.: Наука, 2004.

17. Киселева Л.Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982.
18. Французская республика. Конституция и законодательные акты / под ред. и со вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1989.
19. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zu Französicher Revolution. Fr. a. M., 1962.
20. Plattner M.F. Rousseau and the Origins of Nationalism // The Legacy of Rousseau / ed. by C. Orwin and N. Tarcov. Chicago: Chicago University Press, 1997.
21. Melzer A. Rousseau, Nationalism, and the Politics of Sympathetic Identification // Educating the Prince: Essays in Honor of Harvey Mansfield / ed. by M. Blitz and W. Kristol. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2000.
22. Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое лит. обозрение. 2008. № 91.
23. Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
24. Земскова Е.Е. Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII – начале XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
25. Киселева Л.Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Проблемы типологии русской литературы: Тр. по русской и славянской филологии: Литературоведение. Тарту, 1985. Вып. 645.
26. Bittner K. Herderische Gedanken in Karamsins Geschichtsschau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Jg. 7. München, 1959.
27. Bittner K. Herder und Radiscev // Zeitschrift für slawische Philologie. Heidelberg, 1956. Bd. 25. H. 1.
28. Bittner K. Herder und Derzavin // Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sein: Festschrift zum 80. Geburtstag von E. Otto. Berlin, 1957.
29. Жукова Е.П. Гердер и философско-культурологическая мысль в России: автореф. дис. ... канд. культурол. наук. М., 2000.
30. Данилевский Р.Ю. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. М.: Наука, 1980.
31. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / пер. с нем. В. Михайлова. М.: Наука, 1977.
32. Лотман Ю.М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX столетия; Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.
33. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
34. Лаишук А. Наполеон. Походы и битвы, 1796–1815. М.: Эксмо, 2004.
35. Тарле Е.В. Наполеон. М.: Наука, 1991.
36. Мусиенко С.Ф. Миф Наполеона в русской и польской прозе XIX века (на примере романов «Война и мир» Л. Толстого и «Пепел» С. Жеромского) // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М.: Индрик, 2004.
37. Гончар С.В. Адам Мицкевич и миф Наполеона в польской литературе XIX века // Творчество Адама Мицкевича и современная мировая культура. Гродно, 2010.
38. Лукашевич А.М. Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810–1812 гг.) // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: Материалы междунар. науч. конф. Минск, 2002.
39. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1 (1801–1815 гг.). М.: Госполитиздат, 1967. Т. 5.
40. Письмо великого князя Александра Павловича Лагарпу от 27 сентября 1797 г. // Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов: Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. 1.
41. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
42. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 4.

43. *Миллер А.И.* История понятия нация в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2012. Т. 2.
44. *Бадалян Д.А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб.: Алетейя, 2006.
45. *Миллер А.И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия *нация* в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // *Imperium inter pares*: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: Новое лит. обозрение, 2010.
46. [Мартос А.И.] Записки инженерного офицера Мартоса о турецкой войне в царствование Александра Павловича 1806–1812 // Русский архив. 1893. Т. 7.
47. *Киселев В.С., Васильева Т.А.* «Странное политическое сомнение» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX в. // Там, внутри: Практики внутренней колонизации России. М., 2012.
48. *Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. October. Vol. 21. P. 333.
49. *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford: Basil Blackwell, 1991.
50. *Space and place: theories of identity and location* / ed. by E. Carter, J. Donald, L. Squires. London: Lowrence and Wishart, 1993.
51. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
52. *Идентичность* как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 177–216.
53. *Бодянский О.М.* Предисловие // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1848. Т. 1, ч. 2.
54. *Замечания* до Малой России принадлежащие // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1848. Т. 1, ч. 2. С. 51–53.
55. *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст.: (Волинь і Центральна Україна). Київ: Наукова думка, 1993.
56. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине. 1793–1914. М.: Новое лит. обозрение, 2011. С. 169–226.
57. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. С. 82–98, 510–521.
58. *Корчмина Е.С.* Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2010.
59. *Багалец Д.И.* Основание Харьковского университета (1802–1805 гг.) // Багалец Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): Т. 1 (1802–1815 гг.). Харьков, 1893–1898.
60. *Егоров А.Д.* Лицеи России: Опыт исторической хронологии. Кн. 2: Лицей Князя Безбождко. Иваново, 1994.
61. *Kohut Z.E.* The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and its Integration into the Russian Nobility // *The Nobility in Russia and Eastern Europe* / ed. by I. Banac and P. Bushkovitch. New Haven, 1983.
62. [Полетика В.Г.] Записка о начале, происхождении и достоинстве малороссийского дворянства, писанная маршалом Роменского повета Василием Полетикою // Киевская старина. 1893. № 1. Прил. С. 7–8.
63. [Каразин В.Н.] Речь, говоренная в собрании харьковского дворянства депутатом его, коллежским советником Каразиним, испросившим высочайшее соизволение на основание в городе Харькове университета // Вестник Европы. 1803. Ч. 10, № 15. С. 235–238.
64. *Манн Ю.В.* Смысловое пространство гоголевского города // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя: Вариации к теме. М., 1996. С. 391–401.
65. *Кривонос В.Ш.* Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001. С. 101–110.
66. *Нахимов А.Н.* Просветители // Русская старина. 1880, №11. С. 732 (публикация Г.С. Чирикова).
67. *Михайлин І.Л.* Харківська журналістика 1810–1820-х років // Михайлин І.Л. Історія української журналістики XIX століття: Підручник. 2-ге вид., доп. і поліпш. Київ: Центр навчальної літератури, 2003. Ч. 2. С. 32–79.

68. Полякова Ю.Ю. Русские литературно-художественные журналы Харькова XIX–XX веков (попытка перечисления) // Союз писателей. 2005. № 1 (6). С. 220–229.
69. Парамонов А.Ф. Из утраченных лиц: Харьковский баснописец В.Г. Маслович [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lubotin.com/people/maslovich.html> (дата обращения: 15.12.2012).
70. [Маслович В.Г.] От издателя // Харьковский Демокрит. 1816. Янв. С. 2–3.
71. Украинский журнал. 1824. № 1.
72. Яценко М.Т. У пошуках життєвих засад естетики і літературної критики // Яценко М.Т. Питання реалізму і позитивний герой в українській літературно-естетичній думці першої половини XIX ст. Київ, 1979. С. 107–191.
73. Федченко П.М. Літературна критика на Україні першої половини XIX ст. Київ: Наукова думка, 1982. С. 12–117;
74. Полякова Ю.Ю. Зарождение харьковской театральной критики (по страницам журнала «Украинский вестник») // Universitates. Наука и просвещение. 2005. № 4. С. 38–47.
75. Воздвиженский В. Густав (Густав Адольф) Густавович Гесс-де-Кальве – первый венгерский биограф Г.С. Сковороды // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 31. Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/voszdvizhensky31.shtml> (дата обращения: 06.01.2013).
76. Радіонова Н.В. Журнал як форма соціокультурної комунікації на Слобожанщині XIX століття // Мультиверсум: Філософський альманах. Київ, 2005. № 50. С. 102–111.
77. Мамалуй О., Абашиник В. Рецепція філософії по-харківськи (Біля джерел університетської філософії в Харкові) // Збірник Харківського історико-філологічного товариства: Нова серія. Харків, 1994. Т. 3.
78. Сомов О.М. О романтической словесности. СПб., 1823.

УДК 882 (09)
DOI 10.17223/19986645/23/8

Т.Л. Рыбальченко

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В ТЕКСТЕ РОМАНА Ф. ГОРЕНШТЕЙНА «ПСАЛОМ»

В статье показаны два способа проекции библейского текста на повествование об исторической реальности России 1930–1960-х гг.: 1) опора на поэтику библейского повествования (мифологизирующий притчевый нарратив) о событиях реальности, когда судьбы конкретных персонажей служат проявлением судьбы нации; 2) введение библейского текста в повествовательный и риторический романский текст (апелляция персонажей и автора к Библии). Меньшее значение придаётся введению персонажей Библии (Дана-Антихриста) в художественную реальность романа. Доказывается направленность романа – возвращение к подлинному тексту Библии (Ветхому завету), не изменённому толкователями, чтобы восстановить материнскую основу христианства, возникшего как возвращение к подлинному Закону.

Ключевые слова: Ф. Горенштейн, Библия, философский роман, сакральный текст, цитация.

Роман «Псалом» (1975) Ф. Горенштейна написан в начале 1970-х гг., когда после утраты «оттепелевских» надежд на социальные реформы русская литература уходила от социологического анализа национальной истории к открытию универсальных законов человеческой истории в её национальных вариантах. Библейская (чаще евангелическая) модель истории избиралась как культурный архетип и реализовывалась не только в реконструкции библейских сюжетов (подобно Т. Манну в «Иосифе и его братьях»), например у А. Володина в пьесе «Мать Иисуса» (1970), не только в соединении библейских сюжетов с сюжетами реальной истории (по образцу романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»), как, например, у Ю. Домбровского в романе «Факультет ненужных вещей» (1975) и у В. Тендрякова в романе «Покушение на миражи» (1979–1982). Горенштейн представляет ещё один вариант введения библейского текста и библейского нарратива в художественный мир произведения об исторической реальности: обращение к тексту Библии как к инварианту событий и человеческих проявлений и как декларации словесной оценки реальности. В повествовании об истории России в XX в. библейский текст свидетельствует о реальной истории избранного Богом народа, и история эта протянута в современность. Библейский текст трактуется как особый текст, с одной стороны, хранящий и факты действительной истории, не изображаемой, но осознаваемой как длящейся, с другой стороны, хранящий миф о Завете, о Законах существования, открытых пророкам Творцом. Библейский текст создан людьми, но хранит безусловные знания о прошлом и о будущем, поэтому используется как критерий для проверки настоящего, для суда над человеческой историей.

Горенштейн использует два способа проекции библейского текста на повествование об исторической реальности. Во-первых, опирается на поэтику библейского повествования (мифологизирующий нарратив) в изображении

конкретно-исторической реальности – картины жизни России в XX в. Как в Библии, история народа представлена событиями частной жизни людей; в них проявляются человеческая природа и социальные условия, провоцирующие порочные свойства людей. Повествование о народе в форме судеб отдельных людей, служащих примером, обнаруживающих общее, социальное и генетическое, в конкретных изображённых событиях – это принцип «притчевого» нарратива. Во-вторых, Горенштейн вводит текст Библии в повествовательный и риторический слои романного текста, цитируя Библию как в сюжетных ситуациях для оценки изображаемых событий (словами Библии оценивается реальность), так и в прямых рассуждениях о человеке, о народах, о вере и слове, даре человеку – субъектами таких философских диатриб в романе выступают не только повествователь, но и некоторые персонажи (Дан-Антихрист), которым дано или, напротив, не дано приблизиться к верховным смыслам.

Пять притч, составляющих пять частей романа, – это повествование о людских грехах, приведших к социальным катастрофам в России XX в.: коллективизация, война и псевдосвобода от метафизической истины, наступившая в посттоталитарные 1960-е гг. Эти катастрофы (эмпирические и ментальные) созданы людьми, возомнившими себя свободными творцами (строящими очередную Вавилонскую башню, как пишет Горенштейн), но они проявляют Божественную волю, доказывая правоту проклятия человека в Эдеме: Бог отдаёт самим людям наказание за отступления от Закона, не отнимая у них данного права (или проклятие) жить своим трудом. Поэтому притчи о человеческих преступлениях друг против друга называются «притчами о казнях Господних».

Название частей	Историческое время	Главные грехи-казни	Персонажи – носители казней	Персонажи, прорывающиеся к Завету (дети)	Посланец-судья в земной истории
I Притча о потерянном брате	1933–1935	Казнь голодом и похотью	Девочка Мария – телесная казнь		Молодой Дан, свидетель
II Притча о муках нечестивцев	1941–1942	Казнь мечом, голодом и похотью	Девушка Аннушка – телесная казнь		Молодой Дан – свидетель и судья
III Притча о прелюбодеянии	1948	Казнь болезнью и похотью	а) Женщина Вера Копосова б) Павлов – телесная казнь	Дети: а) Тася и Андрей Копосовы б) дочь Дана Руфь	Дан, свидетель, судья и пророк
IV Притча о болезни духа	1949, 1952	Казнь, похотью и болезнью духа	Искусствовед Иволгин-Кац – болезнь духа	Дети: а) (ложный путь) Савелий Иволгин б) (истинный путь) Руфь, дочь Дана	Дан зрелый, дворник (пастырь) и судья
V Притча о разбитой чаше	1968	Казнь болезнью духа	Искусствовед Иловойский – болезнь духа	Дети: а) истинный путь – Пелагея-Руфь; б) путь исканий – Андрей Копосов; в) ложный путь: Савелий Иволгин и Вася Коробко	Дан старый, пророк и родоначальник

Казни Господа – это созданные самими людьми телесные муки: голод, болезнь, смерть (меч), похоть (эта казнь особая, в ней муки соединены с наслаждением, потому что в этой муке творится жизнь); пятая казнь – болезнь духа, вызванная утратой высшего смысла, муки утраты Бога: предательства, смещения веры и прочее (экзистенциальные страдания). Поскольку предмет статьи – включения библейского текста в текст романа, ограничимся в определении изображаемой реальности таблицей, в которой названы части романа; их привязанность к хроникальной исторической ситуации; человеческие грехи-казни, фокусированные в каждой романной ситуации; персонажи, чья жизнь становится материалом притчевого обобщения. В таблице обратим внимание на принцип систематизации персонажей: два поколения «советских» людей в существовании без Бога и в поисках Бога («дети оттепели»), особое положение – проживающий человеческую жизнь посланец Бога Дан.

Дан-Антихрист – представитель и продолжатель миссии богоизбранного народа, потомок колена Дана, колена Судий, как завещано через Иакова Богом. Фабула романа реализуют логику высшего замысла – в разрушительные моменты русской истории на землю послан посланник Бога, Дан, свидетель и судья, а не исполнитель казней Господних и не Мессия. Он Антимессия, его миссия не спасти, а свидетельствовать и давать знамение о неминуемых наказаниях. Посланник Бога вочеловечен и проживает человеческую жизнь, подверженную соблазнам, старению, смерти. Лишь в частных случаях он наказывает отдельных людей, но не вмешивается в ход событий, не искушает людей, как принято показывать Антихриста. Дан оставляет на земле знак присутствия Бога, побуждает кого-то вспомнить о Боге, кого-то искать абсолютные смыслы. Противоречащие распространённым. Дан вырастил как дочь русскую девочку, обладающую пророческим даром, оставил на земле своих телесных и духовных детей, становящихся «избранными» для откровения Бога (Пелагея-Руфь, Андрей Копосов и родившийся новый Дан). Пришествие Дана было не мессианским, но пророческим, предупреждающим о неизбежных казнях, поскольку люди не исполняют завет с Богом.

Две реальности – российская XX в. и запечатлённая в текстах Библии древняя реальность еврейского народа – в романе признаны как происходившие в действительности, а не как коллективный миф и не метафизическая реальность: Горенштейн иронизирует по поводу теории о том, «что Бог, сотворив мир, более не вмешивается в его дела, ибо такой Бог как бы не существует ныне, хоть и существовал некогда» [1. С. 224]. Метафизическая реальность не изображена (не явлена), так как она недоступна человеку, но она засвидетельствована в текстах Ветхого завета. Горенштейну важен не момент наказания человечества изгнанием из Эдема, а моменты знамений Бога в последующую историю человечества, когда Бог вразумляет человечество. После глобального наказания потопом Бог дважды заключал договор с людьми: с праведным Ноем, которому обещал не истреблять всё человечество, а только носителей греха, и с одним из народов, избранным из которого, пророкам, он дал и Завет, записанный Моисеем, и знамения через Великих пророков. В романе изображен только последний этап человеческой цивилизации, приведший к всяческому насилию людей над самими людьми: войны, голод, потеря братства. Напоминанием о неминуемой казни должно стать явление Да-

на на землю, в историю трёх народов, избранных или претендующих на избранничество в человечестве: еврейский народ, ассимилировавшийся и забывший об избранничестве; русский народ, пытавшийся выстроить Вавилонскую башню идеального человеческого мира; немецкий народ, возомнивший своё превосходство над другими людьми (менее подробно введён в роман).

Суд над историей XX в. в романе ведётся с опорой на библейский текст: во-первых, прямые отсылки к упомянутым в Библии персонажам и событиям, подтверждающие инвариантность изображённых в Библии событий и человеческих свойств; во-вторых, цитирование Библии при изображении реальной ситуации как оценка, мотивация поступков персонажей или мотивация суда над персонажами; в-третьих, введение библейских цитат в текст размышлений, философских споров, резонёрских суждений автора или персонажей-идеологов.

1. Отсылка сюжетных ситуаций и персонажей к библейским историям и персонажам.

Повторим, что Горенштейн не прибегает к реконструкции библейских ситуаций, в романе есть лишь отсылки ситуаций современности к ситуациям библейских сюжетов, что необходимо для отождествления нового и уже описанного и оценённого в библейском тексте. Аллюзии фиксируются повествователем прямо: «Через нечистый хлеб изгнания приобщилась Мария к народу чужому, как Фамарь к Иуде и Руфь Моавитянка к Воозу. И не избиралась, но была избрана» [1. С. 84]; «И тогда Дан вопреки замыслу Божьему не выдержал сердцем, как не выдержал сердцем пророк Елисей, преждевременно, а значит, слабо покарвавший жестоких нечестивых детей по дороге из Иерихона в Вефиль. Как предсказал Иеремия, поставил Дан перед неким преткновение» [1. С. 101]. «То были две медведицы, которые вышли из чащи подобно тому, как вблизи Вефиля вышли библейские медведицы из леса казнить по призыву пророка Елисея злых детей-обидчиков» (о наказании Павлова, подстерегавшего девочку Руфь) [1. С. 181]. «И вот среди этого ледяного сияния, среди сверкающей солнечной невесомости лежала в канаве Суламифь из колена Манассии, вмерзшая в собственную кровь, в кровь, переданную в её жилы через много поколений от самого Авраама, заключившего союз с Господом» [1. С. 126].

Напротив, отсылки к библейским персонажам открывают различие библейских персонажей и персонажей реальности. «Идея спасения рода толкнула дочерей Лота после гибели Содома на прелюбодеяние с отцом своим, ими же пьяным напоенным. Идея Рождества Мессии толкнула Фамарь на прелюбодеяние с отцом мужа своего, Иудой, переодевшись блудницей и введя его в обман. Что же толкнуло Веру на прелюбодеяние с Антихристом, возлюбленным дочери ее, скрыто было от несчастной безумной женщины» [1. С. 171]. «Стоящий перед ним в тапочках, майке-сетке и шелковой пижаме был из колена Рувима, первенца Иакова <...> То, что стояло перед Антихристом, было концом, начало же ему было в египетском рабстве, когда изнурения и жестокости фараона боролись с цепкостью и желанием выжить сынов Иакова. <...> Едва Алексей из колена Рувима произнес коммунальный выговор, как Дан из колена Данова вспомнил о нем то, что сам Алексей Иосифович, разумеется, о себе не знал. Это был дальний потомок того еврея, которого в еги-

петском рабстве защитил Моисей от избиения египтянином, вступив с египтянином в драку и убив его» [1. С. 199–200]. Поскольку «за службу верой и правдой народу-хозяину, как он считал, награждается хороший еврей едой и питьем и воздухом для дыхания... Не на грудь главная награда, а в рот, между зубов» – вот суть ценностей искусствоведа Иволгина, забывшего о заповеди Бога: «"Авраам, не бойся", – сказал Господь Зачинателю. Это было одно из основных положений Договора Господа с Аврамом и превращения Аврама в Авраама, превращения вавилонского странника в Зачинателя Господнего народа <...> Но те, кто размножились в Египте возле мясных котлов рабства, начали забывать Господа, расторгнув первым делом именно этот с ним Договор. "Бояться, бояться надо", – говорят они и по сей день» [1. С. 201].

Такой способ введения аллюзий, как имена персонажей, подробно проанализирован Г.З. Горбуновой и С.С. Кауровым [2]. Ориентация Ф. Горенштейна на библейские тексты при именовании персонажей сознательна и выявляет не только тождество персонажей реальности и библейских персонажей (в чём сказывается истинность библейского понимания противоречивости человека во все времена), но и отношения автора романа к разным частям христианской Библии.

Замечено названными исследователями, что имена женских персонажей спроецированы преимущественно на ветхозаветных персонажей, и близость к дохристианским персонажам усиливает позитивную семантику (при сохранении амбивалентности). Так, имя героини «Притчи о потерянном брате», Мария, имеет двойную коннотацию с библейскими персонажами: в Ветхом Завете это имя египетской блудницы, в Новом Завете это имя праведной Девы Марии, олицетворения невинности и материнства. Девочка Мария у Горенштейна сделана блудницей обстоятельствами и поступками людей, она приобщена к порокам и наказуется четырьмя телесными казнями. Однако Горенштейн обнаруживает в женской природе невольность греха, и неосознанный грех оставляет право на сочувствие без упований на преображение. Поэтому ей дано приближение к откровению и утешение Господа. Униженная и брошенная людьми, в поле, Мария плачет от горя, и повествователь комментирует это состояние как близкое откровению: «Это был Божий плач, от сердца, которым иногда Господь награждает неразумных, подменяя этим плачем великие истины, доступные лишь пророкам», «нищая девочка Мария возвысилась и достигла этим неразумным, но сердечным плачем утешения Господа, которое произнёс он через пророка Исайю...» [1. С. 54]. Такова в Ветхом Завете оценка Марии Египетской, не праведницы, но преодолевающей всю жизнь греховную человеческую природу. Позитивная семантика имени новозаветного персонажа, матери Спасителя, напротив, полемически редуцируется: сын Марии Вася Коробко в романе воплощает агрессивное отступничество от Бога, от отца и матери, а его жизнь кончается самоубийством.

Точно так же и имя героини второй притчи («Притча о муках нечестивцев»), Аннушки, дающее аллюзии на мать Девы Марии, безгрешной Анны, с одной стороны, полемично новозаветной концепции праведности человека (Аннушка виновна в потере братьев своих, виновна в том, что из зависти выдала немцам еврейскую девочку, она одержима казнью похоти); с другой стороны, Горенштейн оставляет грешнице сочувствие и право передать слово

проклятия Бога в немецкий плен: поскольку ей не дано понимать Слово, Дан даёт ей, отправляемой в Германию, бумагу с проклятием насильников.

Двойное имя приемной дочери Дана-Антихриста, Руфи-Пелагеи, объясняется фабульно незнанием её подлинного имени приёмным отцом, Даном, которому была отдана спасенная от расстрела девочка. Русская девочка, воспитанная евреем, посланцем Бога, подрастая, обретает пророческий дар, становится русской пророчицей, избранной для откровения: «А Руфь через Знание <...> поняла, что она пророчица Пелагея, урожденная села Брусяны вблизи города Ржева. Вспомнила она, что во сне это ей было сказано...» [1. С. 182]. Имя Руфь (евр. *подруга*) отсылает к библейскому повествованию о Руфи Моавитянке («Книга Руфь»), которая после смерти мужа-иудея отправляется в Вифлеем и разделяет жизнь еврейского рода. Героиня романа становится верной подругой своего приёмного отца, рождает от него сына, продолжателя рода Судей, а новая семья (Пелагея-Руфь и Андрей Копосов) после смерти Дана воспитывает его наследника Дана из рода Судей. Подлинное имя приёмной дочери Дана Пелагея (гр. *морская*), возможно, указывает на женскую природу как рождающую первоматерию, способную приблизиться к духовному.

Имя Веры Копосовой («Притча о прелюбодеянии») используется без аллюзий на конкретного персонажа Нового Завета, но как подтверждение неистинности преображения, превращения особой грешницы в истовую почитательницу Евангелий. Вот как Дан словами пророка характеризует особую греховность прелюбодеяния, в отличие от блуда): «Отвечал ей Антихрист через пророка Иезекииля: “Ты не как блудница, потому что отвергла подарки. Но как прелюбодейная жена, принимающая вместо своего мужа чужих”» [1. С. 172]. Однако через несколько лет («Притча о разбитой чаше») Вера Копосова под влиянием христианских Евангелий становится аскетом, живущим только благостным чтением, однако неорганичное преображения Горенштейн изображает саркастически.

Мужские имена в романе, напротив, чаще связаны с Новым Заветом или с христианскими текстами и обнаруживают полемическую по отношению к Новому Завету семантику. Проводник поезда, насилующий Марию, Гриша, носит имя защитника жён и мученика за веру Георгия Победоносца. Имя апостола Павла дано самым низким персонажам, губящим близких и хулящим Бога либо богоизбранный народ, за что и наказываются Даном в редкие фабульные ситуации прямого наказания. За осквернение «богоизбранного народа» наказан Даном «некий» антисемит Павлик в «Притче о муках нечестивцев»: «Некоего на этом свете звали Павлик, как апостола из колена Вениаминова, первого на земле выкреста» [1. С. 102]. Степан Павлов в «Притче о прелюбодеянии» – пьяница, развратник, наказан в момент, когда хотел изнасиловать Руфь, страх, вызванный вышедшими из леса медведями, был наслан Богом после обращения к Богу Руфи. Имя Степан отсылает к библейскому Стефану, первому мученику за веру, в насилии над которым участвовал и Савл, будущий апостол Павел. Столкновение новозаветных положительных персонажей в имени отрицательного персонажа, так же как и нарушение принятой трактовки, призвано полемически опровергать новозаветный гуманизм, признающий за человеком возможность возвышения над грехом.

Далее будет сказано об отношении Горенштейна к текстам Евангелий, но и в именовании персонажей проявляется саркастическое отношение автора к идее преображения человека, пусть даже при явлении Бога жестокому Савлу. Негативное отношение к Павлу-Савлу зеркально проявляется в изображении Савелия Иволгина, сына еврея-выкреста, студента Литературного института, ищущего истину не в дарованном откровении Бога, а в самостоятельных алхимических усилиях: Савелий создаёт путём смешения крови философских человечков и у них ищет ответы на вопросы о смысле жизни и веры. Такой поиск абсолюта без Бога оценивается Горенштейном как болезнь духа, а «болезненный, задумчивый, правда, склонный не столько к мыслям, сколько к галлюцинациям» оказывается в психической больнице. Современный Савелий, как и ярый гонитель христиан, превратившийся в ярого христианина, «не видевшего живого Христа» [1. С. 102], лишён откровения, способности видеть Бога или слышать его голос, как это было дано пророкам. Негативная оценка апостола Павла, проявляющаяся в образах персонажей романа, названных аллюзийно с именем апостола, можно объяснить, как писал Л. Аннинский, неприятием автором романа всяческого смешения, всяческого искажения изначального единства, как духовного, так и телесного (кровного): «Смешение всегда рождает химеру. Химеру культуры, химеру жизни, химеру веры» [3. С. 71], а «первый выкрест» – апостол Павел.

Имя Дана, не библейского персонажа, но персонажа, имеющего статус посланца Бога, призванного судить людей, взято из Ветхого Завета. Дан – наследник колена Данова, колена Судей из двенадцати колен Иакова. Другим именем – Антихрист, «Антимессия» – он называется не в традиции христианской культуры; слово «Антимессия» употребляется не как синоним к слову «Сатана», а в значении «Не-мессия», полемически к второму имени Иисуса – Мессии, Спасителя из колена Иуды, призванного быть царями над народами иудейскими. Антитеза имён-определений указывает на полемику с Новым Заветом, с тем, что является Благой вестью для людей – весть о прощении и помиловании или весть о грехах и о неизбежном наказании. Дан приходит как Судия и знамение грядущей казни, о которой сказано в Апокалипсисе, приписываемом Иоанну. После обещания Ною не наказывать всё человечество концом света, наказаны будут только грешники, для чего требуется суд, определение степени зла. Дан в романе не казнит сам, лишь обнаруживает достойную казней неидеальность человеческой природы не только в людях XX в., но и в самом себе.

2. Прямое введение библейского слова в текст романа – главный способ апелляции к библейскому тексту. Для понимания функции библейских цитат важны следующие основания: А) субъекты, вводящие библейское слово, и субъекты цитируемых текстов.

Главный субъект цитирования Библии (повторим: преимущественно Ветхого Завета) – автор-повествователь. Горенштейн сопровождает название подзаголовком: «Псалом. **Роман-размышление** о четырёх казнях господних». Двойной жанровый указатель акцентирует примат риторического дискурса над нарративом: псалом и размышления; автор обращается к Богу и размышляет о земной жизни, иллюстрируя непосредственно изложенные мысли примерами человеческих судеб, притчами.

Субъекты, вводящие библейское слово

Проводники Слова	Автор-повествователь	Дан (Судья, Антимессия)	Персонажи	Персонажи	Персонажи
<i>Внутри романного мира</i>	Оценки персонажей и ситуаций через библейское Слово	Оценки персонажей и ситуаций через библейское Слово	Открывают Моисеево Слово (+)	Временно приближаются к откровению пророков (-)	Спорят о Слове (--)
			Чтение Библии: а) Пелагея-Пророчица; б) Андрей Копосов	Интуитивное приближение без овладения: а) Мария, девочка-блудница; б) нечестивая Аннушка; в) праведная Тася; г) железнодорожник, защитивший Марию; д) посудомойка, давшая хлеб Марии	Искажают Библию, подобно апостолам: а) Вася Коробко; б) Савелий Иволгин; в) Иловайский; г) Старик (сказка про божью деточку)
<i>За пределами романного мира</i>	а) имена-соответствия; б) изложение теологии и историософии	а) мысли; б) диалоги с Богом через пророков; в) пророчество о подлинном мессианстве			

Псалмы – это жанр обращения к Богу, в отличие от плача (жалобы), молитвы (просьбы) и покаяния (признания в грехах с целью искупления прощения) – это Хваление Богу, хотя предметом может быть рассказ о страдании, лишениях, грехах. Слово – дар Бога человеку, словом человек обращается к Богу не с просьбой или жалобой, а как признание Закона и хвала: «Есть у пророка Исаяи слова, что не всегда следует искать Бога, но лишь когда Он близок. Близок же он бывает молодой нерелигиозной нации, когда устанет она от шумного, веселого, свободного безделья. Молодой нации ближе всего Он в горе, в радости Он далек. Нация взрослая соблазняется в угнетении, как соблазнились и лишились Отца в египетском угнетении евреи, но в радости – расцвет Божьего... Велик библейский плач, плач пророков, плач Иеремии, но ближе человек к Богу в хвалении. Недаром Псалтырь именуется в еврейском первоисточнике Книга Хвалений» [1. С. 259].

Концепт «размышления» обращён не к Библии; Горенштейн отрицает возможность и даже право человека «размышлять» о священном тексте. Он «открыт» людям на горе Синай и не может свободно толковаться, хотя слова Завета – это слова человеческие, записанные избранным Богом Моисеем на

новых скрижалях после разбитых. Кроме Моисеевых скрижалей, в Ветхом Завете запечатлены не размышления, а откровения пророков, точнее – откровения Бога пророкам, избранным из людей. Именно эти тексты, наиболее близкие божественным смыслам, Горенштейн вводит в текст романа для «размышлений» о том, следует ли человечество Завету. Библия необходима как источник безусловных истин и критерий оценки. История России XX в. в романе представлена как самоказнь людей, совершаемая в процессе их самодетельности, сотворения земного порядка по земным законам. Вся история человечества, начавшаяся после обещания Бога Ною не губить всё человечество и после избрания в человечестве народа, призванного нести Завет (народа Авраама, а затем колена Иуды, иудеев), стала отклонением от Завета, о чём постоянно предупреждали пророки и за что казнями телесными и духовными подвергались люди, отступавшие от следования Завету.

Концепция священной истории как реальной определяет концепцию человека в романе Горенштейна: несовершенство природы человека невозможно изменить. Полемика с христианской идеей возвышения человека над тварной природой, преображением человеческого духа очевидна: самонаказание человека и есть казни творца, подтверждающие греховность человека прежде всего самому человеку. «Всё доброе у людей есть Божье, униженное для людского постижения... Поскольку лишь грехи человеку по мерке его» [1. С. 154]. Телесные казни человека (голод, насилие, похоть) и наказание болезнью духа, вызванные отступлением от Божественного Завета, могут остановить греховные поступки, но не изменить природу человека.

Размышления о человеке и человеческой истории требуют обращения к Библии, в которой запечатлены как примеры нарушений Завета, так и пророчества Великих пророков. Из ветхозаветных пророков в романе цитируются (не всегда точно) древнейшие пророки от Амоса (не оставившие текстов, но их слово передано традицией) и Великие пророки (Исайя и Второисайя, Иеремия, Иезекииль); цитируются Ездра, Неемия, Илья; малые пророки цитируются в единичных случаях. Предпочтения автора объяснены во вступлении к роману: «Господь, чтоб пожалеть человека, шлет на землю своих посланцев. Не сам по себе шлет их на землю Господь, не сам избирает, а шлет тех, кого выберут и обозначат пророки. Такое право дал человеку Господь лишь в самом начале бытия, при сотворении мира. “Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел их к человеку, чтоб видеть, как он назовет их, и чтоб как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей” <...> Из среды этих избранных выделил Он пророков-предсказателей великих и малых, а из среды пророков выделил лишь трех – Моисея, создателя Божьего Закона, Исайю, предсказавшего Мессию, Христа из колена Иудина, и Иеремию, предсказавшего Антимессию, Антихриста из колена Данова» [1. С. 7].

Только слова избранных Богом имеют истинность, а предпочтение трём пророкам объясняется тем, что Моисей (около XIII в. до н. э.) был избран для передачи людям (избранному народу) Завета; Исайя (VIII в. до н. э.) утверждал следование Завету выше исполнения культовых правил и дал эсхатологическое предсказание о наказании; Иеремия (нач. VII в. до н. э.) утверждал необходимость Завета для каждого человека (а не только народа), он объяс-

нил непротivление злу как проявлению казни Бога; Иезекииль (VII в. до н. э.) – пророк изгнания, предсказавший пришествие избавителя из Давидова рода.

Позиция автора в романе определена самим Горенштейном как «из Библии взгляд». В интервью Дж. Глэду Горенштейн признавался, что учился у Библии, с одной стороны, «беспоощадной смелости в обнажении человеческих пороков и самообнажении, в самообличении», с другой – стилю [4]. Н. Лейдерман и М. Липовецкий справедливо говорят о двойном, сюжетном и стилистическом, влиянии библейского текста: «В романе грубая историческая и социальная действительность сюжетно и стилистически сращена с мотивами, образами и сентенциями из Священных книг, при этом библейские образы и поучения актуализированы, осовременены и парадоксально переосмыслены писателем» [5. С. 591]. По мнению В. Камянова, «теология “Псалма” заметно отслаивается от его эпической основы», Горенштейн-эпик «погружает... в поток драматических событий, перипетии людских судеб», Горенштейн-теолог «выдергивает оттуда, устраивая моему сознанию просушку, пафосными комментариями к Библии, монологами пророков или самого всевышнего» [6].

Обращение к Библии – это сверка автора и близких ему персонажей с истиной. Цитаты из Библии создают диалог автора с библейским текстом, «автор не стилизует, а дерзает соревноваться с книгой книг – с Библией» (Э. Васильева) [7]; «автор, как хор в греческой трагедии, часто комментирует действие, всегда поверяя библейскими ценностями» (Г. Никифорович) [8].

Сюжетно библейское слово вводится как аргумент наказания персонажа. Библия цитируется для подтверждения оценки персонажа-реальности автором-повествователем и главным героем Даном («через Исайю», «через Иеремию» и т.п.). Сказанные в разные времена в адрес еврейского народа, эти пророчества-предупреждения и пророчества-обвинения актуальны, но, как и в библейские времена, бездейственны, поскольку люди не знают или забыли слова пророков. «Так через Гришу и через дальнейшее приобщилась Мария к третьей тяжкой казни, которую посылает Господь на людей и о которой говорил пророк Иезекииль. Третья тяжкая казнь Господня – зверь, ему же имя похоть. Третья казнь Господня особая, ибо меча, и голода, и болезни пророки не страшатся, а зверя страшатся. Царь Соломон, праведник, казним был третьей казнью. <...> Если Моисею еще неизвестна была судьба царя Соломона, праведника, то Неемии уже была известна, и была она уже для него притчей. <...> Однако в чем же тайна третьей казни Господа? Почему подвержены ей не только грешники, но и праведники? Потому что меч, и голод, и болезнь лишь терзают, а дикий зверь, терзая, плодоносит. Потому что в третьей казни не только плевел, но и пшеница» [1. С. 67].

В сюжете возникают ситуации, когда персонажи реальности прямо отождествляются с библейскими персонажами, повторяя их греховные или добрые поступки: «Судьба Исаака подражает судьбе Авраама, а судьба Иакова – судьбе Исаака. Все самое высокое, живущее Божьим разумом, и все самое земное, живущее Божьим инстинктом, повторяет друг друга и живет подражанием» [1. С. 89]. Выкрест Кац (искусствовед Иволгин) уподобляется библейскому еврею, показавшему зубы Моисею, вступившему за него и убившему египтянина, чего испугался спасенный еврей. Покончил с собой отпав-

ший от подлинного слова Вася Коробко: «Исказился лицом Вася из племени Данова и говорит, повторяя судьбу Хулила от Суламифи из племени Данова...» [1. С. 251], а в комментарии повествователя обнаружится высшая воля в самоубийстве героя, подобно многим активным противникам Божьего сурового отношения к свободе человека: «От голода по Слову Господню, от жажды по утешению Господню умрет нечестивец в муках. <...> Как сказано в Книге Пророка Исайи...» [1. С. 311].

Напротив, некоторые персонажи приближаются к божественным смыслам, не зная слов пророков, не видя Бога, но интуитивно чувствуя присутствие Бога. Такие ситуации возникают в предельном одиночестве или страданиях персонажей не как ситуации раскаяния, а как интуитивное ощущение платы за собственную греховность: «...без слов прочла Мария наставление Господа и без разума приняла то, что открывается пророкам постоянно через их праведность и разум. И услышала она без слов и поняла без разума сказанное через пророка Исайю...» [1. С. 62]. Такое же бессловесное общение с Богом происходит во время плача Аннушки, которой Дан доверяет принести в землю Германии Божье проклятие народу, изгоняющему и истребляющему другой народ (вторая притча).

Через пророков Господь выражает суть поступка, совершаемого в соответствии с высшим законом. Так приближается к Божественным смыслам посудомойка, дающая, как и Дан, хлеб Марии: «А толстая женщина по имени Софья, безграмотная посудомойка, которая добра была не человеческим, но Божьим добром, уже не впервые слышала Господа без слов и понимала Его без разума. И сейчас не разумом Своим, который был у нее косноязычен, но безмолвным сердцем через пророка Исайю поняла она: “Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом, когда увидишь нагого, одень его и от единокровного твоего не укрывайся...”» [1. С. 62]. Так наказывает насильника Марии железнодорожник, не знающий слов, но чувствующий высшую волю.

Библейская цитата определяет состояние грешного человека, отпавшего от истины и мыслящего в конкретных понятиях, тогда как слова пророка констатируют подлинную причину малых несчастий такого человека. Бессловесные сетования выкреста Иволгина, ждущего ареста, совпадают с проклятиями судьбы Иеремии: «И через бессловесный плач повторил он проклятия пророка Иеремии самому себе...» [1. С. 218]. Однако возвыситься до понимания судьбы как наказания Иволгин не способен, не понимает, что наказан за приспособление ко злу, за трусость перед гонителями; он сам – виновник своих несчастий.

Через слово пророков приходит к пониманию земной жизни Дан, и через пророков с ним говорит Бог. Так, при первом появлении в России, в 1933 г., глядя из окна чайной на бесплодные поля, Дан слышит слова Иезекииля: «Пришла жатва, кончилось лето, а мы не спасены, – так говорил пророк Иеремия в пасмурный, как ныне, день, глядевший на пустые поля земли обетованной, которые в осенние сумерки были необжиты и страшны, как и темное, грозное небо над ними. – Смотрю на землю, и вот она разорена и пуста, на небеса, и нет на них света» [1. С. 11]. Дан, как и Иезекииль, пророк изгнания, делится с Марией «нечистым хлебом изгнания»; через Иезекииля возвещает

Господь Дану о грядущей войне»; об изгнании русского народа в Германию Дан пророчествует зимой 1942 г. у села Брусяны перед отправлением в Германию Аннушки и передаёт с ней проклятие земле насильников: «Проклятиями этими пророки предостерегали свой народ от греха. Но семижды проклят тот, чьей злобой этот грех карается. Ибо для исполнения гнева Господь всегда избирает отчаянных злодеев. <...> Вот проклятие из пророка изгнания Иезекииля: “Я Господь, Я говорю: это придет, и Я сделаю. Не отменю, не пощажу и не помилую. По путям твоим, по делам твоим буду судить тебя, но уже не найду тебя вовеки”. Вот проклятие из пророка Исаяи, повторенное потом в Апокалипсисе от Иоанна: “Небо твое точно свиток книжный свернется над тобой”. И в гневе первый пророк библейский, пастух фекийский Амос, глядя на нечестивую землю, воскликнул и записал проклятия в рукописи, завещанной пророком Иеремией: “Ненавижу, отвергаю праздники ваши... удали от меня шум песен твоих, – в самом же конце пророк Амос приписал: – Пусть как вода течет суд и правда – как сильный поток...”» [1. С. 135].

3. Размышления о Боге и об искажении текстов, записанных за пророками, в романе сосредоточены в авторских предварениях к каждой из частей романа («Притч»), включены в размышления повествователя-резонёра, а также отданы персонажам, чьи монологи и диалоги опять-таки сопровождаются оценками автора-повествователя. Преимущественно философские размышления и диатрибы, диалоги, обращённые к неявному собеседнику, оппоненту или высшему авторитету, сосредоточены в четвертой и пятой частях романа, посвящённых болезни духа в новом поколении, детях «оттепели». Доминирует здесь сюжетная и риторическая дискредитация тех, кто собирает осколки «разбитой чаши», неделимого Закона, либо меняя веру ради котла с пищей, как было и в древние времена, либо отыскивая ответы на вопросы в сфере человеческих, а не Божественных Законов. Речь у Горенштейна идёт не о науке, а об искусстве, создающем ложных кумиров, и о философии, рождающей более уродливые, чем сам человек, существа и сознания. Рационалистические поиски Бога, сменившие советский атеизм, продолжают искажение Завета и Слов пророков, начатое учениками одного из пророков, Христа, и продолженное греческими последователями Нового Завета, подменившего иудейский Танáh. Критика Горенштейна направлена на евреев, отказавшихся от завещанного Закона (история искусствоведа Иволгина-Каца), на русскую интеллигенцию, проповедующую искажённое слово пророков (искусствовед Иловайский и его приятели по интеллектуальным разговорам); на творческую интеллигенцию (студенты Литературного института, новое поколение, отпавшее от атеизма и не приблизившееся к Завету). Антисемит Вася Коробко, сын Марии и Дана, ставший истовым христианином, не может принять мысль, что христианская вера родилась из иудаизма как попытка в скорректированном виде принести людям Завет (Коробко кончает самоубийством, узнав, что он сын Дана). Савелий Иволгин, сын еврея и русской женщины, ищет не у Бога, а у алхимического «философского человечка» ответы на вопросы о вере и истине, о добре и зле.

Между тем вчитывание в книги Ветхого Завета, хотя и сопровождаемое евангелическими текстами Нового Завета, позволяет некоторым избранным

современникам приблизиться к истинному Слову. Русская староверка Чеснокова сверяет свои мысли с Библией, подчёркивая в притчах Соломоновых не слова о спасении, а слова о страхе Господнем как «источнике жизни, удаляющем от сетей смерти»: «Лучше небольшое при страхе Господнем, нежели большое сокровище и при нём тревога» [1. С. 203]. В Библии Андрей Копосов «прочел о Моисеевых скрижалях как бы впервые и с каким-то чувством восторженного удивления, точно не положил в этот раз, как обычно, старую, купленную по случаю, неопрятную Библию на обеденный стол, покрытый старушечьей скатеркой довоенного образца, не перелистал залапанных страниц, а совершил вдруг восхождение за истиной куда-то вверх, в гору, поближе к себе и подальше от народного коммунального бытия» [1. С. 239]. Постигание подлинного смысла Библии сопровождается озарениями, как в древние времена: спасённая в годы войны и воспитанная Даном русская девочка Руфь прозревает своё подлинное имя, происхождение и предназначение быть пророчицей.

Фабульное общение с Даном и его проповеди помогают новому поколению русских людей постичь смысл изначальной Библии, не совпадающий с христианским, более того – противоположный интерпретациям апостолов и их последователей. Апостолы не пророки, они способствовали тому, что «осиротевший младенец – христианство – потерял свою еврейскую мать в силу вечного соперничества между теми, кто строит Храм, и теми, кто строит Вавилонскую башню...» [1. С. 229], не сверяясь с Богом.

Андрей Копосов понимает причины подмены сурового текста Библии страдательным текстом Евангелий: слабые люди не себя побуждают к сопротивлению злу, а ждут от Бога прощения и благ, не исполняя данного человеку принципа существования – хлеб добывать самому, преодолевая страдания, а не избегая их. Так, в Третьяковке Андрей Копосов слышит в разговоре посетителей у картины Иванова «Явление Христа» на выставке картин с разрешёнными библейскими темами современное толкование Христа: Христос «хотел, чтоб всем людям было хорошо, за это его евреи убили». Сомнений в том, что человек достоин хорошего, у верующих нет – таково массовое понимание идей Христа. И Андрей понимает, что обращение к христианству после атеизма уводит от исконной библейской истины: «Вот он, русский верующий. <...> Хорошо, допустим, атеизм проиграл, но выиграла ли от этого в России религия? Ничему не научившись, возрождается она с прежним юродством вместо чувства, с тяжелоголовыми спорами о Христе и с просто-народьем, которое о Христе не спорит, но ждет от него того же, что и от грузина Сталина, от турка Разина или иного русского атамана» [1. С. 246]. И далее: «Ныне выкрест – это интеллектуал, философ, мистик, Моисеем он сознательно недоволен. “Сплошные запреты: нельзя, нельзя, нельзя. А у Христа: можно, можно, можно”. Но из Моисея знает в основном: “Око за око”. Из Христа: “Возлюби врага своего”» [1. С. 247].

Как было сказано, главный цитирующий субъект в романе – автор-повествователь. Риторический, резонёрский слой текста в романе занимает едва ли не большую часть, чем наррация. «Вот наступают дни, – говорит Господь через Амоса, самого древнего из пророков, зачинателя пророчес-

ва, – вот наступают дни, когда Я пошлю на землю голод – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду услышания Слов Господних» [1. С. 311].

Диалог с Библией через цитирование и стилизацию на разрушает художественного и идейного монологизма. Во-первых, позиции автора-повествователя и главного героя, Дана, совпадают вопреки художественной установке автора вписать героя в систему исторически конкретных персонажей. Во-вторых, Горенштейн не выстраивает философский спор, а иллюстрирует пустопорожные интерпретации Библии, проповедуя подлинные смыслы библии: «Философ-гуманист стремится научить добру, исходя из морали, Библия учит добру, исходя из человеческого эгоизма, ибо она не игнорирует, на манер гуманистов, подлинную природу человека...» [1. С. 203]. А. Татаринов считает, что «Псалом» написан «в традициях иудейской мысли», что в нём «суд над христианством, подменившим Бога образом, который удаляет человека от ясной религии патриархов и пророков» [9].

Автор романа доказывает, что слова пророков запечатлены в Ветхом Завете, но позднее искажены апостолами Нового Завета: пророки (гр. *prophetes*; др.-евр. *Nabi*) – медиаторы и предсказатели, апостолы (гр. *посланник*) – ученики и последователи. Ученики исказили смысл пророчеств, в том числе и идею своего учителя, одного из избранных пророков – Иисуса из рода Иуды. Дан полагает, что выбор учеников у посланца Бога из рода Иуды, брата Дана, был ограничен, и Христос предчувствовал предательство учеников: «Он удивительно одинок не только на кресте, но и до креста. Апостолы, которых он всегда внутренне презирал, к концу его жизни всё больше разочаруются в нём, будут искать способ избавиться от него. Невежды от общения с великой личностью начинают понимать частности и потому отвергают недоступное им целое» [1. С. 230].

Если автор-повествователь доказывает искажение апостолами Завета, то Дан размышляет о противоречивости миссии Спасителя, взятой на себя его братом. Иисус понимал несовершенство людей, знал, что «большинство людей ненавидят Бога, тайно ли, явно ли. Они ненавидят его за то, что тот силен, а человек слаб, за то, что тот бессмертен, а человек недолговечен. И в молитвах они больше кланяют, чем славят...» [1. С. 136–137]. Посланец Бога должен был знать, «что любить человека – значит превозмочь к нему отвращение, однако даже великие пророки в момент слабости своей не могут скрыть отвращение к людям. Такое случилось у Моисея в промежутке между первыми и вторыми скрижалями Закона, когда он разбил первые скрижали в тоске от необходимости отдавать свое высокое сердце столь низменным существам, предпочитавшим мясные котлы в египетском рабстве манне небесной в свободном Синае, такое случилось и у Брата Данова Иисуса из колена Иудина, постепенно испытывавшего отвращение к апостолам, к этой избранной им не по желанию, а по необходимости духовной черни, не способной проникнуть душой в дерзкий замысел Самозванца спасти народ свой, который так же нечестив, как и все иные народы, спасти и тем самым осуществить Замысел Божий...» [1. С. 98].

Иисус, по убеждению Дана, «почти в точности повторяет судьбу своего духовного предшественника, пророка Иеремии...» [1. С. 230]. Он один из евреев колена царей, взявший на себя мессианское деяние: «Всякий иудей счи-

тал себя Сыном Божиим, ибо со времен Авраама народ – Господень. Всякий патриот мог ощутить в себе мессианскую силу в момент, когда народу грозила гибель. Тем более что к небесному "Мессия" он постоянно прибавляет земное – царь Иудейский» [1. С. 235]. Дан объясняет мессианство Христа как результат понимания Иисусом несовершенства людей, которым трудно следовать суровым заповедям Моисея: «...как мудрец, Спаситель и Мессия, Он знает, что грешник в падшем мире не способен любить Бога согласно Заповедям Моисеева Закона и не способен исполнить простые Заповеди Божьи: не убий, не укради, не прелюбодействуй. Не способны внушить это злым грешникам и Божьи пророки, глас которых есть глас вопиющих в пустыне. Оттого для спасения падшего мира призвал он не чуждый миру Божий Закон пророков, а понятные каждому грешнику заповеди доброго человека, самоотречением которого, самопожертвованием которого грешник живет, как червь яблоком. Так, не Божиим, а человеческим спасается для Бога падший мир» [1. С. 301]. Дан, отстаивая человеческий подвиг Христа, возвращая ему человеческую страстность, объясняет учение о милости к врагам и веру в Благоую весть желанием Спасителя добиться хотя бы человеческого совершенства, хитростью пророка, который говорит со всеми на разных языках: «Если невежде понятны частности, он отвергает недоступное ему целое» и воспринимает то, что ему доступно. Ученики упрекали Христа в непоследовательности» [1. С. 230]. Христос «помнил слова Моисея: бедному не потворствуй в тяжбе его... Он знал: бедность – болезнь и беда, но не заслуга» [1. С. 230]. Он призывал к милости бедным, а не к взысканию к ним, не способным трудиться, как требовал Бог, то есть обратил Моисеев Закон к несовершенному человеку, чтобы несовершенный человек спасался хотя бы в частных проявлениях.

Однако «заговор против Моисея – перерос в заговор против Христа» [1. С. 234]. Евангелисты оторвали учение Христа и его образ от реальности, упростили библейское, Моисеево понимание человека Христом как существа, проклятого с момента изгнания из рая. Последователи апостолов исказили личность Спасителя, сделав его аскетом, и не еврейским юношей из дома Давида, а сыном Божиим. Искажение начали апостолы, ученики: «Евангелие от Матфея, впрочем, как и Евангелие от Марка и Луки, но особенно от Матфея, писали с Иоанном, создателем Апокалипсиса, братья по духу, тогда как Евангелие от Иоанна писал талантливый умелый недруг <...>. В четвертом Евангелии первоначально родилось слово, а уж затем стал ясен смысл его. <...> Здесь чувствуется попытка придать Божьему образ <...> Как раз наоборот, Господь иногда дает неразумный смысл, но не Слово, смысл через бессловесный Божий плач...» [1. С. 225]. Христианство как учение последователей апостолов обещает загробное успокоение за покорность и недеяние: «Главное, чего ждёт человек от религии, это успокоения, за которое он согласен платить покорностью. Ждёт того же, чего ребёнок ждёт от матери <...> И успокаивает она любовью к страданиям и наградой в загробной жизни. <...> Нет, не тому учат библейские пророки, не тем успокаивают. <...> Правда же состоит в том, что человек – существо проклятое с момента изгнания из рая-Эдема. Понять правду о себе доступно каждому, однако не каждый согласится понять. Мало кто согласится. А ведь правда о себе не только облегчит. Но и укрепит жизнь, каждая удачная минута, всякое счастье, любое доброе дело

будет восприниматься тогда как незаслуженная, а оттого вдвое дорогая награда, всякая же беда и неудача будет приниматься как заслуженное, а оттого менее обидное наказание. Не ждать наград, которые всегда должны быть неожиданны и восприниматься как незаслуженные, и не страшиться наказаний, которые всегда должны восприниматься как естественные, – вот подлинная судьба религиозного деятеля» [1. С. 262].

Повествователь обращает негодование и в адрес евангелического аскетизма, который подменяет следование завету Бога активно трудиться на земле отказом от земных благ. «Христианство учит бежать от поля наслаждений, от поля Сатаны, обходить его на пути к Господу, а Библия учит идти через поле наслаждений, через поле Сатаны к Господу, ибо иного пути нет. Поскольку проклят человек, и Господь изгнал человека из рая с небесных хлебов на собственный духовный хлеб, в поте лица добываемый» [1. С. 234]. Ветхий Завет близок философии стоицизма, проверки человека реальной сложностью жизни, выявление неоднородности человека: «Есть знаменитое место во Второй Книге Моисеевой “Исход”. В страхе перед преследующим их фараоном сыны Израилевы вместо борьбы-деяния обратились к Богу с молитвой, а к Моисею с проклятиями за то, что он поднял их к борьбе-деянию, оторвав от молитвы. И великий пророк, тоже дрогнув сердцем, обратился к молящемуся народу с обещанием милости Божьей за молитву их: “Не бойтесь, стойте и увидите спасение Господне, которое Он сделал вам ныне. Господь будет побороть за вас, а вы будьте спокойны”. Тогда Господь преподавал Моисею урок. “И сказал Господь Моисею: что ты вопиешь ко Мне? Скажи сынам Израилевым, чтоб они шли”. Недостаточно Божьего замысла, иначе не сбудется, не свершится» [1. С. 262].

Повествователь, опираясь на библейский текст, доказывает необходимость предельного испытания человека: «Пророк Исайя говорит: “Если нечестивец не понесет наказания, он не научится правде”. Мудрый царь Соломон отвечает ему: “Правда, которая умирает, наказывает нечестивцев, которые живут...” Господь лишь изредка убивает нечестивца перед лицом правды, чаще он убивает правду перед лицом нечестивца, и тогда нечестивец вгрызается в горло нечестивца» [1. С. 99–100]. Только активное сопротивление носителю зла может остановить его. Дан убеждён, что Христос принёс надежду на спасение «гонителям», делающим зло сознательно, сам же Дан – спаситель для гонимых, поскольку наказывает гонителей. Человечество нуждается в возвращении к ветхозаветным знамениям пророков о казни Господней: не благословлять и не прощать злых в надежде, что это преобразит их, а вернуть осознание того, что каждый достоин казни за грехи, поскольку «не дано человеку себя изменить», но его можно «предостеречь словом».

Горенштейн иногда доказывает искажение духа и текста Завета неточными переводами в греческой Библии: «Если б мог он сказать по-иному, то произнес бы неизвестные ему, никогда не слышанные и не прочитанные слова псалма: “Я изнемог от вопля, засохла гортань моя, истомились глаза мои от ожидания Бога”. <...> Держи в руках Псалтырь Андрей Копосов, то и тогда не сказал бы он точнее, чем сказал стоном, поскольку русская Библия в ряде мест переведена неумело. Так, необходимый сейчас умирающему псалом № 87, стих 4-й переведен: “Ибо душа моя насытилась бедствиями, и

жизнь моя приблизилась к преисподней”. В то время как в подлиннике: “Ибо душа моя насытилась обидами, и жизнь моя приблизилась к могиле”.

<...> Меж душой, насыщенной бедствиями, и душой, насыщенной обидами, большая разница. От бедствий несправедливо сходить в преисподнюю, но обиды неизбежно ведут к могиле... Такова одна из неточностей русского текста Библии» [1. С. 177].

Горенштейн возвышает иудейский прототекст за то, что он утверждает не снисходительное милосердие к человеку, а требование ответственности человека за данную Богом свободу самому создавать земную жизнь, подражая Творцу, мужественно реализуя высшую волю, а не ожидая в бездействии чуда. Горенштейн близок к экзистенциализму, утверждая присутствием гласа Бога, переданного через пророков, тот самый «зов бытия», который делает неотменимой «интенцию к бытию» (М. Хайдеггер), «ответственность» за бытие и за краткое существование человека, иначе – сизифов «бунт человека» (по А. Камю). Горенштейн близок к экзистенциализму XX в. в трактовке человека, неполноты его абсолютов, «виновности» перед бытием. Наконец, Горенштейн близок экзистенциализму в понимании абсурдности бытия, что, казалось бы, противоречит признанию Закона Божьего. Абсурд бытия проявляется у Горенштейна, с одной стороны, сущность земной человеческой жизни, несоизмеримой божественному замыслу, с другой стороны, противоречивость божественной воли, дающей свободу несовершенному человеку, достойному казней Господних. Богу оставлены знамения о неизбежных и неискупимых страданиях и о наказании. Библия хранит не утратившие значения прошлые знамения.

Общая направленность романа – вернуть человечество и отдельных людей к подлинному тексту Библии, вернуть христианство к материнской основе. «Эти времена ныне приближаются, и голод по Слову Господнему будет, может, самая страшная, пятая казнь Господня, казнь, возвещенная через пророка Амоса, как четыре прежних возвещены были через пророка Иезекииля. От четырех прежних казней спасен был нечестивец, прощен через Христа <...>. Но от пятой казни – жажды и голода по Слову Господнему – не спасется нечестивец, и не спасет его ходатай за преступников – Христос» [1. С. 311]. В финале главные персонажи, дети и духовные наследники Дана, припадают к Слову Библии, хранящей Ветхий Завет: «Казнь Господня – жажда и голод по Слову Господнему, и только духовный труженик может напомнить о ней миру и спасти от нее мир, напоив и накормив мир Божиим Словом» [1. С. 312].

Литература

1. Горенштейн Ф. Псалом // Горенштейн Ф. Избранное: в 3 т. Т. 3. М., 1993.
2. Горбунова Г.З., Кауров С.С. Номинация персонажей романа Ф. Горенштейна «Псалом» в контексте библейских традиций. Режим доступа // <http://www.ksu.kz/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=514>
3. Аннинский Л. Фридрих Горенштейн: миры, кумиры, химеры // *Вопр. лит.* 1993. № 1.
4. Глэд Д. Беседы в изгнании: Фридрих Горенштейн. Режим доступа: <http://athe-naeum.ru/title17162.html>
5. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. М.: Академия, 2003. Т. 2.

6. Камянов В. Век XX как уходящая натура // Новый мир. 1993. № 8. Цит. по: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/8/bookrev.html

7. Васильева Э. Мессия – Пророк – Антихрист («Псалом» Ф. Горенштейна). Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsql12/vasileva12.html>

8. Никифорович Григ. Иудео-христианство писателя Фридриха Горенштейна // Знамя. 2011. № 9.

9. Татаринов А. Апокалипсис как суд над Россией: Фридрих Горенштейн и Виктор Ерофеев // Парус. 2012. №14.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070: 7.012 (078)
DOI 10.17223/19986645/23/9

В.А. Вершинин

ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ МЕТОДА ЭКСПЕРИМЕНТА К МОДЕЛИРОВАНИЮ ПРЕССЫ РЕГИОНА

В статье рассмотрена проблема использования метода эксперимента в моделировании структуры изданий. На основе принципов прикладного системного анализа раскрыты возможности адаптации метода эксперимента к решению задач комплексного моделирования и проектирования газет и журналов региона. Предложена типология эксперимента, основанная на функционально-матричном подходе к моделированию прессы.

Ключевые слова: пресса региона, метод эксперимента, системный подход, моделирование прессы.

В процессе выполнения хоздоговорных и инициативных НИР на факультете журналистики Томского государственного университета автором статьи был накоплен опыт разработки и корректировки комплексных и композиционно-графических моделей газет и журналов регионов, который позволил проанализировать и систематизировать возможности адаптации метода эксперимента к процессу решения прикладных задач в области моделирования газет и журналов. Цель статьи – представить возможности адаптации метода эксперимента к решению прикладных задач на основе системного подхода (работы Ф.П. Тарасенко, Ф.И. Перегудова, В.М. Мишина), в том числе прикладного системного анализа (Ф.П. Тарасенко), традиций и современных тенденций теории и практики моделирования периодических изданий (работы А.П. Киселева, И.Н. Табашникова, С.И. Галкина, В.В. Тулупова, В.В. Бакшина, Ю.Н. Мясникова, А.С. Сундукова).

Эксперимент наряду с наблюдением является главным методом научного познания, основой эмпирического подхода к знанию. В соответствии с критерием Карла Поппера возможность постановки эксперимента отличает научную теорию от псевдонаучной. Множество специалистов характеризуют свою деятельность как экспериментальную в социальных и гуманитарных науках. Свое место у метода эксперимента есть и в теории и практике журналистики, а также в такой специфической ее подсистеме, как моделирование периодических изданий.

В теории и практике журналистики существует несколько подходов к определению и классификации метода эксперимента. Некоторые исследователи, такие как А.А. Тертычный, характеризуют эксперимент в журналистике как жанр, другие – как метод работы журналиста. Делались и попытки более глубокого теоретического осмысления метода эксперимента в журналистике, его классификации. Наиболее значимой работой такого плана является опубликованная еще в 1986 г. статья Л.В. Кашинской «Эксперимент как метод

журналистской деятельности» [1]. В ней говорится о том, что в теории и практике журналистики идет настойчивый поиск новых, результативных средств, способов отображения сложнейших процессов общественной жизни, развивается и система методов журналистской деятельности, совершенствуется эмпирическая методика. И наряду с традиционными познавательными методами – наблюдения, интервью, проведения анализа документов – получает дальнейшее развитие метод эксперимента.

Все попытки описать использование эксперимента в журналистике определяются конкретными, зачастую узкими исследовательскими и прикладными задачами. Например, попытка адаптировать методики эксперимента к практической работе журналиста-автора – на этапах наблюдения, получения информации о каком-либо явлении, ее отражения в газете или журнале в виде текстовых, иллюстрационных, коммуникативных, графических и других элементов. Но ни в одном из вышеперечисленных исследований нет предложений по организации эксперимента в моделировании структуры издания. Именно это определяет актуальность создания и апробации методик использования этого метода в процессе комплексного моделирования и проектирования локальных газет и журналов, решение которых, как мы убедились, было уместно искать в использовании метода эксперимента в других областях знаний и сферах деятельности.

В достижении поставленной цели мы опираемся на труд Ю.Н. Мясникова «Технология моделирования и проектирования периодики региона» [2], в котором предлагается функционально-матричный подход к обоснованию технологии постановки и решения прикладных задач в области моделирования прессы региона. Этот подход представлен в виде матричного модуля, контрактных, учебно-экспериментальных и авторских схем моделирования и проектирования. Уровни и этапы процесса моделирования изданий отражены в схеме на рис. 1.

Методологическое и практическое значение в использовании метода эксперимента в моделировании периодики имеет прикладной системный анализ. В частности, представленная в учебнике В.М. Мишина «Исследование систем управления» трактовка метода эксперимента как «контролируемого и управляемого способа исследования объекта, предполагающего активное участие исследователей и их целенаправленных воздействий на него в искусственно созданных моделированных (мысленно или близких к действительности) или реальных условиях» [3. С. 217].

Опыт проектирования газет и журналов разного типа, которым располагает автор данной статьи [4, 5], подтверждает, что все перечисленные выше характеристики эксперимента как метода помогают оптимизировать терминологический и понятийный аппарат экспериментальных подходов к композиционно-графическому и комплексному моделированию периодики региона, поскольку эксперимент в области моделирования и проектирования изданий тоже может иметь *поисковый* или *проверочный* характер. Например, в рамках экспериментального выпуска мы можем использовать несколько наборных шрифтов, чтобы впоследствии при помощи фокус-групп выявить наиболее соответствующий прикладным задачам, запросам заказчиков. А *факторным* экспериментом можно считать конкретное экспериментальное моделирование в рамках одного или нескольких уровней модели.

Экспериментальный (пилотный) выпуск газеты или журнала (см. рис. 1) можно расценивать как эксперимент, проводимый в условиях, приближенных к реальным, который позволяет объективно в достаточно «чистом» виде исследовать связи и свойства изучаемого объекта.

В области дизайна, по мнению А. Лаврентьева, «эксперимент заключается в проверке какого-либо принципа моделирования, который порождает свой собственный класс графических форм» [6. С. 14]. Это положение является для нас принципиально значимым. Описывая графическое моделирование как самостоятельную область экспериментирования, А. Лаврентьев утверждает, что «графическое моделирование в дизайне служит нескольким целям. Во-первых, оно выполняет функции проектной документации и представляет собой исторически сложившийся способ демонстрации проектного замысла. Во-вторых, является основой формирования языка графического дизайна, т.е. области, ориентированной прежде всего на сферы культуры и информации. В-третьих, служит инструментом визуального мышления и направлено, таким образом, на профессиональную проектно-художественную деятельность» [6. С. 14].

Принимая во внимание рассмотренные выше представления об эксперименте, экспериментальных методиках и их апробации в системе комплексного и композиционно-графического моделирования, мы можем сформулировать конкретные принципы экспериментального моделирования газеты или журнала.

Наиболее эффективным и результативным подходом к решению этой задачи является теория и практика прикладного системного анализа, агрегирующая подходы к обоснованию эксперимента в системе моделирования периодики, обоснованные в приведенных выше работах. В частности, методологически значимым для определения логики эксперимента в системе моделирования СМИ является следующее утверждение Ф.П. Тарасенко: «Часто недостающую информацию о системе можно получить только из самой системы, проведя специально спланированный для этого эксперимент. Содержащуюся в протоколе эксперимента информацию извлекают, подвергая полученные данные обработке, преобразованию в форму, пригодную для включения ее в модель системы. Легко воспринимается, что *эксперимент нужен для совершенствования модели*. Важно понять также, что *эксперимент невозможен без модели* (курсив наш. – В.В.). Они находятся в одном цикле. Однако вращение по этому циклу напоминает не вращающееся колесо, а катящийся снежный ком – с каждым оборотом он становится все больше, весомее» [7. С. 141].

Таким образом, исходя из принципов системного анализа, экспериментальная практика неотделима от процесса моделирования. По мнению Ф.И. Перегудова и Ф.П. Тарасенко, «отношение между экспериментом и теоретической моделью двоякое. С одной стороны, эксперимент позволяет проверить и при необходимости уточнить модель, то есть эксперимент является источником информации для моделирования. С другой стороны, модель диктует, какой именно эксперимент следует проводить. То есть модель является источником информации для организации эксперимента» [8. С. 170].

Исходя из практики функционально-матричного подхода к комплексному моделированию, мы предложили разделить эксперимент в области моделирования на несколько типов, положив в основу матричный модуль комплексного моделирования и основные виды экспериментирования:

1. Эксперименты в решении комплексных задач моделирования изданий.
2. Эксперименты, факторами которых становятся один или несколько уровней комплексного моделирования.
3. Экспериментальная апробация модели на этапе реализации проекта.

Среди ряда классификаций основных типов экспериментов наиболее оптимальной представляется приведенная в учебнике «Стратегия социологического исследования» В.А. Ядова. Она совпадает с апробированными нами на практике этапами моделирования газет и журналов, которые мы используем в соответствии со спецификой стоящих перед нами прикладных задач.

1. Натурный эксперимент. Предполагает вмешательство экспериментатора в естественный ход событий – внедрение модели, выпуск на рынок готового продукта. (В нашем случае – проекта, разработанного в соответствии с уровнями комплексного моделирования и с учетом рекомендаций экспертов и заключений исследований, выданных на основе апробации в виде пилотных номеров.)

2. Мысленный эксперимент (квазиэксперимент). Манипулирование с информацией о реальных объектах ведется без вмешательства в естественный ход событий. (Таким этапом выступает еще не апробированная модель издания в виде рекомендаций по типологическому статусу, тематическому и жанровому наполнению, набору прототипных полос, вариантов титульного комплекса, цветовой гаммы, композиционного и графического оформления).

3. Натурный квазиэксперимент. Исследователь руководствуется логикой эксперимента «до – после», но, во-первых, не жестко контролирует фоновые воздействия и, во-вторых, создает экспериментальную ситуацию своими действиями в качестве участника «жизненной ситуации» [9. С. 366–367]. На этом этапе осуществляется выпуск пилотного номера, происходит его апробация, проводятся исследования фокус-группами, экспертами или внутренними и внешними стейкхолдерами с целью выявления факторов, которые влияют на выбор читателя и на выявление слабых мест в модели издания.

Функционально-матричный подход к моделированию и проектированию СМИ позволил представить на рис. 2 наиболее очевидные виды эксперимента для обоснования прикладных задач и включения их в технические и проектные задания в виде предложенной нами модификации матричного модуля, приведенного в работах Ю.Н. Мясникова [2].

Так, на этапе *мысленного* (квази-) эксперимента предлагается еще не апробированная модель издания в виде проектных предложений по упомянутому выше типологическому статусу, тематическому и жанровому наполнению, набору прототипных полос, вариантам титульного комплекса, цветовой гаммы, композиционного и графического оформления.

Натурный эксперимент может характеризоваться активным вмешательством исследователя в моделируемую ситуацию, например в выход издания, нетипичного для рынка, внедрение обновленной модели с изменением типологического статуса издания или смену графической составляющей. Здесь

можно использовать весь спектр экспериментальных методик, которые носят междисциплинарный характер. Такой эксперимент может быть *поисковым* или *проверочным* (например, чтобы определить специфику и запросы аудитории, попытаться наладить обратную связь с читателями или выйти на новый рынок).

Рис. 2. Типология метода эксперимента в системе моделирования периодических изданий

Когда мы говорим об эксперименте в процессе комплексного моделирования, подразумевается, что мы можем создавать экспериментальные ситуации на всех уровнях модели издания: *типологическом, тематическом, жанровом, композиционном и графическом*. И *комплексный эксперимент* означает либо создание принципиально нового издания, либо трансформацию существующего. Такой проект может осуществляться инициативной группой или быть коммерческим. В любом случае выпуск такого издания связан с определенными рисками: оно может оказаться невостребованным, коммерчески несостоятельным, но в любом случае останется источником нового опыта и материалом для дальнейших проектов. Создание таких комплексных экспериментальных проектов характерно для рыночной ситуации в крупных городах с целью извлечения прибыли, а также для изданий корпоративного характера, газет градообразующих предприятий, районов, поскольку качественному изданию, созданному для конкретной аудитории, будет легче конкурировать с сетевыми изданиями. Сейчас, когда сетевые столичные газеты вытесняют районные и городские с рынка печатных изданий, есть возможность поднимать их на уровень, не уступающий федеральному. Но для этого необходимы системное, а не только композиционно-графическое оформление, комплексное моделирование и хорошо продуманный подбор специалистов газет и журналов регионов.

Если же с заказчиком оговаривается возможность эксперимента, да и в целом моделирования, лишь на определенном уровне модели, мы квалифицируем его как *факторный эксперимент*. Например, если издание заказывает корректировку композиционно-графической модели, изменения могут касаться только этих уровней, а факторы, влияющие на эксперимент, концентрируются только на соответствующих уровнях матричного модуля. Причем возможно выделение конкретного участка экспериментирования, так, например, графика, композиция издания может при этом изменяться, но оставаться типовой. Все это зависит от прикладных задач моделирования – от того, какие именно изменения программирует заказчик издания, какой оно должно произвести эффект на аудиторию.

В то же время все уровни модели взаимосвязаны и эксперимент, основным фактором которого является изменение типологического статуса издания, может повлечь изменение тематической, жанровой составляющих, композиционной и графической структуры издания, даже если эти изменения не будут кардинальными.

Эксперимент по оптимизации свойств изучаемого объекта является точкой, в которой «сходятся» все уровни и этапы моделирования – выпуск пилотного номера, который является *экспериментальной апробацией модели на этапе реализации проекта*. Такой эксперимент является *проверочным*, уточняющим. Даже при условии типовых задач моделирования этот этап всегда будет экспериментальным. И выполнение этой работы завершается анализом результатов эксперимента, обобщением, оценкой и разработкой рекомендаций по их использованию. Апробация только композиционно-графической модели на этапе пилотного выпуска может привести к переоценке типологического статуса, тематического наполнения, структурной организации полос, да и состоятельности издания как такового.

В процессе последовательной экспериментальной апробации всего издания по уровням моделирования анализируется практическая целесообразность и эффективность разработанной комплексной модели: оцениваются типологические характеристики издания, тематическое планирование, апробируются жанровая структура издания, варианты выбора и структурной организации элементов полос. На стадии моделирования оформления обособывается и апробируется выбор конкретных типовых макетов полос «пилотного» или текущих номеров, вариантов реализации графической концепции.

Проблема, с которой иногда сталкиваются разработчики изданий, консультанты по корректировке, – отторжение откорректированной или новой модели издания заказчиками, даже если они находят новые решения «интересными». Поэтому наиболее важной особенностью этапа экспериментальной апробации и внедрения модели является последовательная работа исполнителей с заказчиками и людьми, занимающимися непосредственно выпуском издания. Наиболее эффективен выпуск экспериментальных и корректировочных номеров издания силами представителей заказчика (редакции) под контролем или при участии исполнителей (разработчиков модели), что позволяет избежать синдрома отторжения и мнений, что «газета интересная, но это не наша газета» [2. С. 42].

Необходимость проведения совместной экспериментальной апробации обоснована тем, что разработчики получают возможность корректировки модели на основании зафиксированных ими результатов, которые приводятся также системно и по уровням. Предложения работников редакции по усовершенствованию модели на этом этапе вносятся (или отвергаются) с объяснением причин в процессе корректировки.

С учетом корректировок, сделанных в процессе такого уточняющего эксперимента, модель обогащается новыми данными, она становится соответствующей требованиям редакции и условиям реализации, т.е. готовой к внедрению. «Этот заключительный после моделирования и разработки проекта этап комплекса работ представляет собой не только запуск газеты или журнала в производство, но и предъявление заказчику соответствующего техническому заданию пакета документов, комплектов типовых макетов, макетов-шаблонов, «образцов» графики, акта приемки-сдачи проекта» [2. С. 42].

За несколько лет работы в лаборатории моделирования и проектирования периодических изданий факультета журналистики Томского государственного университета автором данной статьи было выполнено большое количество работ по моделированию газет и журналов, множество из которых имели экспериментальный характер. В процессе разработки и выпуска изданий мы сталкивались с необходимостью идентифицировать ту или иную характерную особенность экспериментальных задач, определить тип эксперимента. Мы имели возможность убедиться в том, что метод эксперимента является неотъемлемой частью моделирования изданий, а также в практической значимости концепции философа и культуролога В.С. Библера о мысленном эксперименте как основе любой творческой деятельности [10].

Обобщая опыт экспериментального моделирования газет и журналов, мы убедились и в том, что информация, содержащаяся в модели издания, может диктовать условия проведения эксперимента, а эксперимент может служить источником для дальнейшей корректировки модели. Эта закономерность является источником дальнейшего совершенствования методики моделирования, потому что с каждым новым экспериментом она становится все совершеннее. И даже неудачный результат эксперимента может быть конструктивным источником, результативным фактором в дальнейшем опыте разработки или модернизации структуры и дизайна газеты или журнала.

Литература

1. *Кашинская Л.В.* Эксперимент как метод журналистской деятельности // Вестн. МГУ. Сер. Журналистика. 1986. № 6. С. 26–34.
2. *Мясников Ю.Н.* Технология моделирования и проектирования периодики региона. 2-е изд., доп., перераб. Томск: Изд-во НТЛ, 2010.
3. *Мишин В.М.* Исследование систем управления: учеб. для вузов. 2-е изд., стер. М.: ЮНИТА-ДАНА, 2005.
4. *Вершинин В.А.* Экспериментальный дизайн СМИ (внедрение в учебный процесс): Материалы Междунар. молодежного науч. форума «ЛОМОНОСОВ-2010» / отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев, А.В. Андриянов. М.: МАКС Пресс, 2010.
5. *Вершинин В.А.* Возможности адаптации метода эксперимента к моделированию и проектированию прессы региона. Проблемы массовой коммуникации: Материалы Всерос. науч. конф., 11–12 мая 2012 г. Ч. 1 / под общ. ред. В.В. Тулупова. Воронеж, 2012. С. 11–13.

6. *Эксперимент в дизайне: [учеб. пособие]* / сост. А. Лаврентьев. М.: Изд. дом «Универ. кн.», 2010.
7. *Тарасенко Ф.П.* Прикладной системный анализ: (Наука и искусство решения проблем): учеб. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
8. *Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П.* Основы системного анализа: учеб. 3-е изд. Томск: Изд-во НТЛ, 2001.
9. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1998.
10. *Библер В.С.* Мышление как творчество: (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975.

УДК 070: 7.012 (078)
DOI 10.17223/19986645/23/10

Ю.Н. Мясников, И.Ю. Мясников

МАТРИЧНОЕ КОМПЛЕКСНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ КАК СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ МЕТОДИКА УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ

В статье описывается развитие теории и практики моделирования изданий региона за счет появления методики матричного проектирования газет и журналов, которая рассматривается как специализированная методика управления проектами в медиасфере. Обобщается опыт лабораторий моделирования и проектирования изданий и редакционно-издательского дела Томского государственного университета. Описываются изменения в методологии и технологии моделирования, которые обусловлены превращением моделирования изданий в консалтинговую практику на современном медиарынке, а также рассматривается применимость категорий проектного управления в матричном проектировании.

Ключевые слова: моделирование и проектирование периодических изданий, матричная методика, контрактный дизайн, медиаконсалтинг.

Моделирование периодических изданий как корпус прикладных методик сегодня переживает пик своей востребованности. Кризисные тенденции развития рынка прессы, особенно регионального, противоречивые прогнозы относительно будущего прессы как общественного и экономического феномена, с одной стороны, и многообразие форм и моделей существования и развития прессы – с другой, порождают изменения на медиакартах регионов, позволяя открывать новые издания и заставляя трансформировать старые. В этом контексте теория и практика корректировки моделей региональных изданий также претерпевают существенные изменения, связанные и с парадигмальными сдвигами в мире газет и журналов в целом, и с новыми тенденциями в практике моделирования, которое постепенно оформляется как самостоятельная сфера медиадетальности. Этот процесс требует все большей включенности моделирования в практику медиаиндустрии, соответственно, востребованным является появление новых, актуальных вариантов методик моделирования, учитывающих опыт, накопленный практиками за последние десятилетия.

Разрабатываемая на факультете журналистики Томского госуниверситета методика комплексного моделирования периодических изданий, представляющая собой набор прикладных методик решения проблем в сфере медиапроектирования, постоянно обогащается за счет появления новых версий, ориентированных на задачи различного фокуса. Так, появляется проблемно-ориентированная методика для корпоративной прессы, упрощенная методика для учебного моделирования, а также контрактное моделирование, которое не только описывает процесс производства новой модели, но и в некоторой мере регламентирует отношения его участников и т.д. [1].

Представляемая в настоящей статье технология матричного проектирования обязана своим появлением именно контрактному характеру многочис-

ленных современных инициатив в сфере моделирования – моделирование становится феноменом медиарынка в составе более общей системы медиа-консалтинга.

Матричное проектирование как управленческая методика

Корректировка модели издания, как и любая другая форма разнообразной деятельности, обозначаемой сегодня словом «редизайн», безусловно, относится к производственно-творческим задачам. Однако обогащение медиарынка сектором консалтинговых услуг и превращение редизайна из внутренней редакционной функции в сервис на контрактной основе несомненно требует новых методик моделирования. Обновленные формы одновременно и проще и сложнее традиционных – несмотря на необходимость их регулярного, технологичного использования (упрощение), они должны обогащаться элементами, позволяющими учитывать многообразие рыночных реалий (усложнение). Методика моделирования в этих условиях превращается в управленческую методику, принципиально обуславливая не только появление результата, но и порождая многообразные проявления и функции ответственности исполнителя за этот результат.

Технология управления матричным комплексным проектированием периодических изданий, представленная в виде схемы на рис. 1, закономерный результат трансформации принципиальной схемы контрактного моделирования и проектирования газет и журналов [1. С. 49].

Как и в любой другой версии комплексного моделирования периодических изданий, схема является визуализацией управленческого процесса. Ее визуальная сложность отражает реальное многообразие действий и операций, необходимых для реализации проекта по моделированию издания.

Приведенная схема является матрицей содержания проекта по корректировке модели, статическим отражением принципа применения матрицы в качестве «навигатора», руководства, предназначенного главным образом для исполнителей договорных НИР, разработчиков реальных и учебно-экспериментальных газет и журналов, их реализации в виде функционирующих изданий разного типа. А именно – матричным отражением последовательности уровней комплексного моделирования (типологического, тематического, жанрового, композиционного и графического) и последовательности этапов моделирования (F1–F3), а также этапа разработки модели издания (F-4) в виде его комплексной концепции и проектных предложений.

Этот этап может быть заключительным в решении учебно-экспериментальных, инициативных и контрактных прикладных задач или в практике взаимодействия разработчиков с «продвинутыми» редакциями, имеющими высокопрофессиональную дизайнерскую службу и свои представления о «лице» газеты или журнала, стиле его оформления.

Как правило, такие редакции ставят перед разработчиками упрощенные задачи: разработка модели издания как его концепции, формирование предложений по структурообразованию. Задачи по воплощению концепции газеты (журнала) или в виде нового проекта, или перевода издания на новые принципы систематизации содержания и оформления, как правило, решаются редакцией самостоятельно.

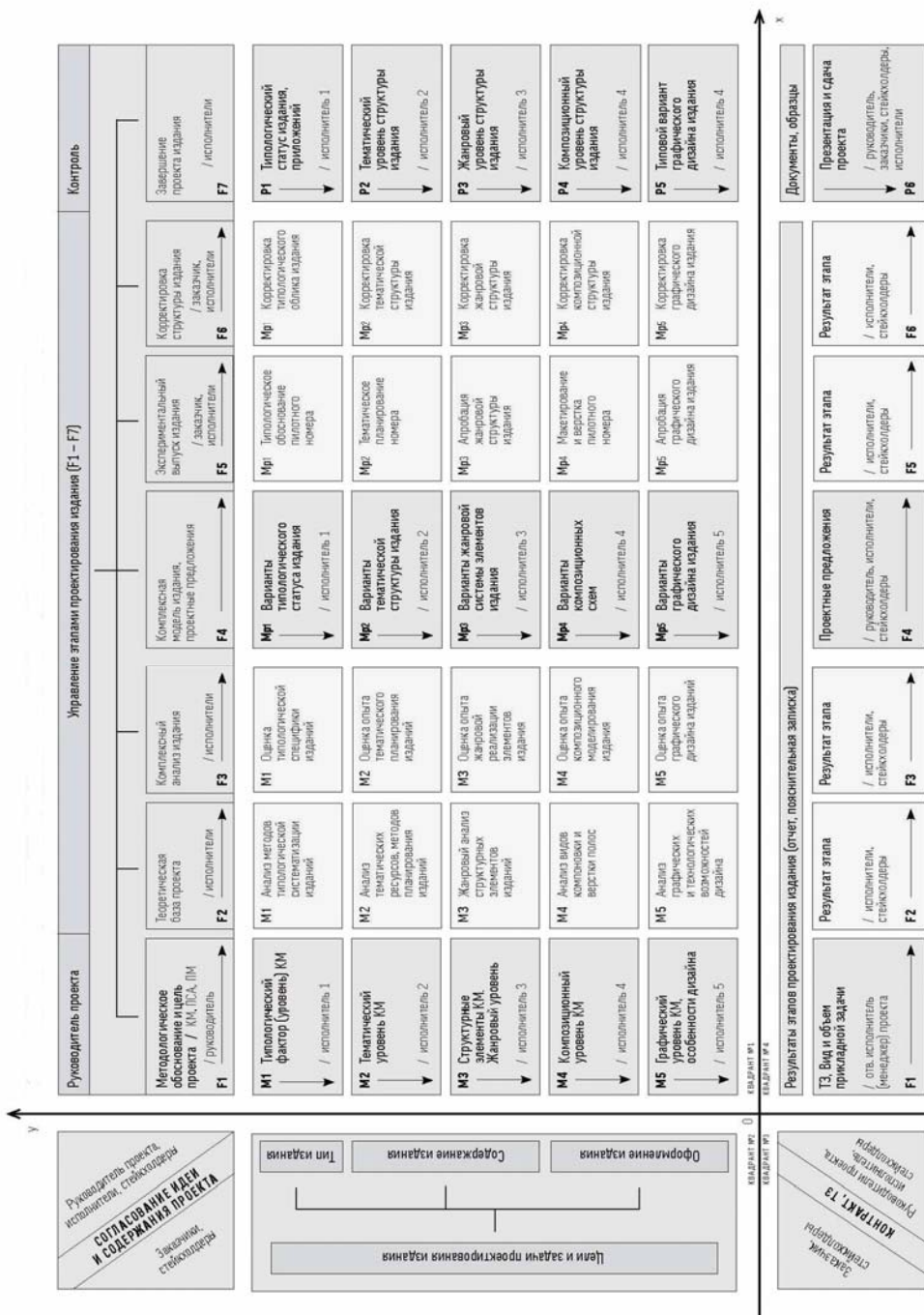

Рис. 1. Схема управления матричным комплексным моделированием периодических изданий

Необходимо отметить, что в условиях моделирования как консалтинговой деятельности именно этот вариант является самым распространенным – пользователи рынка предпочитают готовый продукт, «упакованный» в виде, например, книги стиля и шаблонов верстки, прочие этапы в бизнес-терминологии чаще всего считаются «сопровождением» этого продукта (это нередко приводит к недооценке последующих этапов, например корректировки модели после пилотного выпуска, однако нам важно, что внимание заказчика сосредоточено именно на проектных предложениях).

В моделировании же «сопровождение» (сам термин указывает на мнимую дополнительную, необязательность этих этапов) превращается в крайне важный элемент проектной разработки. Именно здесь модель превращается в проект, и вопрос заказчика о том, как применить полученный результат, получает зримый ответ.

Матричный механизм в контрактной и других схемах проектирования является системообразующим исполнительским механизмом, расширяющим пределы комплексного моделирования до *полной разработки проекта*. Такая разработка включает экспериментальную апробацию его модели, например, в виде выпуска совместно с представителями заказчика пилотного номера газеты или журнала (F5), далее – его анализа и оценки, затем в виде выпуска корректировочных номеров (F6) и, наконец, завершения проектных работ на заключительном этапе F7: подготовки пакета документов, например, сетевых графиков, комплектов типовых макетов, образцов графических элементов полос, разворотов и др., для предъявления заказчику.

Необходимо отметить, что настоящий вариант методики приближает комплексное моделирование (изначально разрабатываемое как приближенный к российским реалиям комплекс технологий) к западной технике реди-зайна. Это приближение естественно: оно фиксирует актуальный для газетной индустрии процесс коммерциализации отечественной прессы, который роднит ее с зарубежным медиарынком. Однако поскольку процесс этих трансформаций (рыночных в том числе) крайне далек от какой бы то ни было стабилизации, моделирование по-прежнему остается востребованным как методика, реагирующая на живые процессы в региональных СМИ.

Типы взаимодействия с заказчиком в контрактном моделировании

Практика двух лабораторий – моделирования и проектирования изданий и редакционно-издательского дела факультета журналистики ТГУ, где методика комплексного моделирования получает экспериментальную апробацию (более 50 проектов региональных изданий в 2008–2013 гг.), свидетельствует о том, что большинство (60–70 %) заказчиков предпочитает занимать позицию невмешательства в дела исполнителей и в силу разных причин довольствуется матричным представлением о содержании проекта, информированием их о результатах уровней моделирования, этапов выполняемых работ, соответствующих техническому заданию как неотъемлемой части договора.

Однако не менее 30 % заказчиков (в качестве которых выступают издатели, редакторы, владельцы изданий) при заключении договоров заявляют о своем желании непосредственно участвовать в процессе моделирования и проектирования системы содержания и оформления газет и журналов. В этом случае у исполнителей возникает ряд специфических проблем и появляется

необходимость поиска механизмов их решения. Например, необходимость удовлетворения нестандартных и неожиданных запросов редакторов, существенно различающихся по психологии и формам предъявления своего профессионального «я». Многолетний опыт работы лабораторий позволяет выделить наиболее характерные и распространенные по стилю партнерского взаимодействия типы – «конструктивные», «пассивные», «директивные».

Условно названный нами «конструктивным» тип партнера по контракту (заказчика) наиболее предпочтителен для исполнителей, т.к. он отличается активным поведением, интересом к идее, концепции, методикам проектирования изданий, с желанием использует появляющиеся возможности своего профессионального роста, обнаруживает конструктивный подход к промежуточным и конечным этапам работы. Такая позиция заказчика, разумеется, требует от исполнителей повышенной ответственности, теоретической и практической состоятельности.

Именно заказчиками такого типа являлись, например, редакции «Шегарского вестника», журнала «БИТ. Бизнес и техника», изданий «Городская газета. Томск» и «Северная широта» (Санкт-Петербург).

Проблемные ситуации во взаимодействии с некоторыми «пассивными заказчиками» возникают на этапе завершения проектирования или корректировки издания в виде синдрома «чужой», «не нашей» газеты. Этот тип взаимодействия может быть назван формальным – формально процесс корректировки модели издания осуществляется, институциональные его признаки наличествуют: специалисты заняты, результаты презентуются, работа оплачивается, но модель чаще всего... остается в виде проектных предложений, так и не реализованных в реальной практике. При этом «пассивный» партнер может являть внешние признаки конструктивного: он часто доброжелателен, проявляет интерес к процессу разработки, однако в действительности результаты контрактного взаимодействия им востребованы мало. Чаще всего «пассивный» партнер является руководителем временным, уступая свое место во взаимодействии с разработчиками «конструктивному» или «директивному» типу участника проекта.

«Директивный» тип предъявления «я» редактора или владельца газеты или журнала (по данным, которыми мы располагаем) выражается:

- в активном, порой непредсказуемом вмешательстве в действия ответственного и профильных исполнителей, научного руководителя проекта, попытках предъявления «новых идей», неоправданного внесения изменений в процессе проектирования издания в утвержденное и принятое к исполнению техническое задание;

- произвольном подходе к внедрению или использованию результатов моделирования и проектирования издания после сдачи договора, нередко вызывающем принципиальные возражения и даже претензии исполнителей. Нам приходилось сталкиваться с декларированием заказчиком права необязательного, произвольного или выборочного следования проектным предложениям исполнителей после оплаты выполненных ими работ и в конечном счете с отношением к выполненному проекту как к приобретенному товару с правом использовать его по своему усмотрению, внедрять полностью, частично или не внедрять вовсе. Или, наконец, вносить в проект непрофессио-

нальные изменения, грубо искажающие концепцию и систему содержания газеты или журнала, концепцию и принципы дизайна.

Для практики организации или реорганизации работы редакций некоторых видов изданий (например, корпоративных, школьных, структурных подразделений вузов) характерен и вариант «директивного» управления, связанный с непосредственным выполнением руководителем функций редактора газеты или активно пишущего автора при отсутствии у него профессиональных знаний и навыков работы в этой области. Аналогичные проблемы нередко возникают в практике районных, городских, многотиражных и корпоративных газет при назначении редактором «человека администрации», «представителя руководства», некомпетентного в журналистике и в системе организации работы редакции. Подмена профессионального руководства творческим коллективом авторитарным администрированием приводит либо к хаотическому удовлетворению амбиций руководителя, либо к разрушению системности, плановости в реализации содержания, концептуальности и качества дизайна газеты или журнала.

Взаимодействие с заказчиком в моделировании: новые способы

Новый опыт стимулирует включение принципиально иных требований к организации взаимодействия заказчика и исполнителя, иных путей реализации функционально-матричного подхода, иных принципов согласования и программирования объема, уровней и этапов работ на доинвестиционном этапе. В частности, это включение в процесс взаимодействия заказчика и исполнителя возможного соучастия заказчика в управлении проектированием газеты или журнала (например, в управление содержанием проекта на всех уровнях и этапах матричного моделирования и проектирования издания, его апробации, корректировки и сдачи в виде отчета, пакета документов и образцов элементов издания).

Симметричным этому шагом в реорганизации матричного подхода к проектированию изданий является:

- введение активного управленческого начала в исполнительские этапы (квадранты I и IV принципиальной схемы контрактного моделирования изданий) (см. рис. 1);
- функциональное позиционирование и назначение руководителя проекта (или наделения научного руководителя полномочиями руководителя проекта, организующего и контролирующего этапы всего комплекса работ);
- наделение функциями менеджера проекта его ответственного исполнителя;
- назначение профильных исполнителей в соответствии с уровнями комплексного моделирования, ответственных за поэтапное выполнение соответствующих их профилям прикладных задач (этот принцип хорошо известен в практическом проектном управлении: «у каждой задачи есть имя»).

В этом случае схема (квадрант I) выполняет роль не только *матрицы содержания* проекта, но и *матрицы ответственности*.

Таким образом, функциональная трансформация схемы контрактного моделирования заключается в превращении доинвестиционной его части (квадранты II и III) из блока согласования условий проектирования в блок определения целей и задач проекта и управления соответствующими им объемами

работ, осуществляемых и заказчиком, и руководителем проекта. Так, совокупность творческих задач превращается фактически в бизнес-процесс – со всеми вытекающими возможностями применения законов проектного управления и бизнес-администрирования.

В этой связи целесообразным представляется обращение к понятиям и технологии использования в теории и практике проектного менеджмента «пакета работ», «дерева работ» (World Breakdown Structure – WBS), которые служат именно разработке структурной схемы административного управления проектом [2, 3].

Специалисты в области проектного менеджмента подчеркивают, что «для обеспечения эффективности управления проектом при разработке плана необходимо:

- учесть в плане каждый раздел, этап и работу (как единицу измерения труда) проекта;
- учесть в плане участие каждого контрагента, т.е. организацию, участвующую в проекте;
- обеспечить распределение ответственности [2].

То есть необходимо четко определить уровни и объемы ответственности в проекте. Это может быть сделано в схеме организационной структуры проекта (Organization Breakdown Structure – OBS) [2]. Важно понимать, что в матрице ответственности определяются основные исполнители по пакетам работ. В нашем случае это исполнители уровней комплексного моделирования (M1-M5).

Эти понятия широко представлены в многочисленных научных трудах по проектному менеджменту и системному анализу (см., например, работы Р. Аккофа, Э. Верзуха, Ф. Перегудова и Ф. Тарасенко [4–7] и др.) или в классическом варианте матрицы ответственности, представленном в фундаментальном пособии «Управление проектом», изданном в 2006 г. под редакцией М.Л. Разу [2].

Таким образом, воплощенная в новой схеме управления матричным комплексным проектированием газет и журналов функциональная парадигма управления WBS – OBS обеспечивает декомпозицию целей и задач в механизме управления типологической, содержательной и оформительской составляющими проекта и позволяет привлечь в качестве соруководителя проекта «проблемного» заказчика или его представителя на этапе согласования и точного определения содержания технического задания, заключения контракта, жестко регламентирующего полномочия и действия договаривающихся сторон в пределах доинвестиционного этапа принципиально трансформированной в задающем секторе схемы (квадранты II, III).

Не менее принципиальные изменения вносит бизнес-логика и в исполнительский сектор моделирования (квадранты I, IV). Следует подчеркнуть, что содержание этих работ, их целевые и функциональные особенности существенно не меняются – моделирование осуществляется в соответствии с базовыми профессиональными принципами и высокими профессиональными стандартами, стоит ли за процессом моделирования контракт, проблемный заказчик или нечто иное.

Однако важным представляется обязательное внедрение параллельного «дерева работ» (WBS) также и «дерева их организации» (OBS) с наделением функцией руководителя проекта научного руководителя и функцией действующего менеджера проекта его ответственного исполнителя. Весьма значительными полномочиями соруководителя проекта наделяется редактор (издатель) газеты или журнала или другое полномочное лицо, выступающее в качестве заказчика.

Практика подтверждает, что в этом случае повышается эффективность взаимодействия заказчика и исполнителя проекта. Кроме того, у руководителя проекта появляется возможность сдерживания непредсказуемых или волевых амбиций и притязаний руководителя проектируемого или корректируемого СМИ. Наиболее действенными факторами повышения эффективности взаимодействия заказчика и исполнителя стали следующие формы стимулирования заинтересованности заказчика в практической результативности проектирования газеты или журнала.

1. Перспектива теоретической и практической переподготовки заказчика или его представителя по программе, соответствующей последовательности этапов работы. Теоретической – в виде обучения заказчика основам теории и практики моделирования, ознакомления его с методикой и результатами комплексного анализа изданий-аналогов и привлечения представителей заказчика к разработке концепции (модели) издания и соответствующих контролируемым им уровням работ проектных предложений по системе содержания и оформления издания (на уровнях согласования или совместной деятельности). Привлечение заказчика к практике выпуска экспериментального и корректировочных номеров газеты или журнала (F5, F6) и к завершающей фазе проектирования (F7). (Например, при условии результативного взаимодействия в приведенных выше формах и фазах работы заказчики получают сертификат о повышении квалификации.)

2. Обязательное привлечение на доинвестиционном этапе и этапе экспериментального внедрения модели стейкхолдеров из числа квалифицированных специалистов по проектированию СМИ, заинтересованных сторон, в т. ч. из числа представителей заказчика, как эффективного фактора контроля и объективной оценки промежуточных и конечных результатов.

3. Повышение требовательности к профильным исполнителям, ответственным за организацию поэтапной сдачи проекта (F1–F6), взаимодействие договаривающихся сторон на заключительном этапе (F7) и оформление приемо-сдаточного акта по контракту.

4. Соблюдение этики, толерантности при взаимодействии представителей заказчика и исполнителя в процессе поиска конструктивных вариантов решения возникающих проблем.

Таким образом, матричное проектирование выделяется в ряду других версий методик комплексного моделирования набором отличительных черт в планировании и организации работ, обеспечением эффективного взаимодействия договаривающихся сторон и соответствующими методологически значимыми подходами к решению задач, основывающихся на ряде принципов системного анализа и проектного менеджмента. Об этом свидетельствует целый комплекс проектов лаборатории моделирования и проектирования пе-

риодических изданий факультета журналистики Томского государственного университета, в частности модели газет «Шегарский вестник» (Томская область), «Голос времени» (Красноярский край), изданий группы «Курьер-Советник», «Петровский курьер» (Санкт-Петербург), «Санкт-Петербургский курьер», «Новое время» (Северск), «Северная широта» (Санкт-Петербург), «Вестник ГХК» (Железногорск), журналов «На фоне Пушкина» и «Театральная площадь» (Томск).

Литература

1. Мясников Ю.Н. Технология моделирования и проектирования периодики региона. Томск: Изд-во НТЛ, 2010.
2. Управление проектом. Основы проектного управления: учеб. / под ред. М.Л. Разу. М.: КНОРУС, 2006.
3. Уэбстер Г. Планирование и управление проектами для менеджеров / пер. с англ. М.: Дело и сервис, 2006.
4. Акофф Р. Искусство решения проблем. М.: Мир, 1987.
5. Верзух Э. Управление проектами: ускоренный курс по программам MBA / пер. с англ. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007.
6. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Основы системного анализа: учеб. 3-е. изд. Томск: Изд-во НТЛ, 2001.
7. Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ: учеб. М.: Кнорус, 2010.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI 10.17223/19986645/23/11

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «КНИЖНОСТЬ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ» (Томск, ТГУ, 14–15 июня 2012 г.)¹

Современная цивилизация характеризуется повышенным вниманием к проблеме взаимодействия конфессиональных культур. Они строят свою жизнь на основе религиозного (священного) текста и поэтому могут стать исследовательской площадкой для решения вопросов о динамической связи этноконфессиональной книжности с самыми разными формами социальной и культурной практики. Это определило проблемное поле симпозиума «Книжность этноконфессиональных культур прошлого и настоящего: методология, методика и практика исследования», призванного обобщить опыт изучения конфессиональной книжности в различных этнических, социальных и территориальных средах.

Конфессиональный текст имеет свою специфику. Он глубоко символичен, предполагает толкование и требует особой читательской подготовки. Это обстоятельство делает крайне важным понимание общего и особенного в его создании и бытовании. Впервые в научной практике была предпринята попытка собрать вместе специалистов из разных областей гуманитарного знания – филологов, историков, философов, культурологов, религиоведов для того, чтобы обсудить задачи и перспективы изучения системной зависимости «человек – религиозный текст – среда».

Работа симпозиума была организована таким образом, чтобы участники познакомились с исследовательскими подходами коллег из смежных, но редко пересекающихся областей научного знания и имели возможность для дискуссии.

Первый день был посвящен развернутым докладам, представляющим разные конфессиональные культуры. С докладами, освещающими различные аспекты бытования кириллического текста и методы его изучения, выступили д-р филол. наук О.Н. Бахтина, проф. каф. русской и зарубежной литературы Томского государственного университета («Роль конфессиональной книжности в жизни общества прошлого и настоящего»); д-р ист. наук И.Н. Данилевский, зав. каф. истории идей и методологии исторической науки Высшей школы экономики («Конфессиональные тексты как источник по истории Древней Руси: к постановке проблемы»); д-р ист. наук В.В. Керов, проф. каф. истории России Российского университета дружбы народов («Щета убытка и прибытка...» хозяйственная книжность как форма социокультурной коммуникационной культуры»); д-р ист. наук Е.Е. Дутчак, проф. каф. отечественной истории Томского государственного университета («Конфес-

¹ Мероприятие проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-1452).

сиональный текст и процессы формирования регионального социума: «мы – христиане, сибиряки, а раньше по паспорту писались русскими»). Восточная» конфессиональная традиция была представлена в докладах д-ра ист. наук И.П. Глушковой, гл. науч. сотр. Центра индийских исследований Института востоковедения РАН («Из склепа на пьедестал. «Днянешвари», бог Витхоба и Махараштра (Индия) и д-ра филос. наук А.А. Базарова, вед. науч. сотр. Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН («Литература парчин в Бурятии: между философией и ритуалом»).

Уже первый день работы симпозиума обозначил ключевую проблему – что следует считать конфессиональной книжностью, насколько широко или, наоборот, суженно следует употреблять это понятие. Для одних исследователей с конфессиональной книжностью связывается только жизнь Священного текста, Книги с большой буквы, для других – любой текст, отражающий конфессиональное сознание его создателей и хранителей.

Второй день работы симпозиума начался с секционных заседаний. Доклады участников проходили в рамках пяти секций. На первой секции «Проблемы поиска и введения в научный оборот памятников конфессиональной книжности» (рук. Е.И. Дергачева-Скоп (Новосибирск), О.Г. Ровнова (Москва)) были заслушаны и обсуждены доклады: д-ра филол. наук Е.И. Дергачевой-Скоп об итогах и перспективах археографического изучения Сибири, асп. А.А. Юдина об источниках так называемого Третьего Азбуковника и специфических особенностях Томского списка этого памятника, д-ра ист. наук С.В. Бурасовой об апокрифических сочинениях в старообрядческой книжности Забайкалья. Д-р ист. наук В.А. Есипова рассказала о палеографических проблемах описания рукописей на бересте XX в., канд. филол. наук О.Г. Ровнова представила современную уникальную старообрядческую рукопись из Южной Америки, поставив проблемы жанрового определения произведения и принципов его публикации.

На второй секции «Конфессиональный текст и литературное произведение: проблемы взаимодействия» (рук. Л.А. Ходанен (Кемерово), И.А. Поплавская (Томск)) на разном материале: повесть А.С. Пушкина «Выстрел» в докладе д-ра филол. наук И.А. Поплавской, неоконченное стихотворение М.Ю. Лермонтова «Это случилось в последние годы могучего Рима...» в докладе д-ра филол. наук Л.А. Ходанен, проза А. Ремизова 1920-х гг. в докладе канд. филол. наук З.А. Чубраковой, роман Ф. Горенштейна «Псалом» в докладе канд. филол. наук Т.Л. Рыбальченко, произведение С. Алексиевич «Чернобыльская молитва» в докладе Сайни Сону (Дели, Индия) и др. – были рассмотрены формы восприятия и интерпретации библейских текстов, приемы введения священного текста, причины цитирования, особенности трактовки Нового Завета. В докладах рассматривался круг актуальных проблем методики анализа и теоретико-методологических принципов интерпретации христианской проблематики в русской литературе XIX–XX столетий и были представлены модели исследовательских стратегий в современной филологии: в частности, в докладе д-ра филол. наук О.А. Дашевской «Православный текст в русской литературе XX в.: историко-теоретические аспекты изуче-

ния» рассматривался вопрос о характере и особенностях методологии секулярного (научного) и религиозного (богословского) литературоведения.

На третьей секции «Конфессиональная книжность как индикатор социальных изменений» (рук. И.П. Глушкова (Москва), О.А. Жеравина (Томск)) были представлены доклады, охватывающие вопросы конфессиональной книжности широкого географического ареала, включающего европейскую часть России, Сибирь, Поволжье, Пиренеи, Латинскую Америку, Украину и Армению. Широким оказался и хронологический диапазон – от Средневековья и раннего Нового времени до сегодняшнего дня. В ряде докладов проблематика секции раскрывалась на материалах украинской и русской полемической литературы XVI–XVII вв. (канд. ист. наук Т.А. Опарина), письменной традиции староверов-«самокрестов» (Е.А. Агеева), богослужебных певческих книг староверов-странников (канд. искусствоведения Т.Г. Казанцева), книжности духовных христиан-молокан (канд. культурологии Л.Г. Жукова), университетских уставах Саламанки XVI в. (канд. ист. наук О.А. Жеравина), документах испанской инквизиции г. Сьюдад Реаль (канд. ист. наук Г.С. Зеленина). При всем разнообразии предметов проведенных исследований их результаты, прозвучавшие в докладах, позволили в каждом отдельном случае представить социальный фон и его трансформации, связанные с процессами, которые протекают в рамках этноконфессиональных книжных культур.

На четвертой секции «Конфессиональная книжность в историко-культурном контексте» (рук. М.И. Никола (Москва), Н.И. Сазонова (Томск)) были заслушаны следующие доклады. Д-р филол. наук М.И. Никола («Откровения Божественной любви» Юлианы из Нориджа и «Книга Марджери» М. Кемп из Линна как образцы английской духовной прозы конца XIV – начала XV в.) показала индивидуальность каждого автора, их вклад в становление письменного языка и литературной традиции английского Средневековья. В докладе канд. филол. наук М.Н. Климовой «Святость и соблазн (образ Марии Египетской в русской литературе)» был рассмотрен процесс отражения выдающегося агиографического памятника – Жития Марии Египетской в русской литературе Нового времени: от И.С. Аксакова до современной исполнительницы авторской песни С. Копыловой. В докладе д-ра филос. наук Н.И. Сазоновой «Антропология в конфессиональном тексте: к проблеме взаимодействия текста и культуры (на примере православного богослужебного текста)» осмыслены теоретические и методологические проблемы изучения конфессионального (богослужебного) текста в качестве источника постижения особенностей религиозного сознания и на примере литургической реформы патриарха Никона рассмотрена трансформация духовных смыслов книжных текстов и ее влияние на культурное развитие России.

На пятой секции «Коммуникативная ситуация: носитель книжной культуры – конфессиональный текст – исследователь» были представлены доклады д-ра ист. наук Я.Г. Шемякина «О характере соотношения Текста, Языка и Шрифта в цивилизациях «пограничного типа»; д-ра филос. наук С.С. Аванесова «Аллегорическое и буквальное в герменевтике сакрального текста»; канд. ист. наук О.Д. Шемякиной «Манихео-гностический комплекс «бедного рационализма». К вопросу о скрытой религиозности в научном дискурсе»; Е.А. Ким «Взращивание плодов веры»: к проблеме интерпретации

полевых экспедиционных материалов немецких исследователей Сибири первой половины XVIII в.; канд. ист. наук К.А. Кузоро «Применение метода компаративного анализа при изучении трудов российских церковных историков XVIII–XIX вв.», д-ра ист. наук О.М. Рындиной «Берестяные табакерки хантов как мифологический текст (к проблеме толкования)»; канд. ист. наук Л.Н. Приль «Женские тексты таежной общины-изолята: к проблеме содержания и смысла»; канд. филол. наук Г.Н. Стариковой «О проекте «Томского старообрядческого словаря» (на материале бытовых текстов общинников)». По мнению руководителей этой секции Я.Г. Шемякина (Москва) и О.М. Рындиной (Томск), результаты работы секции свидетельствуют о том, что изучение коммуникативной ситуации «исследователь – конфессиональный текст» требует специального развития междисциплинарных подходов, с помощью которых в дальнейшем и можно будет анализировать смысловые ядра разных этноконфессиональных сообществ и роль человека – как исследователя, так и носителя конфессиональной традиции – в сохранении этнокультурных комплексов.

Симпозиум завершился круглым столом «Перспективы конфессиональной книжной культуры в современной цивилизации» (ведущие: В.В. Керов (Москва), О.Н. Бахтина (Томск). Помимо подведения общих итогов работы симпозиума, на нем состоялось обсуждение доклада д-ра филос. наук В.Н. Сырова (Томск) «Перспективы конфессиональной книжной культуры в современной цивилизации: роль конфессиональной книжности в сохранении книжной культуры». Исследователь обратил внимание присутствующих на то обстоятельство, что именно конфессиональный текст требует особых читательских практик, сохраняющихся и сегодня, несмотря на порой резко изменяющиеся условия жизни общества. На материале таких традиционных религиозных культур, как старообрядчество, буддизм, индуизм и др., была выявлена типологическая общность в использовании Священных текстов в прошлом и настоящем. С одной стороны, Священный текст по-прежнему обладает авторитетом богодухновенного текста, с другой – статус конфессионального текста получают и различного рода комментарии к нему.

Особое значение имеет, на наш взгляд, мнение, высказанное в дискуссии о том, что сакральное содержание может иметь разные воплощения, поэтому наряду с развитием методик исследования смыслов этноконфессиональной книжности необходимо изучение как её графики, так и материальной среды возникновения и бытования этноконфессиональных текстов в современном социуме.

Общий вывод работы симпозиума состоит в том, что при определении социальной роли конфессиональной книжности следует исходить из основных принципов системного подхода, являющегося методологической базой изучения этноконфессиональных культур прошлого и настоящего. Именно Книга (Священный текст, его толкования, комментарии, сочинения Отцов церкви, выдающихся проповедников, Учителей и наставников) становится основанием для системного анализа процессов сохранения и развития той или иной этноконфессиональной общности. Участие в работе симпозиума представителей различных гуманитарных наук, занимающихся изучением разных историко-культурных объектов, позволило поставить вопрос о типо-

логии конфессиональной книжности, о возможности создания обобщенной модели коммуникативной ситуации: Человек – Книга – социальная (конфессиональная) среда.

Участники симпозиума пришли к выводу о теоретической и практической значимости и актуальности обсуждавшихся проблем и необходимости дальнейших усилий по их решению.

В работе симпозиума приняли участие 60 человек (очно и заочно), из них 4 иностранца, 5 кандидатов наук до 39 лет.

В подготовке и проведении симпозиума приняли участие также магистранты исторического факультета ТГУ, проходящие научно-организационную практику (рук. д-р ист. наук Е.Е. Дутчак) – А. Бузанова, О. Говорчук, И. Казаков, А. Леонова, Н. Лисина, Р. Лукьянов, В. Матюжина, О. Матюхина, А. Рогалева, М. Юрьева. Молодые ученые и студенты, присутствовавшие на пленарном заседании и участвовавшие в работе секций, получили прекрасную возможность общения с ведущими специалистами с целью установления научных контактов и повышения своей профессиональной компетенции.

О.Н. Бахтина,
д-р филол. наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Томского государственного университета
E-mail: bakhtina@mail.tsu.ru

Е.Е. Дутчак,
д-р ист. наук,
профессор кафедры отечественной истории
Томского государственного университета
E-mail: dee010@mail.ru

DOI 10.17223/19986645/23/12

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОТИВОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИКЕ XXI В.

(Томск, ТГУ, 24–26 октября 2012 г.)

В Томском государственном университете 24–26 ноября 2012 г. состоялась первая Международная конференция «Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.». Конференция была посвящена 95-летию основания историко-филологического факультета ТГУ. Организатор конференции – коллектив кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета. Председатель оргкомитета – доктор физико-математических наук, профессор, ректор ТГУ Г.В. Майер.

Выбор темы конференции приурочен к 40-летию основания (начало 70-х гг. XX в.) в рамках томской диалектологической школы нового научного направления – мотивологического, получившего в 90-е гг. ранг научной школы.

Международная конференция по мотивологии проведена впервые. В предшествующие годы обсуждение её проблем и направлений осуществлялось на ежегодных конференциях вузов Западной Сибири, которые по числу и составу участников носили общероссийский характер.

В арсенале современной школы десятки защищенных кандидатских и докторских диссертаций, монографические издания, многоаспектные исследования в сфере описательной и сопоставительной мотивологии, серия мотивационных словарей нового типа, один из которых («Мотивационный словарь Среднего Приобья») отмечен Государственной премией в области науки и техники, ряд проектов неоднократно поддержан грантами президента РФ, РГНФ.

Значительно расширилась «география» мотивологических исследований.

На прошедшую конференцию было подано 60 заявок от кандидатов и докторов наук (последние преобладали) из Чехии (Брно), Казахстана (Алма-Аты, Кокчетав), городов России (Москва, Санкт-Петербург, Белгород, Нижний Новгород, Самара, Екатеринбург, Барнаул, Бийск, Красноярск, Лесосибирск, Благовещенск, Новосибирск, Кемерово).

Основное научное направление конференции – КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ МОТИВОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК.

Программа конференции была рассчитана на два пленарных заседания (в первый и последний дни конференции) и заседания трёх секций. К началу конференции были опубликованы аннотации докладов участников конференции и коллективная монография «Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.» (ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 322 с.), выполненная по материалам заранее представленных докладов участников конференции. Были подготовлены стендовые доклады ученых, принимавших заочное участие в конференции.

Совместно с сотрудниками Научной библиотеки ТГУ (М.И. Алексеева и др.) была организована Выставка трудов томской мотивологической школы, отражающих публикации начиная с 70-х гг. XX в. и кончая первым десятилетием XXI в. В приуроченном к выставке втором издании библиографическо-

го указателя «Мотивология» (Томск, 2012. 146 с.) насчитывается 1220 номинаций.

Пленарное заседание первого дня конференции (24.10.12) было открыто приветственным словом декана филологического факультета ТГУ Т.А. Демешкиной. Все доклады, прочитанные на пленарном заседании, были посвящены научным направлениям, по которым проводилась конференция.

Пленарный доклад основателя томской мотивологической школы О.И. Блиновой был посвящён теме «Мотивология на современном этапе». Подводя краткие итоги истекшего периода, докладчик остановилась на характеристике мотивологических исследований начала века: лексикографических (создание и публикация мотивационных словарей разных типов: толково-описательных и мотивационно-сопоставительных) и функциональных, выполненных на материале поэзии и прозы.

Следующие доклады были посвящены одной из ключевых проблем мотивологии – проблеме внутренней формы. Оригинальные трактовки внутренней формы фразеологизмов предложили В.М. Мокиенко (С.-Петербург) (доклад «Мотивация демотивируемого: проблемы анализа внутренней формы слова фразеологии») и Н.Ф. Алифиренко (Белгород) (доклад «Предзнаковые формы мотивации фразеомосемиозиса»), обратив внимание на исключительную сложность фразеологического феномена языка и специфику его смысловой организации.

С докладами о внутренней форме слова выступили Н.Д. Голев (Кемерово) («Внутренняя форма слова: антиномический анализ») и Л.И. Шелепова (Барнаул) («Внутренняя форма слова: лингвокультурологический аспект»), которые подошли к обсуждаемой проблеме с разных позиций: методологической и лингвокультурологической.

Л.Г. Зубкова (Москва) представила стендовый доклад с всесторонней разработкой ономаσιологического подхода к мотивированности «Ономаσιологический подход к мотивированности как принципу знака»; в жанре стендового доклада категория мотивированности исследована в аспекте общности и специфики М.Э. Рут (Екатеринбург) («Номинация и мотивация – схождения и различия»).

Вторая часть пленарного заседания была продолжена в тот же день. Обсуждены следующие доклады.

Когнитивным исследованиям были посвящены доклады З.И. Резановой («Внутренняя форма слова в тексте: когнитивно-функциональный аспект»), Л.А. Араевой («Когнитивное описание словообразовательной ниши (на материале диалектных суффиксальных существительных)», Г.В. Калиткиной («Мотивированность имён концепта «традиция» в среднеобских говорах»). «Мотивологический анализ регулятивных возможностей текстовых парадигм в лирике Серебряного века» представила Н.С. Болотнова («Регулятивный потенциал текстовых парадигм мотивационного типа); рассмотрена мотивация с позиции интегративной лингвистики в докладе Л.К. Жанаалиной (Алматы, Казахстан) («Мотивация однословных и неоднословных номинаций»).

Проблемам мотивологии посвящены стендовые доклады А.Д. Жакуповой (Кокчетав, Казахстан) («Многоязычная лексикография: сопоставительно-

мотивологический подход») и А.Г. Антипова («Морфонологическая мотивированность производного слова в русских говорах»).

Секционные заседания (25.10.12) проходили под эгидой научного направления КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ МОТИВОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК.

В докладах секции № 1 **«Метаязыковое сознание. Мотивированность»** обсуждались проблемы, заявленные в названии секции.

Метаязыковое сознание анализировалось как способ исследования (И.В. Тубалова (Томск. «Метаязыковое сознание как инструмент исследования цитатных речевых стратегий»); как фактор осознания мотивированности слов (К.В. Гарганеева (Томск). «Роль осознания мотивированности слова в развитии метаязыковой способности ребёнка: лексический аспект»); как источник исследования на различном материале: словарном (В.Г. Арьянова (Томск). «Словарь фитонимов Среднего Приобья как источник исследования метаязыкового сознания диалектоносителей»); по данным метатекстов (А.С. Разина (Томск). «Метатекст как источник исследования образных слов»); результатов проведения психолингвистических экспериментов (А.Н. Миронова (Томск). «Сочетаемость мотивированных синонимов по данным психолингвистического эксперимента»).

Проблема мотивированности в мотивационно-сопоставительном аспекте рассмотрена на материале лексики русского и английского языков (Н.В. Шафтельская (Томск). «Мотивационно-сопоставительный анализ предметно-бытовой лексики русского языка в сравнении с английским»); подведены итоги мотивационно-сопоставительного анализа фитонимов и орнитонимов в динамическом аспекте (А.С. Савенко (Томск). «Мотивационно-сопоставительный анализ тематических групп лексики русского и английского языков в динамическом аспекте» (заочно). В качестве стендовых докладов были представлены разработки А.К. Казкеновой (Алма-Ата. Казахстан) «Мотивированность в ряду онтологических характеристик заимствованного слова (на материале русского языка)»; Н.Е. Петровой (Нижегород). «Внутренняя форма как фактор переосмысления оценочной семантики слова (на примере лексемы *нелицеприятный*)»; Е.Е. Рыбниковой (Кемерово) «Мотивационная грамматика древнерусского текста»; М.С. Власова (Бийск) «Изучение общеязыкового, правового и обыденного толкования слов с семантическим компонентом *экстремизм*».

В докладах секции № 2 **«Мотивация и деривация»** обсуждались работы по мотивологии и смежным с ней научным дисциплинам – семасиологии, дериватологии, ономасиологии. Объектами анализа представлены были свойства слов (мотивированность, идиоматичность, производность, интенсивность и др.), различные парадигмы (лексико-семантические, деривационные), явления (полисистемность, синонимия, авторизация) и т.д. Связующим звеном обсуждаемых докладов предстали мотивационно-деривационные связи.

Были обсуждены доклады Н.Б. Лебедовой (Кемерово) «Полиситуативная структура глагольной семантики мотивированного слова»; Т.А. Катышева (Кемерово) «Временные представления в лексико-семантических парадигмах производных одной тематической группы (по данным частных диалектных систем)», М.А. Толстой (Томск) «Актуализация полисистемных отношений в лексике вершининского говора»; Э.С. Денисовой (Кемерово) «Стратегии идентификации дериватов нетиповой словообразовательной структуры носи-

телями языка»; И.В. Евсеевой (Лесосибирск) «Механизмы номинации дериватов в лексико-словообразовательном гнезде»; М.Э. Гайсиной (Томск) «Синонимия и мотивированность»; Е.В. Бельской (Томск) «Изучение интенсивности в современной отечественной лексикологии»; С.В. Гричина (Юрга) «Эксплицитная и имплицитная авторизация в научном дискурсе».

В качестве стендовых были предложены доклады В.П. Васильева, Е.В. Васильевой (Кемерово) «Мотивированные слова как средства представления метеонимической картины мира», О.Ю. Галуза (Благовещенск) «Мотивационно связанные слова в речи носителей албазинского говора Амурской области»; И.А. Кунгушевой (Благовещенск) «Причины демотивации, лежащие в сфере словообразовательных отношений»; М.Т. Поповой (Москва) «Альтернативная мотивация в словообразовательном гнезде».

В работе секции **№3 «Функциональный аспект мотивологии»** приняли участие 13 докладчиков. Выбор предмета анализа характеризуется актуальностью и разнообразием, что нашло отражение в тематике докладов: В.Г. Наумов (Томск). «Графический способ актуализации мотивационных отношений слов»; Н.Г. Нестерова (Томск). «Мотивированность названий радиопрограмм как фактор взаимодействия с адресатом»; О.Г. Щитова, Е.С. Самсонова (Томск). «Полимотивация в эргономии Томска»; Симона Коришанкова (Брно, Чехия), Л.Б. Крюкова (Томск). «Мотивационно связанные слова и их роль в создании перцептивных образов (на материале поэзии Серебряного века)»; Л.Г. Самотик (Красноярск). «Отсутствие лексической мотивированности экзотизмов как выразительное средство художественного текста»; О.С. Михайлова (Томск). «Отражение мирообраза автора в мотивационном поэтическом словаре»; Ю.А. Эмер (Томск). «Актуализация отношений семантической мотивации слов как средство порождения текста в современном фольклоре»; Г.Н. Старикова (Томск). «Мотивационно связанные слова как средство отражения общинного микромира (на материале собрания старообрядческих памятников письменности)»; А.В. Шевчик (Томск). «Основные понятия мотивологии в практике преподавания русского языка как иностранного». Стендовый доклад: Н.А. Тихонова (Томск). «Прагматический фокус анализа метафорически мотивированных наименований (на материале Томского публицистического дискурса о Германии в Интернете)».

Заключительное пленарное заседание проходило в последний день конференции, 24 октября. Открыла его Т.А. Демешкина (Томск) докладом «Роль мотивационно связанных слов в организации семантических фрагментов текста», в котором проанализировала явление мотивированности в дискурсивном аспекте и выявила текстообразующий потенциал мотивационно связанных единиц.

О.И. Блинова (Томск) в докладе «Внутренняя форма слова как феномен мотивологии» представила комплексную структуру, названную мотивационной триадой, которая объединяет мотивированность, внутреннюю форму слова и мотивационно-связанные слова в единый конструкт.

О.В. Фельде (Красноярск) в докладе «Мотивологическое терминоведение v.s терминологический аспект мотивологии раскрыла сходства и различия двух предметных областей русистики, объектом исследования которых яв-

ляются специальные наименования: термины, прототермины, номены, профессионализмы.

Е.А. Юрина (Томск) в докладе «Теория языковой образности в свете основных положений теории лексической мотивации» представила свежий взгляд на указанную проблему.

Л.П. Дронова (Томск) в докладе «Лексикографические проблемы в свете задач антропологической лингвистики» актуализирует изучение изосемии (диалектной и межъязыковой) посредством систематизации словаря на основе новых информационных технологий.

Л.Г. Панин (Новосибирск) в докладе «Итоги исследования Друтского Евангелия» поделился результатами анализа этого замечательного памятника древнерусской культуры.

Участники пленарного заседания ознакомились с содержанием стендовых докладов З.М. Богословской (Томск) «Неомотивация в сфере формального варьирования» и Н.А. Илюхиной (Самара) «Варьирование образа как механизм реализации когнитивной функции метафоры».

Первая международная конференция по мотивологии стала важным событием для научной общественности Томска и других городов России. В рамках конференции были организованы семинары, прочитаны лекции ведущими учеными российских вузов по актуальным проблемам русистики, собравшие большое количество сотрудников, аспирантов, студентов вузов Томска. Работа конференции широко освещалась в томской прессе.

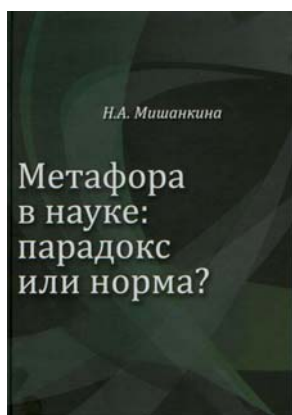
В интервью газете «Итоги» профессор Санкт-Петербургского университета В.М. Мокиенко высоко оценил результаты томских ученых, достигнутые в области мотивологии и представленные на конференции: «У меня не может быть иного мнения, кроме самого высокого. <...> Здесь работают люди, влюбленные в русский язык, в свое дело. И это, мне кажется, увековечивает и язык, и Томский университет создает томской филологии такой особый, как сейчас принято говорить, мировой бренд» (Наукоград. 2012. №39).

О.И. Блинова,
д-р филол. наук,
профессор кафедры русского языка
Томского государственного университета
E-mail: blinova_11@mail.ru

Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка
Томского государственного университета
E-mail: demeta@rambler.ru

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.17223/19986645/23/13

Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 282 с.

Монография посвящена исследованию метафорических оснований научного мышления, получающих выражение в научном тексте и шире – в дискурсе. Комплексный лингвистический анализ научных текстов показывает преобладание в научном тексте и дискурсе метафорических моделей, выполняющих дискурсивно-онтологические и гносеологические функции. Монография адресована широкому кругу специалистов-гуманитариев.

В 2010 г. в Томском университете я оппонировал докторскую диссертацию Натальи Мишанкиной «Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса». И сегодня я вновь счастлив обратиться к анализу ключевых моментов этой работы, раскрытых на этот раз в монографии Натальи Александровны «Метафора в науке: парадокс или норма?».

Содержание этой книги связано с развитием проблематики исследований, проводимых в Томске под руководством профессора З.И. Резановой. В серии монографий и диссертаций, уже получивших весьма высокие оценки, обобщено общее направление работы этого исследовательского центра, его стремление продвигать новые веяния лингвистической мысли в описание различных предметных областей и – главным образом – в разноаспектное описание русских дискурсов. В итоге выполненные здесь исследования всегда характеризуются попыткой создать концепцию с выдвижением прогрессивных методик анализа эмпирического материала и новых идей относительно его типологических особенностей. Не является исключением и обсуждаемая книга. Ее автор – Н.А. Мишанкина – задумала свою работу и как исследование по русскому языку и – одновременно – как труд по теории языка, и в целом совмещение этих задач ей удалось. С одной стороны, Н.А. Мишанкина стремится продемонстрировать все то, что можно связать с наличием в русском научном дискурсе когнитивных схем его метафорического моделирования, и предлагает категориальный аппарат, который мог бы отразить наличие и характер моделей этого рода. С другой стороны, перед нами попытка осмыслить особенности научного дискурса в более общем плане – в связи с концептуализацией и категоризацией мира, метафоричностью дискурсивных моделей и их когнитивно-коммуникативных характеристик. Такие задачи и такой подход к их решению следует, конечно, поддержать, как и общие представления Н.А. Мишанкиной о сущности когнитивных моделей языка науки, о необходимости отразить более полно и содержательно всю метафориче-

скую специфику научного дискурса. Нельзя не поддержать и стремление автора работать в той парадигме лингвистического знания, которая с легкой руки Е.С. Кубряковой получила название когнитивно-дискурсивной и в соответствии с установками которой автором формулируются собственные принципы в выдержанной манере соотношения когнитивной и коммуникативной сторон научного текста. Как и автору данного отзыва, применившему когнитивно-дискурсивный подход к описанию русской диалектной морфонологии, обращение к когнитивно-дискурсивной парадигме помогло Наталье Александровне избрать направление метафорического моделирования научного дискурса и, следовательно, прямого отношения метафоры к формированию и передаче научных когниций.

В современной науке, конечно, уже обозначены разнообразные аспекты моделирования научного дискурса, включая и постановку проблемы метафоризации, намечены главные направления междисциплинарного исследования этой части когнитивных теорий дискурса. Не может поэтому не радовать, что в книге Н.А. Мишанкиной сделан еще один важный шаг в разработке лингвокогнитивных аспектов теории дискурса: освещены фундаментальные принципы когнитивно-дискурсивного подхода к научной метафоре. Все это, несомненно, свидетельствует об актуальности поднимаемых проблем и такой же безусловной новизне предлагаемых решений. Таким образом, общая высокая оценка содержания книги связана прежде всего с тем, что автору, действительно, удалось выделить и обосновать общие закономерности метафорического моделирования научного дискурса, преодолев тем самым распространенное до недавнего времени в лингвистике отношение к научной метафоре как к «несвойственному имени» или «уловке стиля». Думается, что основанием для высокой оценки является и то, что исследование Н.А. Мишанкиной вносит вклад в понимание метафоры; в расширение представлений о метафоричности научных дискурсов; в лингвокогнитивное моделирование научного дискурса и, в частности, того, в моделях какого вида реализуется содержание научного знания; в эмпирические сведения и классификацию научных метафор, наблюдаемых в русских дискурсах, и, наконец, в теорию метафорических моделей научного дискурса как таковую. Эти содержательные моменты составляют главное достижение работы.

В исследовании Н.А. Мишанкиной метафора выступает как модель дискурсивного мышления не только потому, что она оказывается своеобразным стилем видения мира, но и потому, что связанные с нею образы мира осознаются как особые содержательные зоны ментальных моделей дискурсивной деятельности. Осуществляемое при участии метафоры моделирование научных дискурсов означает, что в дискурсивных актах задумываемое содержание может получить поддержку за счет не только комбинирующихся элементов научного стиля, но и концептуальных моделей метафоризации дискурсивной картины мира. Более того, метафорическая модель в ее соотношении с иными когнитивными моделями научного дискурса находит свое выражение не только в приметах (чертах) научного стиля, как это полагали ранее; субстанция научного текста, обогащенная метафорой, становится приемом (механизмом) дискурсообразования. И главное – метафора обеспечивает на-

учную категоризацию новыми измерениями и может поэтому считаться когнитивно значимой.

Основные разделы книги связаны с обоснованием роли метафоры как такого способа представления содержания в научном дискурсе, который приводит к обоснованию концепций и концептов (метафора демонстрирует или выявляет концептосферы маркированных ее проявлениями дискурсов). Именно в этом смысле отмечаемые и описываемые автором монографии типы метафорического моделирования позволяют раскрыть когнитивные и коммуникативные функции метафор языка науки.

Очень много интересного и важного сказано также в книге об особом статусе когнитивных моделей метафоры и их роли в процессах дискурсообразования, благодаря чему сами метафорические модели оказываются показателями внутренней динамики научных дискурсов и связанных с ними картин мира. Обогащение этого понятия (картина мира) связано и с подробным освещением проблематики дискурсивного анализа научного текста как имеющего прямое отношение к функциям научной метафоры. В этом свете следует оценить и то новое, что говорится автором об уровнях моделирования научного дискурса и представленной типологии моделей.

Общий высокий научный уровень обзоров по проблеме когнитивных моделей, представленная в работе попытка обосновать систему этих моделей, выделенных в рамках различных концепций когнитологии, их соотношение с основными этапами ментальной деятельности, а также определение центрального положения метафоры в системе когнитивных моделей идентифицирующего и интегрирующего типа – все это свидетельствует о важном теоретическом вкладе исследования Н.А. Мишанкиной. Сами же обзоры могут только украсить любую из современных энциклопедий по когнитивной лингвистике.

Таких же высоких оценок заслуживает предложенная автором трактовка научного дискурса как целостной системы и рассмотрение функций когнитивных моделей его формирования. Обзор современных теорий дискурса, продвижение понятия «дискурсивная картина мира», соотношение категорий анализа дискурса, стиля и текста, рассмотрение проблем классификации дискурсов, детальное описание научного дискурса и определение способов его моделирования – это и многое другое поражает глубиной анализа, диалектичностью подачи сложных понятий, многие из которых все еще переживаются современной наукой.

Однако основной научный пафос этой книги раскрывают те ее разделы, которые посвящены определению научного дискурса как картины мира и способов его моделирования. Именно здесь раскрываются базовые положения развиваемой теории метафорических моделей научного дискурса и – главное – определяется типология научной метафоры в функциональном аспекте межуровневого моделирования дискурсов, позволившая объяснить роль метафоры в формировании дискурсивной картины мира. Проведенный анализ метафорических моделей на четырех уровнях их функционирования (уровни научного текста, научной парадигмы, научного дискурса и интердискурсивности) привел к новаторской классификации метафорических моделей. Это еще одно достижение автора, имеющее свое теоретическое и при-

кладное значение в контексте предложенной теории метафоричности научного дискурса.

Сказанное объясняет и новое понимание научного дискурса как лингвокогнитивной модели и роли метафорической концептуализации в ее построении и функционировании.

Роль метафоры в моделировании научного дискурса заключается, по мнению автора, в том, что ее модели, функционирующие на разных уровнях дискурса/текста, настроены на формирование ментального пространства науки, образуют структуры метафорических систем в интертекстуальном и интердискурсивном плане, определяют дискурсивную динамику различных типов научных метафор. При таком концептологическом понимании метафор, метафоризации и метафоричности научного дискурса, оцениваемого со стороны базисных моделей формирования научных когниций и концептосфер, не могут не возникать вопросы о сущности описываемых в монографии явлений. Главный из них, конечно, сформулировала сама Н.А. Мишанкина в названии своей монографии, но с ним, на наш взгляд, связан еще один: «Метафора в науке: стереотип или творчество?». С этим вопросом связано восприятие и постижение полученных автором моделей и – прежде всего – в аспекте соотношения метафор естественного языка и языка науки: как сопоставляет автор специфику функционирования этих метафор и одинаковы ли векторы метафорического моделирования этих разных языковых и дискурсивных систем?

Не менее актуальны и поднимаемые автором книги вопросы когнитивного стиля.

Если принимать во внимание, что метафора является показателем креативности научного дискурса, то параметр когнитивного стиля оказывается немаловажным уровнем лингвокогнитивного моделирования и функционального описания научных метафор. Отсюда вопрос о месте когнитивного стиля в системе уровней функционирования метафорических моделей.

Из общих постулатов, развиваемых в двух последних главах монографии, можно подчеркнуть обоснованные в описании материала ценные соображения автора о типах метафоры в русском научном дискурсе и значимости этих типов с когнитивно-дискурсивной точки зрения. Подлинно новым и новаторским является и само полученное в этих главах описание метафорического моделирования научного дискурса.

Эмпирические части книги позволили обосновать главное – общее определение метафоричности как «универсального гносеологического механизма, активно задействованного в научном дискурсе при формировании эпистемологических моделей».

Не менее интересны и выводы автора о характере формирования внутритекстовой метафорической системы, о категориях интертекстуальности и интердискурсивности, специфике функционирования парадигмальных метафор и гносеологических универсалиях («метафорических архетипах научного дискурса»). Новая логика аргументации, которая используется Н.А. Мишанкиной, четкость авторских представлений очень сложных понятий могут только восхищать.

Но самой высокой оценки заслуживают, помимо отмеченных выше теоретических решений, собранный автором материал научных метафор и под-

робные комментарии к нему. Представленный анализ поражает глубиной и скрупулезностью описания, знанием всех таксономических особенностей изучаемых метафор и специфики их дискурсивного функционирования.

В заключение нельзя не повторить, что исследование русского научного дискурса, проведенное Н.А. Мишанкиной, безусловно, свидетельствует о новизне принятых решений и подлинной глубине анализа.

Прогрессивный характер основных положений монографии заключается как в создании общей трактовки метафоричности научного дискурса, так и в разработке методологии когнитивно-дискурсивного моделирования русских научных текстов. В частности, с выявленными автором когнитивными моделями метафорического функционирования и схемами их дискурс-анализа, развиваемого в работах З.И. Резановой и ее учеников, могут быть соотнесены задачи описания текстов иных жанров и стилей. Именно освещение проблем дискурса в аспекте его миромоделирующей функции, позволившее обосновать на значительном эмпирическом материале авторское понимание процессов метафоризации, свидетельствует о несомненной новизне проведенного исследования, его вкладе в развитие когнитивно-дискурсивного направления лингвистики и ее прикладных аспектов. В русистике это, пожалуй, один из первых в своем роде опытов лингвокогнитивного исследования метафор в научном дискурсе.

А.Г. Антипов,
д-р филологических наук,
профессор кафедры стилистики и риторики
Кемеровского государственного университета
E-mail: sante3@yandex.ru

DOI 10.17223/19986645/23/14

Поплавская И.А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX века. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 387 с.

В монографии представлена парадигма значений поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в., которая анализируется как многоуровневая система. Основу этой системы составляет понимание поэзии и прозы как двух типов художественного мышления, двух типов речевой организации и многообразных жанрово-стилевых форм их проявления. В работе впервые выделены и описаны устойчивые типы взаимодействия поэзии и прозы в творчестве В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя: метатекстовая интеграция, межтекстовая интерференция, гипертекстуальное образование, межтекстовый параллелизм, синтез поэзии и прозы, прозиметрия, поэтическая центрация.

Для преподавателей вузов, аспирантов и студентов, а также для всех интересующихся историей русской литературы XIX в.

Вопрос о соотношении двух типов художественного языка – стиха и прозы – принадлежит к числу главных теоретических и историко-литературных проблем в нашей науке. Как известно, глобальным теоретическим открытием в этой сфере стала работа Ю.Н. Тынянова «Проблема стихотворного языка». Известный филолог разделил признаки стихотворной речи на первичные и вторичные. К последним относятся размер, рифма, строфа, тогда как главным разграничителем выступает особый способ деления речи, включающий принципиально новые единицы, которые могут не совпадать с обычным синтагматическим членением.

Открытие Ю.Н. Тынянова поставило целый ряд новых вопросов, ответы на которые могли быть даны только в результате исследований конкретного материала. В этом контексте научная новизна монографии И.А. Поплавской представляется важной в двух измерениях: во-первых, автору удалось выявить основные типы взаимодействия стиха и прозы (синхронный ряд), во-вторых, показать, как с помощью этих оппозиций формировалась жанровая система поэзии и прозы в первые три-четыре десятилетия XIX в. (диахронный срез). И.А. Поплавская впервые в филологической науке дает описание репрезентативных для определенного исторического периода моделей и механизмов взаимодействия поэзии и прозы в границах 1808 (приход В.А. Жуковского в «Вестник Европы») и 1842 г. (1-й том «Мертвых душ») как «особых типов художественного мышления, формирующих автоцентрическую и логоцентрическую эстетические модели мира», выделяя при этом такие критерии, как особенности художественного образа и слова в поэзии и прозе, категории автора, героя, читателя, жанрово-стилевые тенденции.

Наиболее сильной стороной исследования И.А. Поплавской является абсолютная целостность изложения, связывающая все пять глав исследования.

Безупречность композиции работы позволяет привести к общему знаменателю и базовые теоретические фрагменты, и конкретно-исторические моменты, и глубокий анализ представленных текстов. Так, уже в первой главе широко, полно и убедительно представлена динамика восприятия поэзии и прозы в русской теоретико-литературной мысли XVIII – первой трети XIX в., когда у первых теоретиков М.В. Ломоносова, В.С. Подшивалова, И.С. Рижского складываются две основные тенденции в понимании различий поэзии и прозы как речевой, с одной стороны, и жанрово-стилевой формы – с другой. Справедливо в этой связи подчеркивается новаторская природа «Общей риторики» Н.Ф. Кошанского, в которой утверждается двучленная (стихи – периоды) и трехчленная (стихи – периоды – проза) система противопоставления поэзии (стихов) и прозы, основанная на способе соединения мыслей и выражения их.

В большой мере успех последующих четырех глав был предreshen четким описанием теоретической основы, обусловившей логику четырех гениев русской литературы – В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя, которые стали основными героями монографии И.А. Поплавской. Во второй главе автор книги рассматривает соотношение поэзии и прозы в поэтике Жуковского, подчеркивая при этом роль двух источников в формировании метатекстовой стратегии российского писателя – общей теории романтизма, с неперменной идеей синтеза как отдельных видов искусств, так и жанров и стилей внутри одного из ведущих видов – словесности, и позицией журнала «Вестник Европы», редактором которого в 1808–1810 гг. был Жуковский. И.А. Поплавская абсолютно верно подчеркивает роль массовой литературы в формировании коммуникативных стратегий журнала, особый прием пересечения кода имени и кода события в «Вестнике Европы», благодаря чему возникает несколько продуктивных сюжетов, среди которых можно выделить «наполеоновский» и «александровский» сюжеты, роль фатических кодов. Эти и другие наблюдения в значительной степени помогают понять механизм соотношения стиха и прозы в начале XVIII в.

И.А. Поплавская проявляет в своем исследовании незаурядное мастерство аналитика. В частности, параграф второй главы посвящен межтекстовой интерпретации поэзии и прозы в «Марьиной роще» В.А. Жуковского и А.И. Мещевского. Именно принцип удвоения в двух системах художественного языка вызывает стихотворный парафраз «Марьиной рощи» у Мещевского, причем без учета элегического стиля стихотворений Жуковского такое событие вряд ли могло бы состояться.

Детальное изучение соотношений прозы и поэзии в системе творчества Жуковского становится в книге И.А. Поплавской фоном, на котором разворачивается исследование аналогичных процессов у Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Таким образом, в центре третьей главы оказывается анализ романа в стихах «Евгений Онегин» и «Повестей Белкина» как двух полюсов поэтики Пушкина. Так, при анализе первого произведения сделано немало важных и интересных наблюдений и экспликаций. К числу их, вне всякого сомнения, можно отнести указание на многофункциональность авторской позиции, совмещающей в предисловии функции читателя, критика и комментатора романа, истолкование первой главы «Евгения Онегина» как динамической мо-

дели целого, анализ трансформации прозаической отповеди Онегина Татьяне и механизма ее вмонтированности в онегинскую строфу.

Гораздо больше места уделено рассмотрению художественной структуры «Повестей Белкина». Начиная с анализа эпитафия, автор работы обнаруживает прием множественной перекодировки и показывает его развитие в процессе текстопорождения у Пушкина. Особенно хотелось бы выделить рассмотрение метельного сюжета в «Повестях Белкина». «Параллельное описание метели, – справедливо замечает исследователь, – в эпитафии, повести, стихотворениях «Зимний вечер», «Бесы», а позднее и в «Капитанской дочке» позволяет рассматривать метельный сюжет Жуковского – Пушкина как разновидность «природного текста» в русской литературе 1810–1830 гг.»

В основу сюжета четвертой главы положена динамика взаимодействия поэзии и прозы в творчестве Лермонтова. Центральным пунктом этой главы становится тезис о диалоге коммуникации и автокоммуникации как основе лермонтовской поэтики, поскольку именно в отношении к другому «я» чаще всего достигается тождество героя самому себе, поэтому другое «я» как объект изображения, познания и самопознания, как носитель своей системы ценностей становится обязательным участником в творчестве поэта. Действительно, конфликт себя Другого, о котором писал Ж. Лакан, становится едва ли не главной чертой модели мира анализируемого автора. В этом плане нам представляется весьма значимым обращение к письмам Лермонтова, формирующим автобиографический миф, а через него и поиски прозиметрии как средства сбалансировать исконную противоположность прозы и стиха.

Высоким качеством анализа отличается и разбор прозы Лермонтова с точки зрения ее внутренней близости к поэзии. Здесь в качестве новаторских наблюдений стоит отметить поэтику светотени в «Вадиме», роль вкраплений стихотворных цитат Пушкина в «Княгине Лиговской» и, конечно, впервые замеченную исследовательницей действенную функцию героев-рассказчиков в «Герое нашего времени», когда персонажи переживают события дважды: вначале как субъекты действия, а затем как субъекты воспоминания и рассказывания. Такая двойственная функция героев-рассказчиков приводит к неизбежному эстетическому «напряжению» между поступками героев и самой ситуацией рассказывания (письма). Эти и многие другие не менее значимые рассуждения автора позволяют прийти к выводу о соответствии ритмической и пространственно-временной организации лермонтовской прозы его лирическим текстам, а отсюда и о гомогенности лермонтовской прозиметрии.

Заключительная глава работы, связанная с этапами взаимодействия прозы и поэзии в творчестве Гоголя, пожалуй, в наибольшей степени актуализирует диахронный аспект заявленной темы всего исследования. В ней само понятие коммуникативной стратегии рассматривается как постоянное измерение по мере перехода творчества Гоголя от одного цикла рассказов и повестей к другому вплоть до первого тома «Мертвых душ». Автор монографии сумела связать основные типы рассказчиков в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» с ориентацией на разные типы слова: книжное, устно-поэтическое, бытовое, благодаря чему и оформляется сложная логоцентрическая структура всего сборника.

В «Миргороде» предметом внимания исследователя оказывается соотношение метонимического и метафорического дискурсов, и здесь, вслед за

Р.О. Якобсоном, автору удается показать специфическое соотношение двух речевых систем.

Следует сказать об одной особенности, характеризующей манеру письма самого автора монографии. Зафиксировав внимание на одной детали, она разворачивает её и настолько органично вписывает в структуру целого, что при всем желании обнаружить разрыв между теорией и аналитикой оказывается невозможным. Ср.: «Так, оспины на лице Акакия Акакиевича, который, как известно, был «несколько рябоват», вызывают целый ряд вещных ассоциаций, к которым можно отнести и заплаты на его шинели, и пуговицы, оторвавшиеся от его панталон, и гроши, регулярно откладываемые «со всякого истраченного рубля», и бумажки, которые молодые чиновники сыпали ему на голову». Так в одном предложении И.А. Поплавской удается вскрыть художественный смысл «Шинели», особенности ее метонимического дискурса.

При анализе поэмы «Мертвые души» автор работы достаточно убедительно вскрыла механизм поэтической центрации, нашла интересные параллели с «Божественной комедией», показала, как фрагменты с повышенной семантической маркированностью трансформируются в сквозные сюжеты и варьирующиеся фабульные ситуации. Благодаря этим и многим другим приемам, описанным в заключительном фрагменте, И.А. Поплавская делает принципиально важный вывод о том, что позиция автора в силу его избыточной вненаходимости эстетически восполняет завершенность героя, обнажая его внутренний, духовный потенциал.

Таким образом, объективное рассмотрение научного труда И.А. Поплавской позволяет говорить о том, что перед нами фундаментальное научное исследование, органически соединившее важные теоретические открытия в проблеме соотношения двух кодов художественного языка с новаторским анализом художественных явлений первой трети XIX в.

Ю.В. Шатин,
д-р филол. наук,
профессор кафедры русской литературы и теории литературы
Новосибирского государственного педагогического университета
E-mail: shatin08@rambler.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЛИНОВА Ольга Иосифовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: Blinova_11@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Александровна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: tatiana_w_1988@mail.ru

ВЕРШИНИН Василий Александрович – ассистент кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.

E-mail: virshinin@gmail.com

ЖИЛЯКОВА Эмма Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: emmaluk@yandex.ru

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: kv-uliss@mail.ru

КОРЮКИНА Екатерина Александровна – соискатель кафедры теории языка и славяно-русского языкознания Кемеровского государственного университета.

E-mail: korka89@mail.ru

ЛЕБЕДЕВА Наталья Борисовна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории языка и славяно-русского языкознания Кемеровского государственного университета.

E-mail: nlebedevab@yandex.ru

МЯСНИКОВ Илья Юрьевич – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.

E-mail: bit.magazine@gmail.com

МЯСНИКОВ Юрий Николаевич – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.

E-mail: pressintegral@gmail.com

ПУШКАРЕВА Ирина Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк).

E-mail: pial1@yandex.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка и литературы Томского политехнического университета.

E-mail: resso@rambler.ru / resso@mail.tsu.ru

РЫБАЛЬЧЕНКО Татьяна Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX в. Томского государственного университета.

E-mail: talery.48@mail.ru

СЕДОВА Наталья Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры туризма Омского государственного института сервиса.

E-mail: sedova2006@mail.ru

ХОХЛОВА Наталья Андреевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: natalyakhohl@yandex.ru

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

LINGUISTICS

P. 5. *Blinova Olga I.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). **MOTIVATIONAL TRIAD AS A COMPLEX CATEGORICAL UNIT OF METALANGUAGE AND TEXT.** In the article the author considers for the first time ever a complex categorical unit of the metalanguage of motivology: motivation as a word characteristic, motivationally connected words or motivation, the inner form of the word, and its language image as a text unit.

The first part of the article is devoted to the motivational triad as a phenomenon of the metalanguage of motivology, the second - as a phenomenon of the text, in other words, as one of the functional units of the text.

One of the parts of the motivational triad is word motivation. In the hierarchy of the word features motivation plays the leading role and predetermines the dependence on it of such characteristics of the word as isomorphism, idiomatic character, expressiveness, evaluation, figurativeness, and others. Motivation is connected to all the elements of cultural linguistics: personification, zoomorphism, phytomorphism, anthropomorphism, natural morphism, phonomorphism and others.

Motivation is one of the important features of the word, which characterizes it in the aspect of the speakers' perception of the connection between the meaning and the sound of a lexical unit. The perception of the word motivation can be seen in the speakers' statements. Motivation has a lot of expressive means. One of them is motivationally connected words, which can be found in many texts within the frame of all the existing forms of the language and their style diversity. These words carry out many functions (more than twenty). They represent the whole vocabulary of the language apart from 1-5% of the words, which are not motivated. Taking into consideration all the data and multifunctionality of the motivationally connected words, the phenomenon of the word motivation can be defined as the leading lexical phenomenon of the Russian language.

Another means of expressing motivation is the inner form of the word, which is determined as a morphosemantic structure of the word indicating interdetermination of its sound and meaning. In the article the author describes the role of one of the parts of the inner form of the word – a significant element of the phonetic shell of the word, which makes up a motivation form and motivation meaning. This significant element takes part in defining the types of the word motivation (morphological, semantic, morphosemantic), the types of the inner form of the word (variant and non-variant, complete and incomplete, figurative and non-figurative), in expressing lingua-cultural characteristics of the word: personification, zoomorphism, phytomorphism, anthropomorphism, natural morphism, phonomorphism, and others. It is also known for its implementation in different functions of the inner form of the word in the texts: communicative, expressive and aesthetic (expressing figurativeness, speech figures, humor effect, quasiremotivation) and non-textual functions: conative, gnoseological, nominative, representative and expressive.

After considering the three components of the motivational triad the author proceeds to its structure. The structure consists of three parts: the first, the main and the independent part of the triad is the word motivation, the second and third parts are the motivation and the inner form of the word, which are the dependent parts and fulfill the role of the means of expressiveness of the word motivation.

Despite the sophistication of each part of the triad it is considered as a single whole maintaining its self-development.

A very important role of motivation as a word feature in the system of the language and its functioning has predetermined the abundance of means of its expressiveness due to motivationally connected words and the inner form of the word.

Keywords: motivation, motivationally connected words, inner form of word, motivational triad, significant parts of phonetic shell of word.

P. 11. *Lebedeva Natalia B., Koryukina Yekaterina A.*, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). **NAIVE AUTHOR AS WRITING PERSONALITY: GENRE-STUDY ASPECT.** The paper substantiates the notion of writing personality exemplified by naive author's texts description. This functional variant of linguistic personality is viewed through the lens of their genre consciousness and

genre realization; thus, the task set is to substantiate the proposition that a writing personality can be described by means of their genre preference analysis. The following research describes fiction and journalistic texts by Galina Petrovna Kasatkina, a naive author who has lived a long and complicated life of a crane operator, charwoman and collective farm worker, presently a concierge. Her fiction and journalistic texts were selected as research material. Elements of comparison with classical genre models reflected in literary criticism, functioning as a point of reference, a certain background against which peculiarities of traditional genres employment can be identified in G.P. Kasatkina's texts are used to analyze text material genre implementation. The writer's high education and certain knowledge of fiction and journalistic texts speak for her being guided by professional writers' works and having some idea of genres, that is, being genre-competent to some degree. G.P. Kasatkina's text material analysis displayed a peculiarity: texts bear no sufficiently expressed genre design, while being characterized by diffusiveness, amorphism and syncretism of genre forms, the latter qualified here as 'genroid'. The term stands for a genre formation coinciding with a literary canon along some criteria, with a different canon along other criteria or having no literary genre criteria at all. The following genroids were singled out in G.P. Kasatkina's works: 'memoirs', 'short story', 'ballad', 'poetic message', 'travel notes', 'phantasmagorias' (mystic texts), 'commentaries' (social and political texts). The paper is completed with conclusions about the writing personality of this particular naive author: an average type of Russian senior generation (feminine gender type), having poor command of genre canons, varying genre criteria at liberty, alternating styles where excessive emotionality, associativity and subjectivity prevail.

It is maintained that the given experience of a writing personality description allows to speak of definite diagnostic potential of the proposed method, that is, seeing a complete picture of the writing personality through the genre "magnifying glass."

Keywords: naive author, writing personality, genre, genroid.

P. 24. *Pushkareva Irina A.*, Kuzbass State Pedagogical Academy (Novokuznetsk, Russia). ON SEMANTIC AND STYLISTIC REALIZATION OF CITY IMAGE IN CITY TEXT OF LOCAL HISTORY CHARACTER (THEME "DOSTOEVSKY IN KUZNETSK" IN CITY NEWSPAPER "KUZNETSKY RABOCHY"). Local history and culture is one of the most important components of the cultural space. Not only special investigations, but also regional media discourse has local historical direction. The graphic example of it is the oldest newspaper of Novokuznetsk – "Kuznetsky Rabochy". Due to the image created on the city newspaper's pages we can see the city in the unity of the past, present and future, not only as a physical space, but also as a spiritual one. Local historical materials of "Kuznetsky Rabochy" reproduce a few key topics; of course, there is a theme "Dostoevsky in Kuznetsk" among them.

The image of the city is created by appeals and different onyms. Regulative strength of proper names is predetermined by their graphical aspect: words written with a capital initial letter are more noticeable to the reader than the lowercase ones. Journalists actively use the communicative aspect of proper names. On the stage of perception onyms help to find their own reader who understands the importance of a designated reference to a referent. On stages of understanding and interpretation proper names enter the semantic structure of a text; it is shown by their inclusion in emotionally and expressively saturated contexts and in semantic lexical paradigms.

The device of parallel representation (first of all, of the past and present of the city) is characteristic for realization of the image of the city in the city newspaper. Sometimes the representation is supplemented with the third plan – of hypothetical future, in correspondence with the importance of prospectivity in the temporal organization of a text for the public. A special occasion is parallel representation of the real and imaginary, when journalists break myths townspeople have.

Emotional, expressive and conceptual load of contexts that create the image of the city is underlined by use of such regulative means as tropes and stylistic figures, valuation vocabulary, words-intensives, particles, explanatory constructions. Regulative means perform the functions of intensification, specification, assessment and in this way ensure the feedback from the reader.

The semantic and stylistic features of newspaper materials reproduce the thought about Dostoevsky's stay in Kuznetsk as about the city's touch to the high, about the possibility to enrich the spiritual space; this possibility, in the opinion of the city newspaper authors, is founded on memory. In the view of "Kuznetsky Rabochy" journalists seeking a worthy future for the city means researching its native history, respecting memory about its especially important pages, which the love story of the great writer and M.D. Isaeva refers to.

Keywords: newspaper text, city newspaper, local history, regulative means, proper name.

P. 34. *Rezanova Zoya I.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). CONFLICT IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN LANGUAGE SPEAKERS (BY ASSOCIATION EXPERIMENT). The paper presents the results of the study of the associative potential of the conflict name with the application of association experiment technique.

On the basis of associations thematic ordering, their quantitative analysis revealed how the conflict situation is presented in the linguistic consciousness of Russian language speakers: its structure, types, introduction of mental and social contexts, assessment system.

In the studied focus group the nuclear are associations of the word "conflict" with the names of verbal types of conflicts and mental and psychological states of the subject, as evidenced by the number of all the reactions of the group, and, what is more important, by their first reactions. The dominant association is "conflict – quarrel."

The total of associations of the group enters the conflict in the stratified hierarchy of concepts: the situation, relationship between people – the conflict – quarrel, fight, etc. Likewise, each of the components of the situation is represented by associations that either make the conflict a kind of a dynamic situation, relationship, or represent the structural characteristics of specific types of conflict, for example, feelings and anger, the two parties and the enemy.

In the language consciousness the word "conflict" is associated with the situation of a dynamic type, based on a conflict of interested parties.

Conflict is an internally structured activity, a system with set components and relations between them.

Conflict is a type of strategic action represented in a set of tactics; it is a complex social action consisting of smaller events. Social context, social environment is an essential component of perception of a conflict, it forms the reasons for the conflict, its purpose and results.

In the structure of conflict the most important is the relationship of the internal (mental, psychological) and the external (events and objects). The internal plan for the conflict situation is mental and psychological state of the subject of the situation, motives, goals of the conflict, its results (to some extent). The external conflict is manifested in the actions of the subjects of the conflict situation in the social environment. The external and internal structures have a three-member structure: causes – development of the conflict – end (resolution).

The mental and psychological state of the subject changes with the development of the external plan of the conflict. In the dynamic aspect the reactions of the subjects were grouped into three phases of dynamic changes in the cognitive structure of the subject of the situation: the state of the subject as one of the causes of the conflict; the state in the process of conflict development; the state at the completion of the conflict situation.

Conflict as a type of social relations is in the area of assessment. The system of axiologically oriented associations opposes two types: assessment of the situation with respect to the norm of the conflict; assessment of the situation by the norms of the society. There was ethical and utilitarian assessment.

Keywords: conflictology in linguistics, conflict, conflict types, structure of conflict, association experiment, fragment of everyday picture of the world.

P. 43. *Sedova Natalia A.*, Omsk State Institute of Service (Omsk, Russia). CONCEPT "PART-WHOLE" IN ADVERTISING TEXTS AND WAYS OF ITS REPRESENTATION. The article examines the parametric "PART-WHOLE" concept as one of conceptosphere cognitive units of advertising discourse. The author of the article means by concept a unit of mental or psychic resources of human consciousness and information structure that reflects knowledge and experience of people. The analysis is carried out on the basis of advertising texts that contain the idea of a part and a whole. An advertising text is a semiotic system, which includes both verbal and non-verbal cues and elements and which has rational or emotional impact on a consumer by means of special methods and techniques.

The "PART-WHOLE" concept as any concept can be structured. Advertising texts objectify three structural components of this concept: 1) 'idea of a whole'; 2) 'idea of a part'; 3) 'idea of a part and a whole'. The main way of structural components representation of the "PART-WHOLE" concept is verbalization which is understood as representation of ideas with the help of linguistic units. The author identifies and describes three groups of verbalizers (linguistic units): lexical, phraseological and grammatical.

Lexical verbalizers are lexemes with the semantic feature 'part' or 'whole' in their meaning. Phraseological verbalizers are stable statements with the semantic feature 'part' or 'whole' in their

Lexical verbalizers are lexemes with the semantic feature 'part' or 'whole' in their meaning. Phraseological verbalizers are stable statements with the semantic feature 'part' or 'whole' in their meaning. Grammatical verbalizers are a whole set of grammatical structures, which objectify the idea of a part and a whole. The type of verbalizer depends on the represented structural component of the concept. For example, lexical-phraseological and grammatical verbalizers are used to objectify the structural components '*idea of a whole*' and '*idea of a part*', grammatical verbalizers are used to objectify the structural component '*idea of a part and a whole*' only.

By representation of the structural components '*idea of a whole*' and '*idea of a part*' the qualitative and quantitative composition of verbalizers is predictable and countable. As a rule, lexemes or grammatical constructions with the semantic feature 'whole' or 'part' in their meaning are used this way. By representation of the structural component '*ideas of a part and a whole*' the qualitative and quantitative composition of verbalizers is unpredictable and uncountable as any subject of the world model correlating with any of the reference area can be considered as a whole, which consists of the most different and unexpected parts.

Keywords: concept, part, whole, advertising text, ways of linguistic representation.

LITERATURE STUDIES

P. 52. Zhilyakova Emma M., Khokhlova Natalia A., Tomsk State University (Tomsk, Russia). CONCEPT OF HUNTING IN *THE NOTES OF RIFLE HUNTER OF ORENBURG PROVINCE* BY S.T. AKSAKOV. In the article we analyze the question of the content of hunting in *The Notes of Rifle Hunter of Orenburg Province* by S.T. Aksakov (1851). Passion to hunting in the book by Aksakov has a sense of an aesthetic event meaning the joy of discovery, search for the true beauty which is found in the bases of natural and spiritual lives of a Russian. The concept of hunting develops through the problem of nature considered in three directions: admiration and enjoyment of nature as pure beauty, relations between a human and nature, nature and soul.

The concept of hunting including the idea of significance and value of Russian life, its nature, culture, history, fate of every person – peasant and nobleman, presented by people of the rifle hunter type. Aksakov created a philosophical utopia of all-national unification and equality: hunting introduces people to the beauty of the world of nature, which is a source of moral health.

Basing on the original and pristine in nature, Aksakov discovers indissoluble unity of the natural world he describes with the image of centuries-old peasant Russia in respect of its non-realized possibilities, original and preserved people's moral values.

Philosophical and aesthetic conception of national life in its completeness and development is expressed in the wide epic narrative, in details, in the chronotope, in lyrical confession. The composition of Aksakov's story presents a research of encyclopedic character. In the base of the author's conception is the idea of development as the basis of life in its natural form, as a never-ending process of change, renewal and death, as a continuous cyclical motion.

Aksakov's story, as well as later articles by I.S. Turgenev and his *Notes of a Hunter*, is an epic layer of Russian prose, which in Russian literature became a standard of the concept of the national bases of the society manifesting the moral and spiritual health of Russian people.

Keywords: S.T. Aksakov, *The Notes of Rifle Hunter of Orenburg Province*, philosophy of nature, poetry of prose, structure of narrative.

P. 63. Kiselev Vitaly S., Vasilieva Tatiana A., Tomsk State University (Tomsk, Russia). EVOLUTION OF IMAGE OF UKRAINE IN IMPERIAL LITERATURE OF THE FIRST QUARTER OF 19TH CENTURY: REGIONALISM, ETHNOGRAPHY, POLITICIZATION (ARTICLE I). The final phase of Ukraine's integration into the imperial space during the reign of Alexander I was marked by the spirit of loyalty from the Ukrainian society. That was extremely important for the capital authorities building their relationships with various ethnic groups according to the special "unofficial" hierarchy. Occasional Ukrainians' access to the highest cultural and political spheres of the empire changed into their permanent and mass participation in metropolis life. In doing so, the natives of Little Russia no longer perceived themselves as bearers of another ethnic and national identity. Their self-consciousness can be defined as regionalism.

There were at least three ways in which the image of Ukraine was transformed in the Russian public conscience and literature from 1800 to the early 1820s. With the integration of Little Russia into the imperial administrative and political, social and cultural system the emphasis on the difference gradually weakened and was replaced by the attention to similarity. That became the ground for

century, at the common study of local and imperial history. That was also found in literature and journalism changing their language into Russian and becoming a part of the whole literature process. Turning to the cultural origins came from the notion of the united Russian and Ukrainian basis where Little Russia presented itself as the Slavic "antiquities reserve". At the other pole those changes attached significance to the local color and prevented from the complete removal of the native-or-strange system. In perspective they were to revive the regional patriotism with the possibility of its transformation into a new national self-consciousness and thinking in terms of the nation. Thus, regionalism, ethnography and politicization, as a united complex, defined the main features of the Ukrainian "difference" appearing in the imperial discourse of the Alexandrian epoch.

In the article special attention is focused on the character of the first component of the complex. The element determined the functioning of the Ukrainian image in the imperial culture and the possibility of its transformation in accordance with the Ukrainian position. A number of texts, mainly journal and journalistic ones, are examined in the article. They reflect the phenomenon of Ukrainian regionalism: its ideological content, stylistic variation, genre features and functions (including the function of social consolidation, expression of general class requests, making a stand for the rights and privileges of any class, description of the modern image of Ukraine and the expected vectors of its future development which relate chiefly to their interaction with imperial Russia, and so on).

Keywords: Russian literature, Ukrainian literature, image of Ukraine, nationalism, regionalism, ethnography.

P. 80. *Rybalchenko Tatyana L.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). BIBLE TEXT IN *PSALM* BY F. GORENSTEIN. In the article about F. Gorenstein's novel *Psalm* (1975) ways of the address of the author to the Bible text are analyzed as a) the Bible reality enters the novel's world (the Bible character will introduce the historical reality of the Soviet Russia of the 1930-60s; characters are correlated to the families of the Bible characters); b) the narrative discourse is used as a basis of poetics of narration (mythologizing parable narration) about real events when destinies of specific characters serve as manifestation of the destiny of the nation; two ways of projection of the Bible text on a narration about historical reality are shown; c) the Bible text enters the text of the novel not only for reflection of the characters addressing to the Sacred text, but also as an element defining plot situations; d) the Bible text is the author's frame text (epigraphs, names of characters, rhetorical fragments). The main subject citing the Bible is the author-storyteller accompanying the title by a subtitle appealing to the Old Testament: "Psalm. Novel-Reflection about Four Executions of the Lord."

The double genre index is accented by the primacy of rhetorical discourse over narration; the author's appeal to the Bible when depicting life on Earth does not only illustrate the judgments stated in the Bible by examples of human destinies (parables), but also proves the true character of the primordial Bible text distorted in the history of the Jewish people and the peoples who followed the Testament, but failed to execute it. The Bible text is treated as a special text, on the one hand, preserving the facts of the real history perceived as continuous, on the other hand, preserving the myth of the Testament, of the Laws of existence the Creator revealed to the prophets.

The Bible text is created by people (who wrote down the revelations of God given to the Chosen Prophets), but stores unconditional knowledge of the past and future, therefore, it is used as a criterion of testing the present, trial over the human history. In the novel the most Ancient Prophets (Amos) who did not leave texts, but their word is transferred by tradition, and Great Prophets (Moses who translated the Law, Isaiah and Second Isaiah, Jeremiah, Ezekiel, predicted Messiah and anti-Messiah) are mainly quoted; there are quotes of Ezra, Nehemiah, Elias; Minor Prophets are quoted in several cases.

In the article the author's idea of the novel is proved: a need to return to the original text of the Bible (to the Tanakh, the Old Testament) which is not altered by interpreters, to restore the maternal basis of the Christianity which arose, in Gorenstein's logic, not as rejecting, but returning to the Law.

Keywords: F. Gorenstein, the Bible, philosophical novel, sacral text, quoting.

JOURNALISM

P. 98. *Vershinin Vasily A.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). ADAPTING METHOD OF EXPERIMENT IN REGIONAL PERIODICALS DESIGN. At first we analyzed a lot of works about the theory of experiment in journalism and we came to a conclusion that all practices directed on description of experiment in journalism are determined by restricted pragmatic targets. E.g., it can be an effort to adapt experimental methods to practical newsmen work on the stage of observation, getting

information about a case, on the stage of presentation of these facts in newspapers or magazines in the view of different unusual text, illustrative, graphics and other elements. But there are no proposals about organization of experiment in modeling the structure of edition in these researches. These facts cause the relevance of creation and testing ways of using experimental methods in practice of complex modeling and design of local newspapers and magazines. The solutions of similar problems, as we know, can be found in other spheres of knowledge and activities.

From the principles of system analysis we know that experimental practice cannot be separated from the process of modeling, it allows us to test and refine the model, which is a source of information for design. We suppose that this is true for models of regional newspapers and magazines.

Our attempts to adapt the method of experiment to the process of modeling are based on the experience of application of the same methods in such spheres as mathematics, biology, and social sciences. Our works let us define the common principles of the method of experiment and the typical ways to solve the problems of modeling and design of newspapers and magazines:

- depending on the conditions of carrying out (simulated mentally or on location);
- depending on the purpose (research or test).

The practice of using the functional matrix approach in the complex design in contracts research and study projects connected with newspapers and magazines of the region allowed us to present experimental method in several standard forms of experimentation:

1. Experiments in the full range of modeling tasks.
2. Experiments, the factors of which are one or several levels of complex modeling.
3. Experimental approbation of the model during the implementation phase of the project.

The practice of performing research contracts and student projects confirms the necessity of searching variants of system-forming applied problems and developing classification of types of experimentation in the practice of modeling and design of periodicals.

Keywords: method of experiment, system approach, complex modeling, editorial design, regional periodicals.

P. 107. *Myasnikov Yuri N., Myasnikov Iliya Yu.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). MATRIX-BASED COMPLEX MODELING OF PERIODICALS AS FOCUSED PROJECT MANAGEMENT TECHNIQUE. The article describes the development of theory and application of regional press modeling due to matrix projection of newspapers and magazines viewed as a focused media project management method.

Press modeling as a toolkit of applied methods is now experiencing its peak demand. Actual versions of modeling methods are necessary. The method of matrix projection appeared due to contract basis of modern modeling projects – modeling is now a media-market phenomenon in the broad system of media-consulting.

Technique of matrix press projection is presented as a framework. The scheme is a matrix of the project of model correction, static reflection of application matrix as a guide for project managers, involved in contract research and development, training or workable designs. It is a matrix of levels of complex modeling (typological, thematic, genre, compositional and graphical) and stages of modeling, including model release as a conception and proposals.

Matrix mechanics broadens the modeling margins to entire project creation. This work includes experimental testing of edition model, e.g., newspaper or magazine pilot release, analysis and assessment of the result and project finalizing.

Not less than 30 per cent of customers (editors, owners, publishers) in making of a contract claim an intention to participate in the modeling process, both in content and design aspects. In this case executives meet specific problems and need looking for solutions.

Experience of Tomsk State University Journalism Faculty laboratories allows to identify the most frequent types of partnership with the customer – "constructive", "passive" and "directive."

Active involvement of the customer in the modeling management process helps in finding effective solutions. It is also useful: – to switch on active management on the executive stages of performing; – to make functional positioning and appointment of the project leader; – to impute the responsibility of the project manager to the main executive; – to appoint section executives responsible for phased tasks implementation in accordance with the levels of press modeling.

Thus, the set of creative challenges becomes, in fact, in a business process with all the possibilities of applying the laws of project management and business administration (e.g., building Work Breakdown Structure and Responsibility Assignment Matrix).

An effective factor in improving the efficiency of interaction of the customer and the executive is a system of stimulating interest in the practical effectiveness of the newspaper or magazine model. This system may include:

1. Perspective of theoretical and practical training of the customer or representative on the program corresponding to the sequence of modeling stages.
2. Mandatory involvement of media experts and stakeholders on the pre-investment stage and in experimental introduction to the project
3. Increasing demands for managers and section executives
4. Keeping ethics and tolerance in interaction between the customer and the developer, looking for constructive solutions of the problems.

Keywords: modeling and design of periodicals, matrix method, contract design and media-consulting.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/philology>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2013. № 3(23)

Редактор *Т.В. Зелева*

Редактор-переводчик *В.В. Каишур*

Оригинал-макет *Г.П. Орловой*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 20.05.2013 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Печ. л. 9,0; усл. печ. л. 15,1; уч.-изд. л. 14,9.

Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Учебно-производственная типография ТГУ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 66